

Был май

Кресто-Воздвиженская церковь, в которой после появления на свет, был крещен Михаил Булгаков

Содержание

Вместо предисловия.....	3
История любви. Переписка родителей М. Булгакова накануне свадьбы.....	5
Commencement. Маленькая семейная энциклопедия.....	88
Знакомство.....	88
Книги.....	96
Музыка.....	103
Каток.....	106
Пасхальные письма.....	108
Цветы.....	110
Подарки к именинам.....	114
Забота.....	116
Юмор.....	121
Уют.....	124
Беспокойство.....	128
Письма А. И. Булгакова к жене 1897 года.....	130
Последние письма 1906 – 1907 г.г.	136
Приложения.....	139
Карачев. <i>Татьяна Rogozovskaya</i>	139
Отец. <i>Анатолий Кончаковский</i>	142
P. S.....	151
Список литературы.....	152

Вместо предисловия

Читая переписку родителей автора «Мастера и Маргариты», невольно ловишь себя на мысли, что не случайно их первенец, выросший в любви и уважении родителей друг к другу, написал эти строки: «За мной, читатель! Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? Да отрежут лгуну его гнусный язык! За мной, мой читатель, и только за мной, и я покажу тебе такую любовь!»¹

Сестра и первый биограф писателя Надежда Булгакова-Земская в своих воспоминаниях отмечала, что воспитывался будущий писатель в многодетной семье, в атмосфере любви, дружбы и уважения, которые шли от родителей. Шутка, ласка и доброжелательность были основными методами воспитания у Булгаковых.

Переписка родителей, которую Н. Булгакова-Земская разобрала, прокомментировала в своих тетрадях и упорядочила, частично была уже опубликована в книге ее дочери – Елены Андреевны Земской.²

Так случилось, что именно в год 130-летия со дня свадьбы родителей Михаила Булгакова в музее началась работа с письмами, полученными из архива семьи Булгаковых, бережно хранимых после смерти матери крестницей писателя Е. А. Земской. Обнаружилось, что много интересных фактов по разным причинам не вошли в ее книгу. Но в книгу, посвященную 130-летию со дня рождения Михаила Булгакова, мы включили всю переписку до свадьбы: 26 писем отца и 11 писем матери. Все письма публикуются по новой орфографии с соблюдением стиля авторов и даты по старому летоисчислению.

Отдельными главами публикуются шесть писем А. И. Булгакова к жене 1897 года и последние письма, написанные незадолго до смерти. К сожалению, ответы Варвары Михайловны на эти послания не сохранились.

После смерти Афанасия Ивановича в доме, конечно, хранились его личные вещи, но время оставило только эту очень личную переписку, богословские труды и письма к друзьям.

Выстроив переписку по датам будущих родителей писателя М. Булгакова, наблюдаем некий диалог, в котором прослеживается круг интересов, цели, отношение к препятствиям в жизни, даже стремление поделиться внутренним состоянием и переживаниями. Год, в течение которого шла переписка, выдался непростым для обоих. Некоторые письма исчезали, адресаты оставались в неведении относительно своих планов, свиданий. Читая

¹ Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита. Начало гл. 19 «Маргарита».

² Е. А. Земская. Михаил Булгаков и его родные. Семейный портрет. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 360 с.

письма, невольно осознаешь, что свадьба могла не состояться, но случилось так, как было угодно Промыслу Божьему.

О письмах Афанасия Ивановича и Варвары Михайловны Булгаковых (в девичестве Покровской) в своих статьях писала Татьяна Рогозовская еще на заре создания музея, знакомясь с архивом в ОР ЦНБ Украины (НБУ им. Вернадского).

О характере отца писателя многое рассказала его переписка с другом юности – Владимиром Матвеевичем Позднеевым, опубликованная и прокомментированная Евгением Яблоковым. В этих письмах раскрылись искрометный юмор, философское отношение к жизни отца писателя, стало понятно, как непросто было, справляясь с многодетным семейством, выкроить время для досуга и для весточки к другу.

Публикация Ларисы Щавинской “Польская русская Илария Булгакова — летописец православия в Польше” 2013 года, в которую вошла автобиография Афанасия Булгакова из его письма к С. А. Венгеру 1 декабря 1891 года, раскрыла ранее неизвестные факты биографии и публикаций его богословских работ.

Большой интерес представляет публикация Анны Путовой документов из архива города Киева, касающихся жизни и деятельности профессора Киевской Духовной Академии Афанасия Ивановича Булгакова. Особенно тех, что раскрывают непростые жизненные обстоятельства, возможно повлиявшие на его безвременную кончину.

Огромную благодарность и признательность выражаю всем коллегам музея Михаила Булгакова в Киеве за поддержку, правки и замечания при подготовке материала: А. П. Кончаковскому, Л. В. Губианури, Т. А. Рогозовской, К. Н. Питоевой, О. И. Ковальчук, О. А. Савицкой, В. В. Дерид, а также А. В. Гриневой, М. Б. Кальницкому, Е. М. Насыровой за консультации и фотоматериалы.

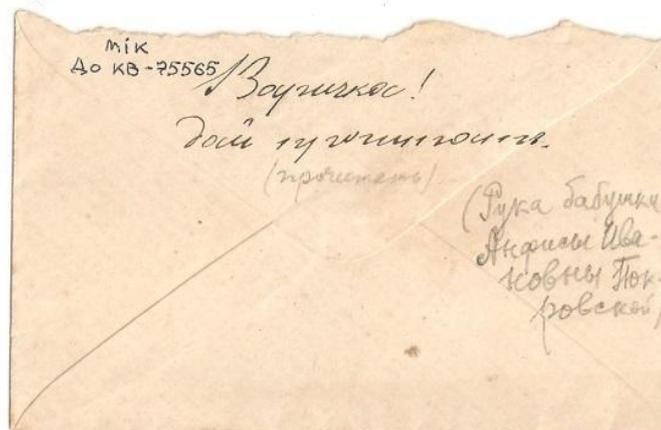
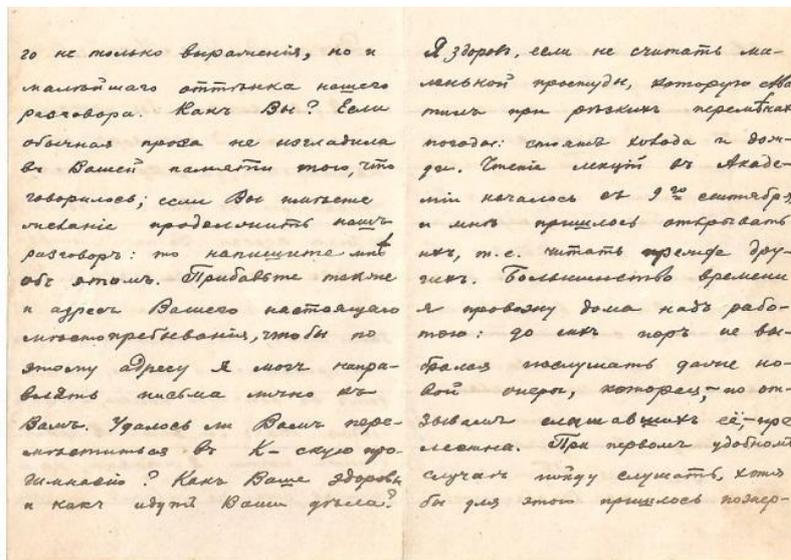
Теперь, когда прошло больше века после даты создания семьи, воспитавшей не один талант, переписка двух незаурядных личностей, по сути своей предельно скромных в быту и лишенных амбиций, представляет интерес не только для исследователей творчества писателя – киевлянина Михаила Булгакова. Малоизвестные факты киевской жизни конца XIX века, обнаружившиеся в частной переписке, напоминают, что жизнь надо воспринимать как пьесу, как спектакль. ...чтобы на сердце был май.³

³ Письмо В. М. Покровской от 29 апреля 1890 г., посланное к именинам Аф. Ив. Булгакова.

История любви. Переписка накануне свадьбы

Письмо №1⁴ (письмо с конвертом) Аф. Ив. Булгакова из Киева в Карачев к Варваре Михайловне Покровской. 11 сентября 1889 г.

На конверте не указан адрес: Варвара Михайловна хотела перевестись из Брянска в Карачев. В письмах этого периода есть упоминание о брате Николае, с которым вместе должны ехать из Орла в Киев (см. письма № 6 и 7). Возможно, это маленькое письмо передано с ним. В книге Е. Земской об этом письме интересный комментарий: «Конверт размером с визитную карточку, без штампа. Вероятно, письмо было передано с оказией. <...> На обороте конверта надпись почерком матери Варвары Михайловны: Варичка! Дай почитать». Все остальные сохранившиеся конверты и письма стандартного размера.

⁴ Нумерация сохранившихся писем была сделана Надеждой Булгаковой-Земской. Мы тоже следуем этой нумерации, как и Елена Земская, её дочь, в своей книге «Михаил Булгаков и его родные».

Дорогая Варвара Михайловна!

Я давно хотел бы продолжить начатый разговор на каникулах, да затруднялся пересылкою к Вам письма, не зная адреса Вашего теперешнего местопребывания. Кроме того: Вы на прощание сказали мне, что «начнется ординарная прозаическая жизнь; все войдет в обычную колею, - и забудется». Так ли это? Я пропустил почти 2 месяца, но и теперь еще не забыл ни одного не только выражения, но и малейшего оттенка нашего разговора. Как Вы? Если обычная проза не изгладила в Вашей памяти того, что говорилось; если Вы имеете желание продолжить наш разговор: то напишите мне об этом. Прибавьте также и адрес Вашего настоящего местопребывания, чтобы по этому адресу я мог направлять письма лично к Вам. Удалось ли Вам переместиться в К-скую [Карачевскую] прогимназию? Как Ваше здоровье и как идут Ваши дела?

Я здоров, если не считать маленькой простуды, которую схватил при резких переменах погоды: стоят холода и дожди. Чтение лекций в Академии началось с 9 сентября, и мне пришлось открывать их, т.е. читать прежде других. Большинство времени я провожу дома над работою: до сих пор не выбрался послушать даже новой оперы⁵, которая, - по отзывам слышавших ее, - прелестна. При первом удобном случае пойду слушать, хотя бы для этого пришлось пожертвовать своим нервным спокойствием (оперное пение сильно действует на нервы, - разумеется, - не такое, как мы слышали в Б-ске [Брянске]). – С нетерпением жду от Вас ответа. Прощайте, передайте от меня приветствия своим родителям. От души желаю Вам всего, всего хорошего, - словом того, чего Вы сами себе желаете, хотя я знаю, что желания людские часто бывают чрезмерны. Целую Ваши ручки,

весь Ваш А. Булгаков

P.S. напишите мне: Вы обещались.

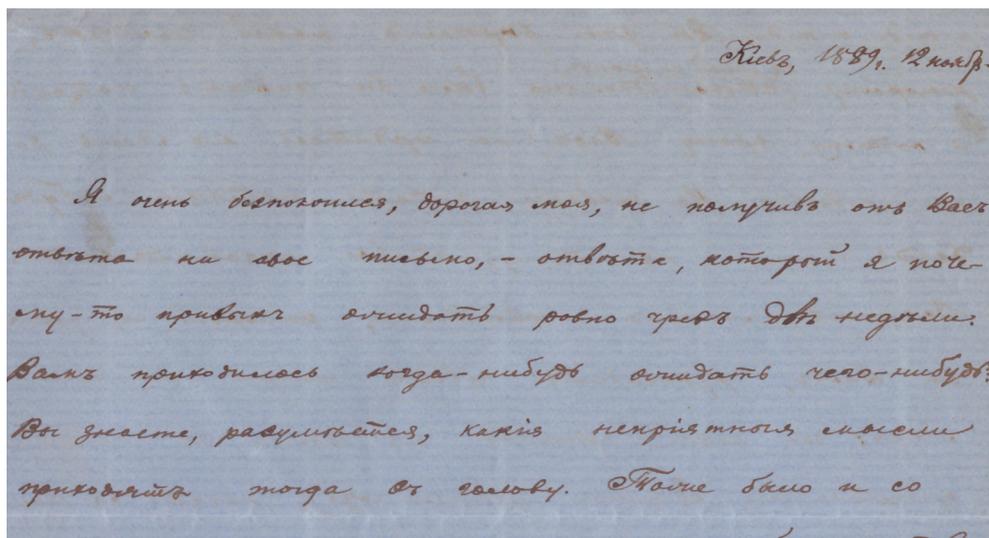

Здание Киевской оперы до пожара 1896 г. Из публикации М. Б. Кальницкого

⁵ Труппа Городского театра, называемого "русской оперой", построенного в 1856 году по проекту русского архитектора И. В. Штрёма, в сентябре представила новую оперу П. И. Чайковского "Евгений Онегин" (1889).

Письмо № 2 Аф. Ив. Булгакова к В. М. Покровской.

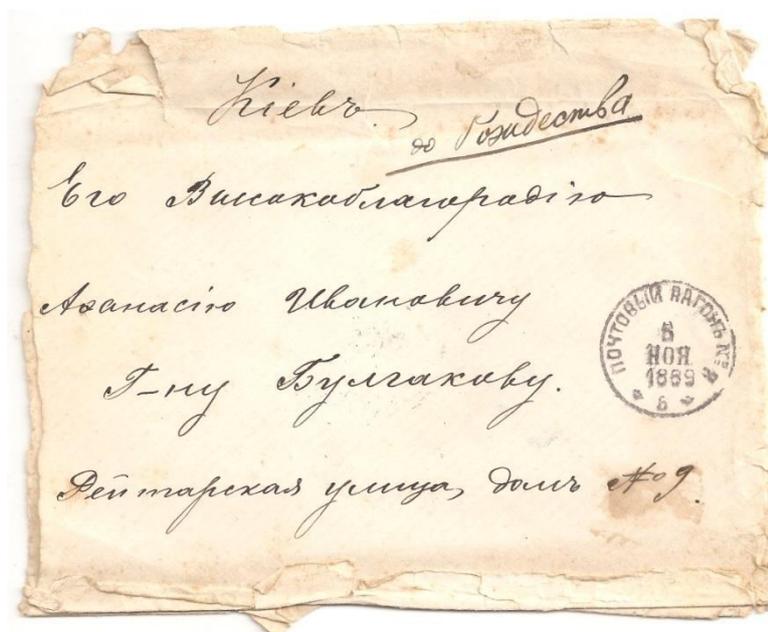
12 ноября 1889 г. Киев – Карачев.

Я очень беспокоился, дорогая моя, не получив от Вас ответа на свое письмо, - ответа, который я почему-то привык ожидать ровно через две недели. Вам приходилось когда-нибудь ожидать чего-нибудь? Вы знаете, разумеется, какие неприятные мысли приходят тогда в голову? Тоже было и со мною: я не знал чем можно объяснить Ваше молчание. Приходило в голову, что Вы сильно больны, что были сильно заняты (хотя для ответа требуется две-три строки, которые и могут вновь успокоить того, кто ждет этого ответа). Приходило в голову и то, что Вы ответили, но ответ пропал на почте, наконец и то, что Вы не получили моего письма, или не хотите отвечать. Я уже было собирался писать ещё письмо, да откладывал изо дня в день, ожидая, не получу ли авось сегодня или завтра; и благодарю, что дождался таки его. Что было с Вами? Отчего Вы заболели? Берегитесь, особенно при теперь наступающих быстрых переменах погоды, при резких переходах, - от комнатного нагретого воздуха к воздуху открытому, уличному, при переменах блюд горячих и холодных и т.д. и т.д. Вы уже впрочем такой человек, которому с моей стороны стеснительно было бы читать нотации; а потому прошу Вас: не сердитесь на меня за мой совет. Не желание читать нотации побуждает меня к тому, чтобы посоветовать. Всяким моим советом, который я дал бы Вам, руководит чувство, которое побудило меня: два раза приехать к Вам на каникулы прошлого года (разумею учебный год), начать с Вами переписку, задать Вам известный вопрос. Это же чувство побуждает меня и теперь с нетерпением ждать Ваших писем, и немедленно почти отвечать на них. Это же самое чувство возбуждает во мне желание как можно скорее увидеть Вас. Я надеюсь (и горько было бы разочароваться в этой надежде), что такое же чувство побуждало и Вас вести переписку со мною. Так ли это? Если так, то что удерживает Вас от окончательного ответа? Вы хотите отложить его до личного свидания со мною. Но увидеться мне с Вами очень нетрудно. Правда, я не хотел бы брать отпуск в учебное время: исполнять свои обязанности меня побуждает чувство долга, и я хочу их выполнять не попустительно. Но вот скоро уже наступают рождественские каникулы, в которые без всяких затруднений можно получить отпуск и приехать к Вам. Я с удовольствием, с радостью полечу к Вам, если Вы захотите этого, если Вы дадите мне надежду на то, что ответ Ваш будет утвердительный. Но было бы жестоко

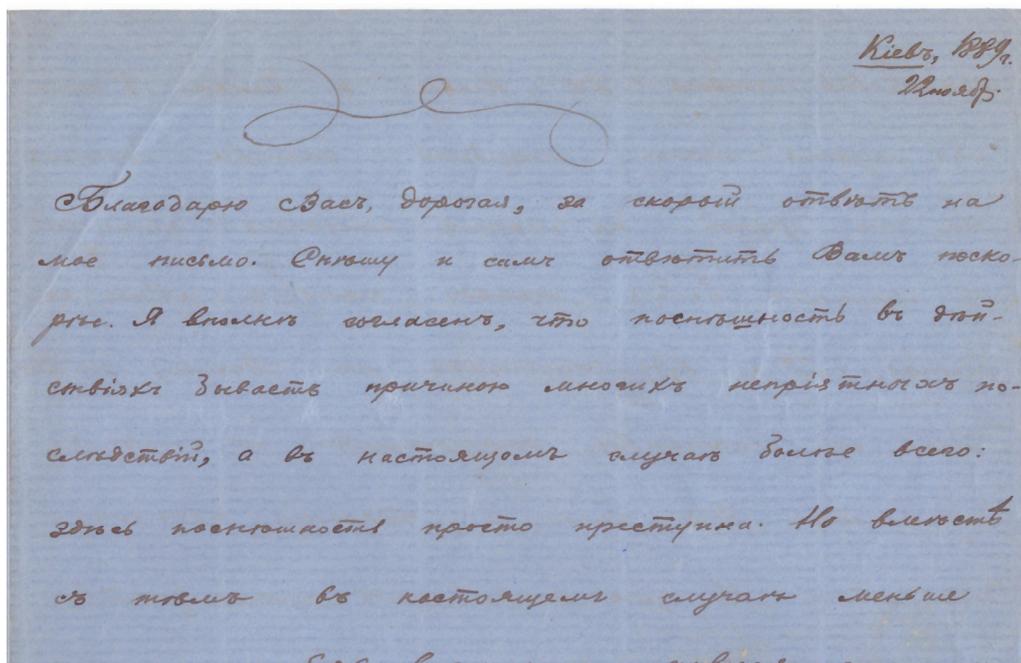
с Вашей стороны требовать от меня, чтобы я приехал к Вам за получением отрицательного ответа. Я сказал Вам всё, что давно хотел уже сказать. Вы не поверите, как это трудно: у меня от волнения рука едва держит перо. Остается мне ответить ещё вот что. Вы, - в первом письме, - сказали, что хотите вести переписку, чтобы познакомиться со мною больше. Я и тогда писал, и теперь повторю, что переписка для этого плохое средство. Скажу Вам откровенно, что я именно таков, каким Вы меня знаете, и в гостях, и дома (у родных), и в письмах, и в своей квартире. Один из моих Новочеркасских знакомых выражался обо мне так: «Это человек, которого следует приласкать» - (его буквальные слова) – «и кто его приласкает, тот никогда в этом не раскается». Он меня приласкал, и должно сказать, что не пожалел об этом. Как это было, рассказывать долго, да на бумаге этого я не хочу и писать. Я расскажу Вам об этом, когда увижусь с Вами (а это будет зависеть от Вас). Я пишу Вам об этом не с тем, чтобы похвастаться хорошим отзывом, которого Вы и проверить не можете теперь, а только подкрепить ту долю хорошего мнения о себе, которая в Вас есть, и ослабить те дурные черты, которые – я думаю – Вы тоже старались подметить, и без которых на свете нет людей. Пишу Вам это в надежде, что Вы вполне мне верите, как верю я Вам. – Простите; на этот раз я больше писать не могу; ответьте поскорее на это письмо. А если что-нибудь попрепятствует написать (но в таком важном случае препятствием может быть только полная невозможность писать), то или ответите краткою записочкою (открытое письмо) о невозможности ответить, или же просите ответить кого-нибудь из домашних. Я думаю, что переписка наша и причина, побудившая нас к ней, уже не секрет для домашних Ваших: Вы говорили о ней Маме своей, и она – вероятно – поделилась с Папою, которым я шлю поклон и привет. Ответьте на все вопросы этого письма, - чего я жду с нетерпением.

Целую Ваши ручки. Всей душой преданный АБ.

Конверт от несохранившегося письма В. М. Покровской к Аф. Ив. Булгакову.
На штемпелях даты: 8, 10 и 11 ноября 1889 года.

Письмо № 3 (с конвертом) Аф. Ив. Булгакова к В. М. Покровской
22 ноября 1889 г. из Киева в Карачев.

Благодарю Вас, дорогая, за скорый ответ на моё письмо. Спешу и сам ответить Вам поскорее. Я вполне согласен, что поспешность в действиях бывает причиною многих неприятных последствий, а в настоящем случае более всего: здесь поспешность просто преступна. Но вместе с тем в настоящем случае меньше чем где-нибудь возможна полная осмотрительность и предусмотрительность. Я ведь и сам стремлюсь к тому, чтобы не сделать какой-нибудь ошибки, которая послужит источником несчастья не только для себя (это ещё куда ни шло, потому что сам виноват, сам и раскаивайся теперь), а главным несчастьем для другого существа, которое хотел бы сделать по возможности счастливым. По этой причине я откладывал так долго возможность переговорить с Вами: я старался испытать себя, испытать жизнь в Киеве и только 4 почти года спустя после школьной скамьи сделал то, что другой на моём месте сделал бы, может быть гораздо раньше. Мне кажется, что я буду счастлив с Вами; но Вы будете ли счастливы, это решать не мне; я, разумеется, все силы и старания приложу для этого. Но для этого мне нужно знать, в чём Вы полагаете свое будущее счастье, чего Вы ждете от жизни.

Поговорим с Вами об этом! Вы мне напишете ответ на этот вопрос, а я в свою очередь откровенно отвечу Вам, возможно ли будет осуществление Ваших мечтаний о счастье в тех условиях или рамках, в которые я поставил бы Вас в Киеве. Итак, жду откровенного рассказа с Вашей стороны о Ваших планах в будущем (не хочется мне употребить слов «Ваших идеалах», потому что слово «идеал» хотя и употребляют в этом значении, но оно не идет сюда.) Так жду! Ответите? Если ответите, то поскорее, потому что, - наверно, - уже планы эти занимали Вашу головку и получили определенную форму, так что Вам останется только изложить их на бумаге.....

г. Орел. Открытка конца XIX века

Теперь вторая часть письма (настоящий раз не могу никак ухитриться цельно вести своей речи с Вами, а потому получается послание двухсоставное). Я должен предупредить Вас, что мои поездки к Вам уже обратили внимание посторонних; и в Орле, по крайней мере, язычки уже работают на наш с Вами счёт. Кто причину этого, я не знаю. Знаю я, что говорят – это мне писала сестра Лёночка. Скажите мне, как Вы относитесь к этому говору; не будет ли он для Вас источником каких-нибудь неприятностей. Я этого совершенно не хотел бы (т.е. чтобы Вам пришлось узнать или испытать какую-нибудь неприятность.) И на этот вопрос ответьте мне. Представьте себе вот, что я приезжаю к Вам на святках (больше я никуда не поеду: побуду только дома, а в Орле даже и визитов делать никому не стану, кроме, пожалуй, архиерея). Это послужит источником новых разговоров, предположений, пожалуй, для Вас расспросов неприятных. Вот это обстоятельство и побуждает меня настаивать на том, чтобы Вы хорошенько обсудили это, и, если намерены ещё откладывать свое решение, то не просили бы меня приезжать на Рождество в Орел и Карачев. Я рад буду провести с Вами времени сколько угодно, но предупредите об этом по крайней мере своих, а меня известите, как они к этому отнесутся. Может быть, мой приезд без определенной цели (так будет в их головах) им будет неприятен. Я не хотел бы им сделать никакой неприятности. Пожалуйста, исполните мою последнюю просьбу. Да? Или нет? Если нет, то напишите, почему не хотите этого сделать.

..... Вообще ужасное дело эти язычки; вернее, впрочем, было бы сказать «ужасное безделье», потому что чужие косточки перемываются обыкновенно от безделья. Это особенность русского человека: он когда в обществе, редко говорит о предметах (потому что мало о них имеет знаний), а обыкновенно говорит о людях. А так как круг событий в жизни очень беден, однообразен, то разговор скоро исчерпывается; без разговора же жить скучно, вот тут то и начинается сплетня.

Киевская Духовная Академия. Открытка конца XIX века

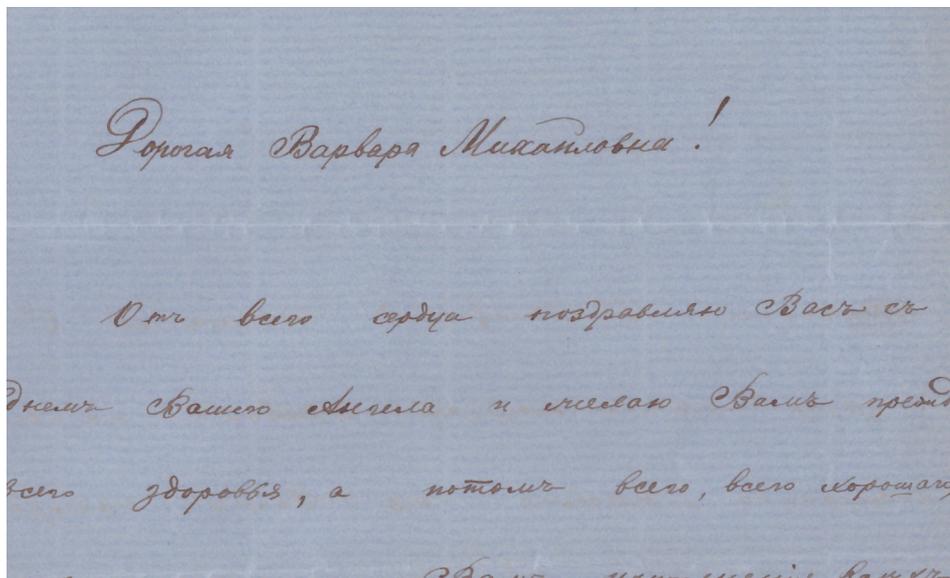
Впрочем, в больших городах она не такой принимает опасный характер, как в маленьких, где каждый почти каждого знает. Впрочем, должен Вам сказать, что Киев в этом отношении можно отнести к числу маленьких, потому что в нем, если угодно, помещается несколько маленьких городков, так как каждая национальность здесь живет своим особым мирком. А наш Академический кружок есть мирок еще более специальный и узкий, а потому материал для работы язычков и здесь также велик, как и в любом кружке маленького города. Но, - повторяю, - сплетня здесь не принимает столь опасного характера, особенно, когда на нее не обращаешь внимания. Я, напр[имер]., не успел приехать в Киев, как послужил причиною для многих сплетен, но так как отнесся к этому равнодушно, то по крайней мере до меня они перестали доходить, а это дает возможность чувствовать себя спокойно. Увижусь с Вами, расскажу, если захотите, много прекомических случаев. – Во всяком случае, жизнь в Академическом кружке (впрочем, их несколько даже) идет полнее, чем где-нибудь.

Есть возможность читать новости литературы почти со всего света (у нас в библиотеку выписывается все выдающееся по всем отраслям знаний), можно проникнуть в университетскую библиотеку и ходить читать в публичную. Недавно в нашу библиотеку была выписана вся классическая беллетристика, а теперь выписывается до 30 периодических изданий на разных языках. Есть три театра, посещение которых, правда, дорого обходится, однако изредка есть возможность послушать хорошего пения и хорошей музыки. Есть возможность составить свой кружок для наслаждения пением и музыкою и изгнать возможность карточной игры; впрочем, довольно об этом. Я довольно исправно посещаю оперу и сам изредка пою, хотя без музыки пение в квартире довольно скучно. В заключении письма поздравляю Вас с недалеко имеющим быть днем Вашего Ангела. Это я делаю на тот случай, если мое письмо, которое я имел в виду послать с поздравлением Вам, придет не в день его. Тогда Вы не вините меня за забывчивость: причиною будет неаккуратность почты. Желая Вам исполнения всех Ваших желаний. Вполне готовый для Вас на всё (если это всё не противно долгу или нравственному закону) АБ.

P.S. Поклоны Вашим домашним.

Письмо № 4 Аф. Ив. Булгакова к В. М. Покровской.

1 декабря 1889 года из Киев-Карачев.

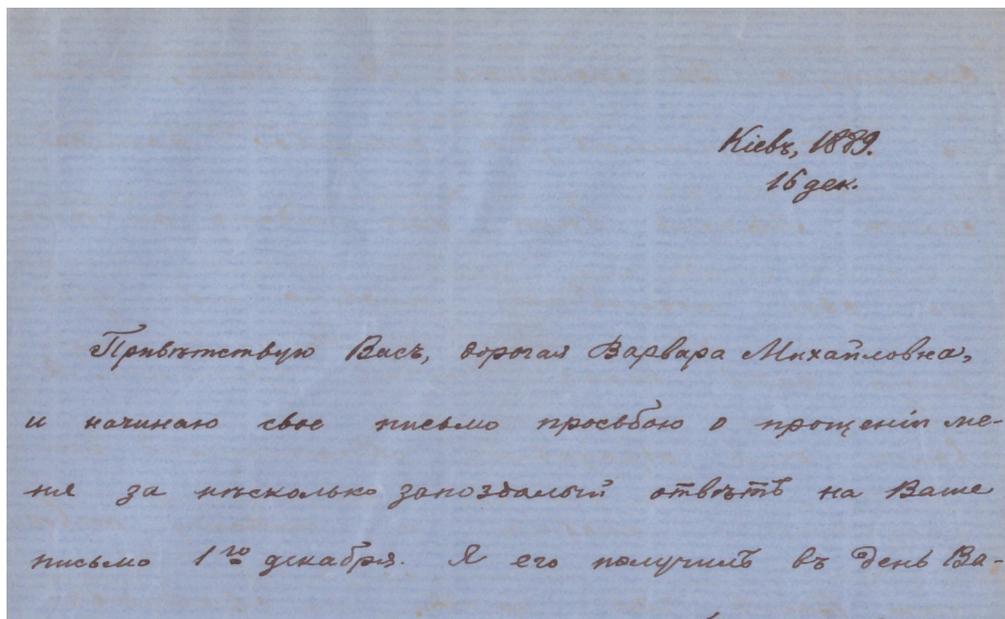
Дорогая Варвара Михайловна!

От всего сердца поздравляю Вас с днем Вашего Ангела и желаю Вам прежде всего здоровья, а потом всего, всего хорошего, - словом желаю Вам исполнения всех Ваших желаний. Ваших домашних поздравляю с именинницею. Шлю всем приветствия и поклоны. Написал бы больше, да боюсь, что письмо опоздает к отходу почтового поезда: я ошибся днем при расчёте маршрута этого письма. Впрочем, для поздравительного письма достаточно и того, что написано. С нетерпением ожидаю ответа на свое последнее письмо к Вам, которое Вы получили ли? Шлю тысячи поцелуев по Вашему адресу и с нетерпением жду возможности увидеть Вас.

Переданный Вам А Булг.

Письмо № 5 (с конвертом) Аф. Ив. Булгакова к В. М. Покровской
16 декабря 1889 г. из Киева в Карачев.

На сургуче личная печать Афанасия Ивановича Булгакова: «АБ».

Приветствую Вас, дорогая Варвара Михайловна, и начинаю свое письмо просьбою о прощении меня за несколько запоздалый ответ на Ваше письмо 1 декабря. Я его получил в день Ваших именин и таким образом душою праздновал их вместе с Вами. Не знаю, получили Вы мое письмо с поздравлением, правда, очень короткое, но там было объяснено, почему оно кратко. А теперь скажу Вам почему я так долго не писал Вам. В Вашем последнем письме написано, что Вы «скоро еще напишете мне». Это «скоро» я понял так, что получу от Вас письмо дня через 4 или дней через 5. Но вот прошло уже 12 с того времени, а Вы молчите. Я ждал, ждал с нетерпением, - и решился написать сам. Может быть, Вы ждете ответа на свое последнее письмо или для этого есть какая другая причина? Я был очень обрадован содержанием Вашего предыдущего письма и потому отвечаю Вам, что приеду на святки. Тогда поговорим обо всем, так что теперь писать не особенно нужно бы. Но нетерпение берет перевес: я также отличаюсь этим несколько детским качеством. Взвзявшись за какую-нибудь работу я не могу быть спокойным, пока не окончу ее. Правда, это иногда вредит ее достоинству, но что же делать?

Приходится иногда исправлять такую работу, иногда с чувством боли за свое достоинство личное; но зато чувствуешь и некоторое удовольствие: от сознания, что еще способен чувствовать свои промахи, ошибки и исправлять их по возможности. Может быть, оно было бы лучше, если-бы каждое дело делалось окончательно и потому уже не нуждалось в поправке. Но как этого достигнуть? Вся история целого человечества – ряд ошибок, промахов, которые нужно поправлять, и состоит-то история в этих поправках того, что сделано неудовлетворительно. Неудивительно, потому что история жизни и одного человека является рядом постепенных ошибок и постоянных поправок этих ошибок. Счастье еще тому, кто может сознавать свои ошибки, а не оказывается закоренелым грешником. Первый еще может мириться с судьбою, а для второго возможны только постоянные терзания и в конце концов новое отчаяние от неудовлетворенности жизнью, или, - как иногда красивее хотят выразиться, - от «неосуществившихся идеалов». Грустно сознавать это, а однако постоянно приходится наталкиваться на эту истину и видеть ее подтверждение. Единственное спасение от этого, твердость воли в управлении собою и при встречах

с представляющимися препятствиями. Кто-то и когда-то сказал, что только тот, кто может управлять собою, может управлять и окружающей средой, а, следовательно, и представляющимися затруднениями. Легче переносятся эти затруднения вдвоем (когда «сойдутся люди», как Вы выразились) еще легче втроем и т.д. и т.д. Но для этого непременно лучше, чтобы они, - когда собираются вступить в борьбу с окружающей средой, - уже не чувствовали нужды бороться между собою. Полное согласие между ними служит залогом их успеха, их силы, а, следовательно, и их личного счастья. Я повторяю почти Ваши слова, высказанные в предыдущем письме, и сам почти повторяюсь. Это происходит от впечатления, которое на меня произвел рассказ из жизни русских эмигрантов в Женеве. Что такое Женева была и что она теперь, а также чем она служит для русских, я думаю Вы отчасти знаете, а подробнее я Вам лично сообщу, - если, разумеется, Вы захотите этого. В очерках, прочитанных мною, представлен кружок людей составивших себе «идеалы» и стремящихся общими силами достигнуть их, но не признающих того, что сила всякого общества, всякого союза (хотя бы и семейного) состоит в согласии. Плачевно их существование! А почему? Потому что допущена основная ошибка. Она состоит в том, что идеалы не создаются для каждого отдельно: один для всех идеал; что к нему можно только более или менее приближаться, а достигнуть его никогда нельзя; что наконец достижение его, приближение к нему возможно только при больших усилиях, при трудной работе соединенных плотно человеческих общин; при чем каждый отдельно должен помнить, что он может погрешать, ошибаться и постоянно должен быть готов с охотой исправлять свои погрешности, ошибки – ни одной из упомянутых истин герои прочитанных мною очерков не признают, - и результате появляется то, что всем их обществом может управлять первый попавшийся человек, но с твердою волею, с неустанною энергиею. Они даже не замечают этого, пустить им пыль в глаза очень нетрудно, потому что они утратили способность отличать пыль от золотого песка: у них нет для этого надлежащего пробного камня, хорошего критерия, - именно: они забыли настоящий идеал, а создали свой. Поправить свою ошибку они не способны, они те неисправимые грешники, о которых я упомянул раньше, не могущие из горделивого самолюбия признать своих ошибок. Главное, что они утратили веру в других, и многие не верят самым близким. Отсутствие искренности, подозрительность ко всему и ко всем окружающим добывает их..... Будет!

Простите, если что-нибудь осталось недомолвленным в этом письме. На это письмо Вы уже не посылайте ответа в Киев, потому что не застанет оно меня там. Ваши письма после 17 декабря, посланные из Карачева, уже не могут быть получены мною. Я выеду 22-го. Желая Вам доброго здоровья и радостной встречи Рождества, которое я проведу в Орле (у нас пишут что-то плохо [со] здоровьем в семье). Напишите, если угодно, письмо туда ко мне. Поздравляю заранее всех Ваших домашних с праздниками и желаю им здоровья. Преданный всей душой А. Б.

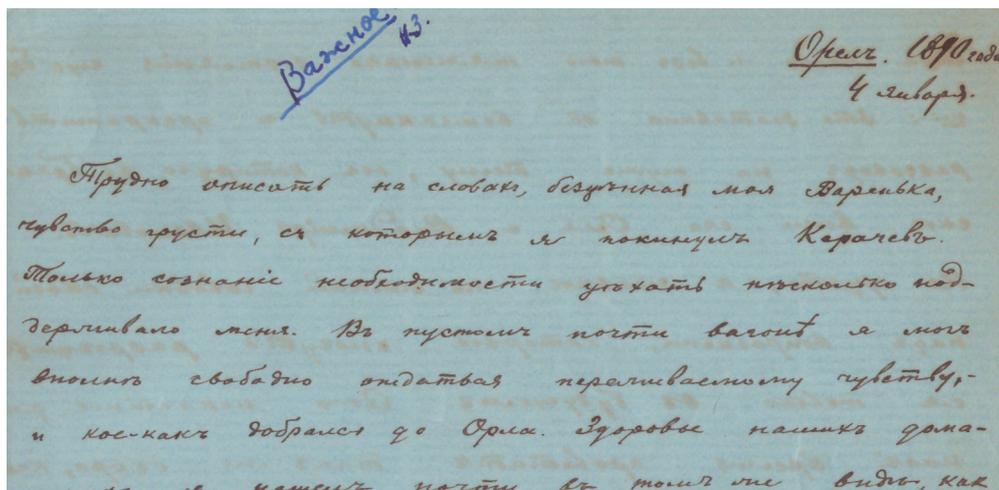
Дописано по краю на странице:

Орловский адрес: Священнику Сергиевской Кладбищенской Церкви Иоанну Булгакову.

Письмо № 6 Аф. Ив. Булгакова к В. М. Покровской Орел – Карачев

4 января 1890 г.

На письме сделана пометка синими чернилами Н. Булгаковой-Земской: «Важное».

Трудно описать на словах, бесценная моя Варенька, чувство грусти, с которым я покинул Карачев. Только сознание необходимости уехать несколько поддерживало меня. В пустом почти вагоне я мог вполне свободно отдаться переживаемому чувству, - и кое-как добрался до Орла. Здоровье наших домашних я нашел почти в том же виде, как и после приезда из Киева. С чувством живой радости встретили они известие, что между нами дело сладилось. Папа и Мама поздравляют тебя и готовы встретить, как свою будущую дочь, сестры и братья – как сестру. Все вместе шлют поклоны и приветствия твоим (и моим теперь) Папе и Маме, а также пожелания здоровья и всякого благополучия. Сестра Лена теперь окончательно выздоровела и уже путешествует по некоторым из знакомых. Мама моя и прежде, и теперь, все настаивает на том, чтобы раньше, как можно скорее покончилось наше мучение с тобою: мои доводы (и твои, конечно, с моими вместе) кажутся ей недостаточно убедительными, так что мне пришлось подействовать на ее чувства, - сказать я должен был ей, чтобы она не надрывала моего и без того тяжелого состояния еще больше: это заставило ее всплакнуть и прекратить разговор на ту же тему, на которую в Брянске вели его Оля и Владимир Иванович⁶. Не грусти, а главное не ломай головки своей над вопросами, которые могут разрешиться только в будущем. Это ненастное для нас время пролетит так скоро, как скоро пролетело для тебя время между летними и рождественскими каникулами. Я очень рад, что после святок Ваш Карачевский дом не так опустел, как он бывает пуст в учебное время: все-таки будет лишний человек, с которым можно перекинуться одним-двумя словами. А взгрустнется – пиши. Каждое словечко твоего писемца найдет отклик в моем сердце.

На самом деле оно не так равнодушно (или деревянно), как тебе это казалось иногда. Я глубоко принимаю к сердцу все переживаемое: я только умею сдерживать выражения во вне своих внутренних движений, когда не хочу показать их другим, пред тобою я скрываться в свою скорлупу не намерен, не хочу, не имею нужды. Я

⁶ Поповы: Ольга Михайловна Покровская, в замужестве Попова – старшая сестра Варвары Покровской и Владимир Иванович Попов – муж Ольги, двоюродный брат А. И. Булгакова.

надеюсь, что ты не осмеешь моих внутренних движений и порывов. Не один раз стены моей одинокой квартиры видели меня в настоящем неподдельном горе, видели они и увидят не раз в самой безумной радости. Но никогда я не вынес бы своих слез перед публику, чтобы не показаться слабым ребенком. Впрочем, не буду больше распространяться об этом: очень неудобно писать письмо, когда радостное настроение домашних выражается очень громко.

Напишите мне, моя милая, моя хорошая, как Ваше здоровье и каково Ваше настроение духа, как Вы провели вечер разлуки и ночь, а также следующий день. Если Вы напишете письмо завтра то я получу его еще в Орле. Но после пишите по моему Киевскому адресу: я думаю выехать 5-го Января в 12 часов дня, если успею собраться с мыслями и окончить дела. В противном случае поеду 7-го в 5 часов утра или (самое крайнее) в 12 дня. Николай брат просит извинения за то, не побывал у Вас в Карачеве: его спутник не хотел перебыть в Карачеве до почтового поезда, а поспешил уехать ночью. Этот Николай доставлял мне немало хлопот: теперь, напротив, не хочет почему-то ехать со мною в Киев, а пробыть хочет еще день-два в Орле. Что может быть причиной этого, он мне не говорит и таким образом его желание для меня является капризом (необъяснимым желанием). В заключение письма повторю Вам, мое сокровище, поклоны, поцелуи и пожелания здоровья и счастья от всех наших. Сегодня мы будем пить за Ваше здоровье, моя радость, - чего хочет моя Мама. Крепко, крепко целую Ваши ручки и Ваши губки (удивительное дело: самым незаметным для себя образом я перешел в письме от «ты» к «Вы»; уже по одному этому можешь судить, какой хаос теперь в моей голове.) До свидания, до свидания! Я буду жить этим свиданием в будущем и воспоминаниями проведенных наедине с тобою часов. Не тоскуй, не грусти! Я люблю тебя, и никто и ничто пусть не возмущает твоего спокойствия. Целую Папу, Маму и всех остальных. Любящий Афанасий Булгаков.

Приписка по краю страницы:

Мама очень жалеет, что сама не могла приехать в Карачев. Она просит всех Ваших не обходить наших, когда кто-нибудь из Карачева будет в Орле: она и все сестры будут очень рады. Мама особенно хочет повидать тебя. Афанасий Булгаков.

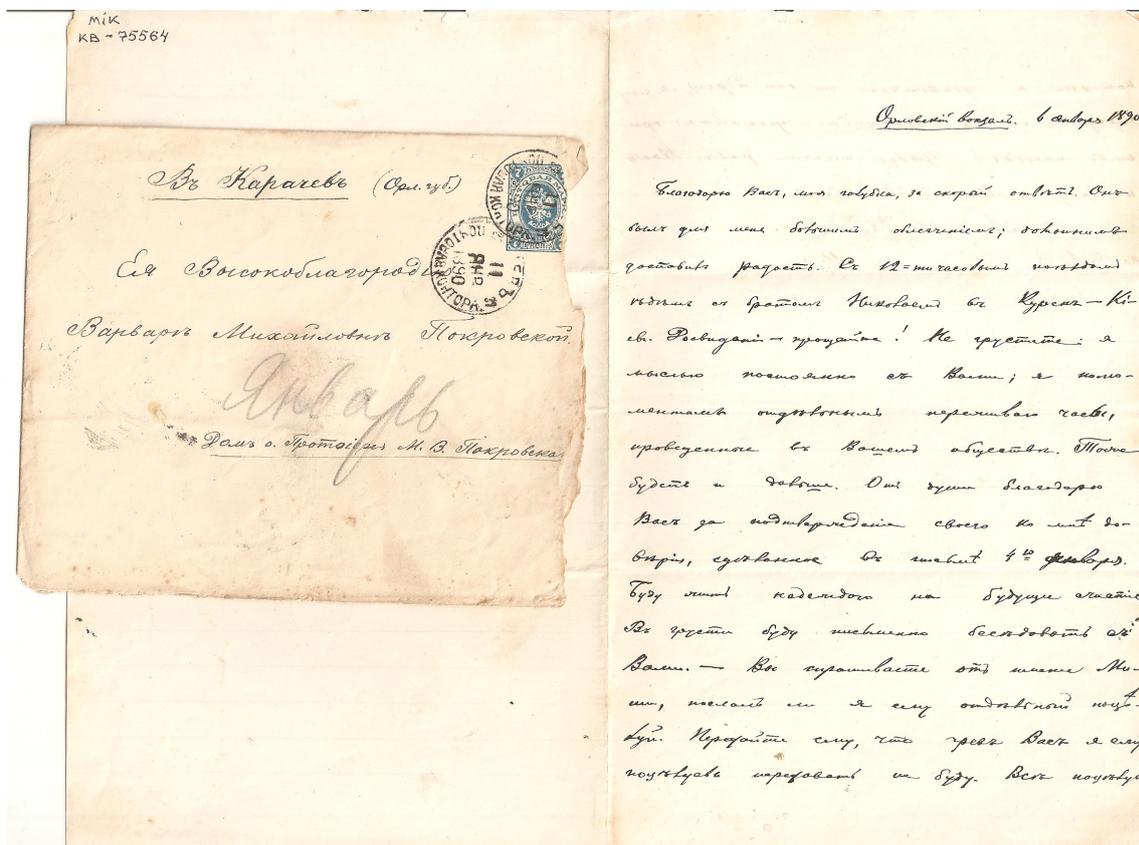
Письмо № 7 (с конвертом) Аф. Ив. Булгакова к Варваре Покровской (штемпели с датами: 11 января Орел, 13 января Карачев). На конверте стоит личная печать “АБ” на сургуче.

Орловский вокзал. 6 января 1890 г.

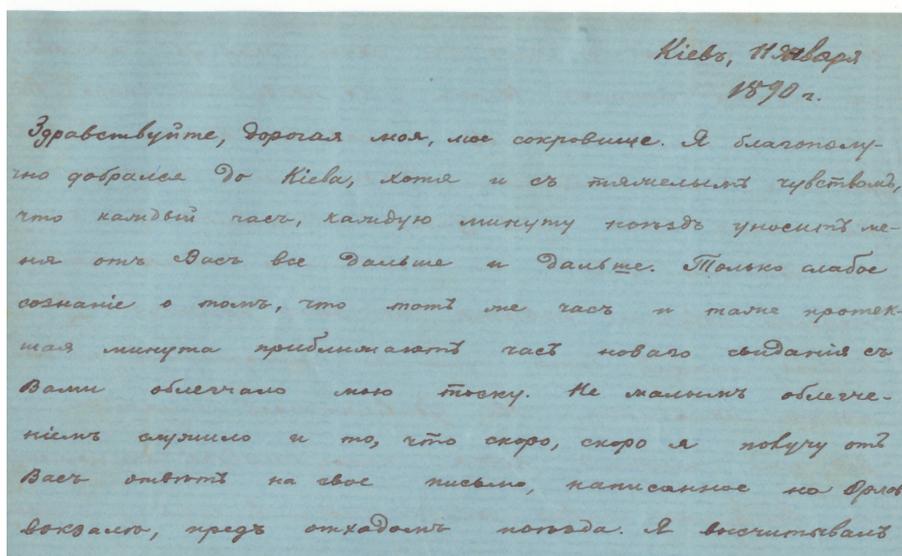
Благодарю Вас, моя голубка, за скорый ответ. Он был для меня большим облегчением, домашним доставив радость. С 12-ти часовым поездом едем с братом Николаем в Курск – Киев. До свидания – прощайте! Не грустите: я мыслью постоянно с Вами: я по моментам отдельным переживаю часы, проведенные в Вашем обществе. Тоже будет и дальше. От души благодарю Вас за подтверждение своего ко мне доверия, сделанное в письме 4-го января. Буду жить надеждою на будущее счастье. В

грусти буду письменно беседовать с Вами. – Вы спрашиваете от имени Миши, послал ли я ему ответный поцелуй. Передайте ему, что через Вас я ему поцелуев передавать не буду. Все поцелуи которые я назначаю по его адресу, я ему передам лично. Прощайте – прощайте: пришел поезд! Целую тысячи раз Вас и Папу с Мамой. До свидания.

Любящий А. Булгаков

Письмо № 8 Аф. Ив. Булгакова к Варваре Покровской. Киев - Карачев
11 января 1890 года.

Здравствуйте, дорогая моя, мое сокровище. Я благополучно добрался до Киева, хотя и с тяжелым чувством, что каждый час, каждую минуту поезд уносит меня от Вас все дальше. Только слабое сознание о том, что тот же час и та же протекшая минута приближает час нового свидания с Вами, облегчало мою тоску. Немалым облегчением служило и то, что скоро, скоро я получу от Вас ответ на свое письмо, написанное на Орлов. вокзале, перед отходом поезда. Я высчитывал часы и дни, когда Вы должны были получить его, а также время, которое нужно Вам для того, чтобы написать и отправить ответ. По моему расчету выходило, что ответ этот я должен был получить или во вторник или в среду, в крайнем случае, сегодня утром (четверг). Не получая его, я решил, что Вы не пишете потому, что ждете от меня письма из Киева. Пишу Вам в надежде, что Вы немедленно ответите на это мое письмо. Как Вы себя чувствуете: как Ваше здоровье; получили ли Вы моё письмо с вокзала (я его не смог опустить в ящик, а отдал артельщику). Как ни странным кажется, и Вам самим это показалось, а мы оба уже начинаем подумывать о будущем свидании. Я, по крайней мере, никак не могу допустить, что до этого свидания бесконечно еще много времени: мне кажется, что вот-вот еще немного, - и оно наступит! Теперь и мне в свою очередь приходится задать вопрос Вам: «Не правда ли скоро»? расскажите мне, как Вы провели вечер 6-го января, т.е. день спектакля «Дядюшкина квартира». Как вел свою роль Захарий Михайлович? Кто из Ваших был на спектакле? Мне очень интересно получить ответы на эти вопросы. Вы удивитесь, может быть, что я интересуюсь подобными мелочами. Не удивляйтесь несколько: все, что имеет, хотя какое-нибудь отношение к Вам, моя милая голубка, составляет для меня предмет живейшего интереса. Я теперь только и думаю о Вас и Вами поддерживаю свою энергию. Если это почему-нибудь должно будет прекратиться, я стану в своих глазах полнейшим ничтожеством. А к ничтожеству я отношусь беспощадно. Теперь во время работ, может быть, вследствие утомления, а может быть и так, от природной лени, я иногда думаю, не пойти ли погулять, помечтать, подумать о Вас, о времени, проведенном с Вами. Но как только мысль коснется Вас, - сейчас является стыд за себя, за свою лень. Ведь мне одному можно и лениться: я ни за кого кроме себя не отвечаю. Но для счастья обладать Вами, назвать Вас своею бесценною подругою, я должен трудиться, я должен составить себе имя, которое не стыдно было бы передать Вам. Не ослабляйте этого своего влияния надо мною, поддерживайте мою энергию, - и тогда я надеюсь быть счастливым среди людей; надеюсь, что и Вы не пожалеете об этом, вы, как мне кажется, сами не любите сидеть без работы и знаете ей цену. Правда, она физически утомляет, но зато нравственно она дает успокоение, что ты жил, недаром ел хлеб. Не нужно задаваться целью, что ты должен перевернуть мир. Миром ворочает целое человечество во всей его совокупности. А отдельный человек должен сделать для этого во столько раз меньше, во сколько единица (т.е. отдельный человек) меньше целого (т.е. человечества во всей его совокупности). Честное исполнение этой маленькой доли работы вполне возможно, и вполне достаточно для того, чтобы стать в ряду достойных пропитания (потому что трудящийся достоин пропитания). От Вас отчасти зависит теперь, чтобы я был тоже достоин пропитания. Вы несколько раз задавали вопрос: Что будет, если из нас кто-нибудь забудет о другом? Я говорил и теперь повторяю, что я не знаю, что будет со мною, если Вы забудете меня. Мне кажется, что я тогда махну на все рукою, перестану идти вперед и буду тащить тихонько свою жизнь, как тащил ее до настоящего времени. «День за день, нынче, как

вчера» - писал Грибоедов в комедии «Горе от ума». Прибавил он и слова: «к перу от карт и к картам от пера, и положенный час приливам и отливам». Правда, к картам я не особенно склонен, но почему знать, что эта склонность не вкоренится от отсутствия в жизни определенной цели. Теперь у меня есть цель; от Вас будет зависеть, чтобы эта цель осталась и навсегда моею целью. Я уже не настолько молод, чтобы надеяться на другую привязанность или любовь; да и характер у меня не такой, чтобы менять свои привязанности, как меняют люди. – Вы когда-то сказали, что написали, было мне «хорошее письмо», но разорвали его на другой день. Я очень желал бы, чтобы Вы воспроизвели его теперь и написали во второй раз. Подробности, разумеется, не важны, а общее содержание его я горю нетерпением узнать. До свидания, моя дорогая! Крепко целую Вас. Передайте от меня поклоны и поцелуи Вашим Папе и Маме, Шурочке и Захарию Михайловичу.

Весь Ваш А. Булгаков.

Приписка слева по краю страницы:

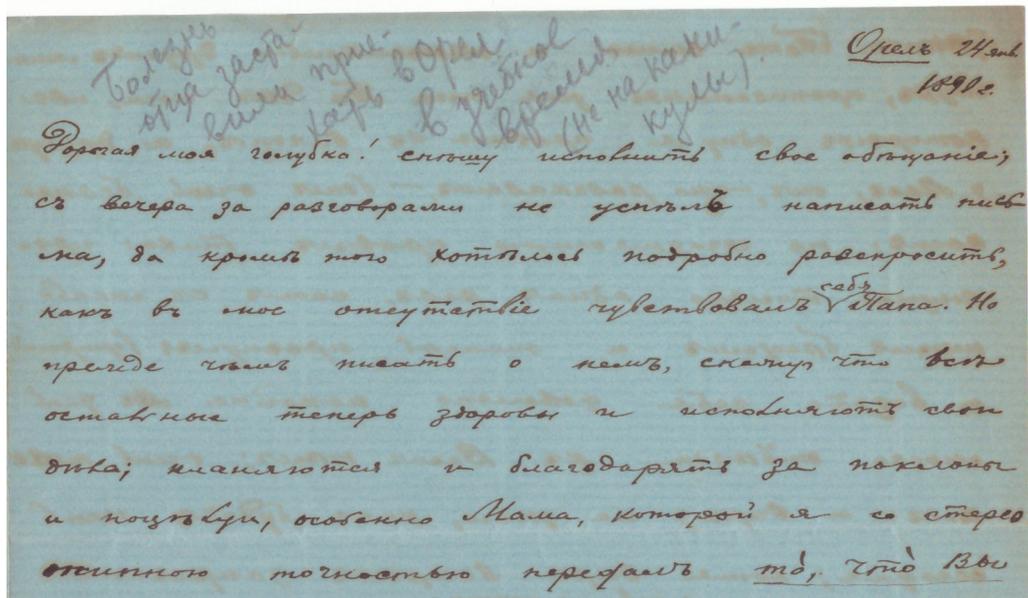
Когда получу ответ, то пришлю Вам несколько фотографий для передачи кой-кому.

Письмо № 9 Аф. Ив. Булгакова к Варваре Покровской. Орел- Карачев.

24 января 1890 год.

Нижний край 3-4 стр. надорван, поэтому сохранился не весь текст.

Сверху письма дан комментарий Н. Булгаковой-Земской: «Болезнь отца заставила приехать в Орел в учебное время (не на каникулы)».

Дорогая моя голубка! спешу исполнить свое обещание; с вечера за разговорами не успел написать письма, да кроме того хотелось подробно расспросить, как в мое отсутствие чувствовал себя Папа. Но прежде чем писать о нем, скажу, что все остальные теперь здоровы и исполняют свои дела; кланяются и благодарят за поклоны и поцелуи, особенно Мама, которой я со стереотипною точностью передал

то, что Вы поручили передать ей. Папа, как я говорил уже Вам, болен упорною продолжительною болезнью, которая не может резко измениться к худшему или лучшему за два дня, которые я провел у Вас. У него я заметил некоторый подъем духа, который я приписываю действию крымского вина, которое я попросил давать ему, и на приемы которого с большой готовностью согласился доктор. При его тяжелой болезни проявляется иногда резкая раздражительность, которая проявляется в том, что никто ему не угодит. Иногда просто решительно отказывается пить назначенный ему прием лекарства, а иногда просит разом всех его видов. Например, за двое суток он не выпил вина и полбутылки, хотя по моему расчету он должен был выпить гораздо больше: около бутылки. То же самое и относительно других микстур, прописанных для него. Те две ночи, из которых одну я провел в вагоне, а другую у Вас, он, - по рассказам, - был очень беспокоен; но сегодняшнюю провел тихо: проснулся только один раз, спал с меньшим бредом и теперь проснулся (утром) и ведет себя довольно покойно. В день моего отъезда к Вам не ел; очень плохо ел и вчера; не знаю, как будет есть сегодня; хотя вчера вечером запросил еды, но непосредственно почти потом заснул. Проснувшись через полчаса или три четверти, стал жаловаться, что ему не дали есть якобы с намерением лишить его ужина. Очевидно, в его представлениях есть большая путаница, зависящая от сильной мыслительной работы, для которой теперь нет внешнего материала, и которая всецело сосредоточена на своем беспомощном положении. Я говорил Вам, что он никогда не поддавался домашним влияниям, а теперь приходится совершенно жить в кругу этих влияний. Ему кажется, что без его вмешательства сделать ничего нельзя, т.е. мы не сможем; поэтому хочет знать до подробностей весь ход жизни, а это недоступно ему по самому его запертому положению (он не может выходить из своей комнаты даже в гостиную); отсюда и происходят и раздражительность, и подозрительность в отношении нас (будто мы что-то скрываем от него) и спутанность представлений о настоящем: у него сновидения так живы, что он их смешивает с действительностью. Вот и все, что я теперь могу сообщить Вам. По внешним признакам у него водяная болезнь, но какой оборот она примет, скоротечный или долгосрочный, это трудно определить теперь. Мама сравнительно спокойна. Она только опасается за то, что болезнь долго не определится к своему исходу; эта неопределенность и меня пугает, потому что я нахожусь в неизвестности о том, как мне поступить, когда окончится срок отпуска. – Что Вам теперь написать о себе? Скучно, грустно! Скучно потому, что Вас нет со мной, - потому, что приходится сидеть без дела и не в Киеве; потому, что не знаю, чем все это кончится, а главное когда. Но Вы не обращайтесь (далее фрагмент утрачен) а, следовательно, то, к чему готовился. Такие моменты переживать, разумеется, легче, чем те, которых не ожидал. Мама говорит, что и она тоже давно ждала какого-нибудь кризиса в нашей жизни, только худшего. И хотя горе ее велико, однако оно было бы больше и острее, если бы было неожиданным. Я живу Вашим расположением и буду жить им в надежде, что оно не изменится. А изменится (не обижайтесь предположением моим: оно так естественно в человеке, которого судьба никогда не баловала), так, - говорю, - если изменится Ваше расположение ко мне, то что будет? Вы когда-то задавали этот вопрос. Отвечу Вам теперь вот что! Никогда Вы не увидите моего горя, как бы оно велико не было. Я за других еще могу скорбеть при других, а своей судьбы и своего несчастья пред другими (а следовательно и пред Вами, мое сокровище!) оплакивать не стану. Но ведь этого не

будет? Да? Прощайте – до свидания! Крепко, крепко це[лую] (текст обрывается, кусочек страницы снизу аккуратно оторван).

Приписка по краю страницы:

Целую Папу, Маму, Шурочку и Захария. Желаю доброго здоровья. АБ.

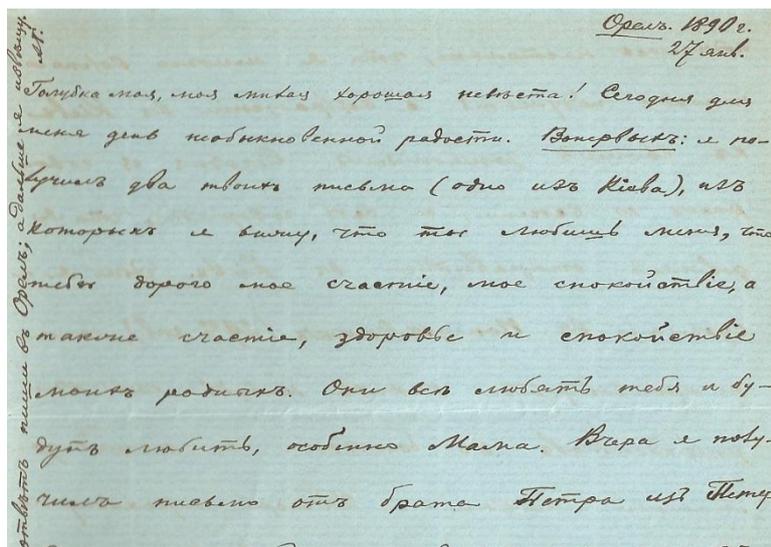
Письмо № 10 Аф. Ив. Булгакова. 27 января 1890 г. Орел – Карачев.

4 страницы, письмо на серо-зеленой бумаге. Низ и край 3-4 стр. надорваны.

На маленьком листочке к письму дан комментарий Н. Булгаковой-Земской:

“Из Петербурга Афанасию Ивановичу пишет брат Петр. Он пишет, что нашему с тобой соглашению можно очевидно только порадоваться. Вот тебе еще новый брат, которого ты не знаешь, но который будет хорошим тебе братом”.

Голубка моя, моя милая хорошая невеста! Сегодня для меня день необыкновенной радости. Во-первых: я получил два твоих письма (одно из Киева), из которых я вижу, что ты любишь меня, что тебе дорого мое счастье, здоровье и спокойствие, а также счастье и спокойствие моих родных. Они все любят тебя и будут любить, особенно Мама. Вчера я получил письмо от брата Петра из Петербурга, который пишет, что нашему с тобою согласию можно очевидно только порадоваться. Вот тебе еще новый брат, которого ты не знаешь, но который будет хорошим тебе братом. Во-вторых: Папе за последние дни становится лучше и лучше, хотя нельзя обольщать себя розовыми надеждами на скорое его и полное выздоровление. Его состояние духа и состояние духа всех домашних теперь поднялось настолько, что я имею возможность подумать о возвращении в Киев к своим занятиям. Сегодня я говорил со всеми, и все говорят, что я должен отправиться в Киев. Это я и сделаю в Понедельник (29-го янв.)...

Фрагмент письма А. Булгакова 27 января 1890 г.

Теперь перехожу к нашим отношениям. Я верю тебе и всегда верил, потому что не вижу причины для того, чтобы тебе было необходимо говорить мне неправду. А если я задавал себе вопрос и отвечал на него, что будет если..... и т.д., то только потому, что ты задала мне этот вопрос и настоятельно повторила его несколько раз. Такого вопроса я не мог не обсудить и оставить без ответа. Повторяю вновь: я верю тебе и буду верить и уже не повторю тебе своего вопроса: сам его тоже решать не буду, потому что по два, по три раза не решаю одного и того же вопроса, когда он решен. Я «своего чувства» не отравляю этим вопросом, потому что твое слово для меня дороже всяких собственных решений: мне кажется, что на бумаге и в серьезном переговоре таких слов на ветер не бросаешь. – Писать я буду часто и от тебя жду писем также часто. Пиши о всех мелочах, которые тебя так беспокоили, и которые мы в две головы решим гораздо лучше; не думай, что я не хотел делиться с тобой своим горем, и что я не чувствовал в этом потребности. Я боялся делиться им, потому что ты сама говорила, что неосновательно часть горя своего сваливать на шею другому. Зачем же (далее надорвано).

Письмо надорвано по краю и снизу (возможно, не случайно).

А если ты этого требуешь и будешь требовать настоятельно, то я начну думать, что и сама поделюсь со мною всяким своим горем, всякою своею радостью. Тогда я согласен: я ведь был такого убеждения, что и первое переносится легче, и вторая чувствуется живее, когда ими поделюсь с другими. На мужа и жену я смотрю, как на равных, а потому не согласен, что мелочи жизни должны лежать преимущественно на женщинах: они (т.е. мелочи) насколько возможно равномерно должны распределяться между обоими, а потому, - я очень хочу, - чтобы ты не одна терзалась ими, а чтобы сваливала их и на меня. Прости, моя дорогая, моя бесценная, за несколько резкий и решительный тон письма. Крепко целую, и всех домашних. Весь твой Афанасий (надорван край) Любящий АБ.

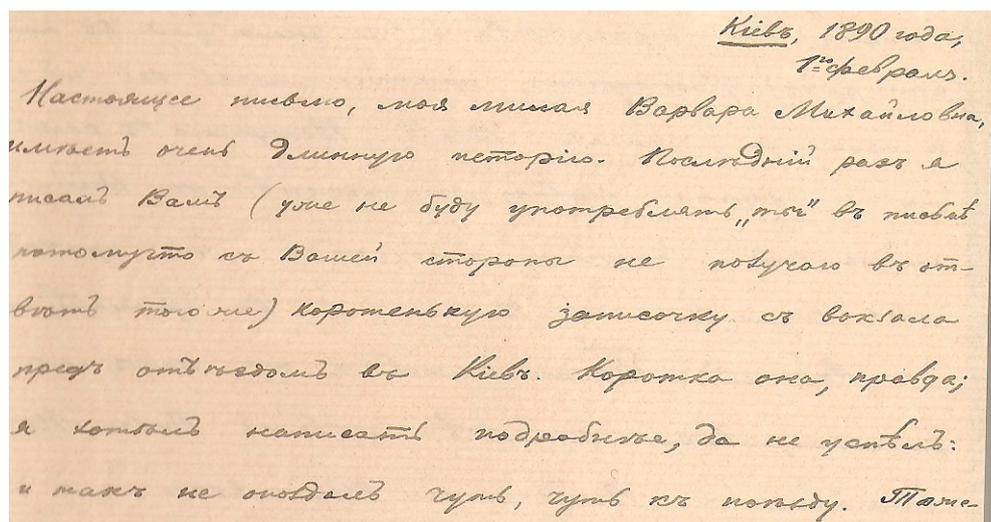
Письмо № 11 (с конвертом) Аф. Ив. Булгакова. Киев - Карачев. 1 февраля 1890 г. (на конверте штемпели с числами 3, 5 февраля).

В письме 10 страниц, написано на бумаге палевого цвета фиолетовыми чернилами.

Настоящее письмо, моя милая Варвара Михайловна, имеет очень длинную историю. Последний раз я писал Вам (уже не буду употреблять «ты» в письме, потому что с Вашей стороны не получаю в ответ того же) коротенькую записочку с вокзала перед отъездом в Киев. Коротка она, правда; я хотел написать подробнее, да не успел: и так не опоздал чуть, чуть к поезду. Тяжело мне было садиться в вагон, чтобы уехать от Вас чуть не на тысячу верст. Никто не провожал меня, потому что братья (Ферапонт и Сергей) и сестры (Лена и Анюта) в классе, а Мама с Соней дома – у больного отца. Один взял билет, один уселся в вагон, попав среди каких-то евреев⁷,

⁷ В данном случае, надо полагать, в поезде ехали представители так называемой «черты оседлости», которые в результате своей предпринимательской деятельности эту черту пересекали и становились известными промышленниками, банкирами и меценатами, но в начале своей карьеры чувствовали себя изгоями общества в царской России. Антисемитские настроения семье Булгаковых были не свойственны. Дети дружили со сверстниками самых разных национальностей. Михаил Булгаков в третьем браке был женат на Елене Сергеевне Нюрнберг, отец которой был родом из семьи выкрестов, а мать была дочерью православного священника.

постоянно снующих из одного конца России в другой «по делам», т.е. по устройству плутней, от которых стонет вся родная сторона, а особенно та, в которой я, - надеюсь, - буду жить с Вами (не удержался: написал «с тобою»). Не правда ли: ведь не весело началось мое путешествие в Киев. Что делать? Нельзя говорить с Вами лично, начал говорить письменно: достал из кармана всю пачку Ваших писем ко мне (они всегда со мной) и стал их перечитывать (не знаю уже в который раз). Постепенно припомнилось все то, что и сам я писал Вам. Воскресло в памяти и время первого знакомства с Вами, и отдельные случаи того, как мне приходилось видаться с Вами то в Брянске, то в Карачеве. Припомнилось и то, как мы рассматривали вместе альбом Ольги Михайловны и Владимира Ивановича и т.д.

Припомнил я и слова, сказанные одним из Ваших братьев «на цензуре» про Вас, - слова: «И любит и любима». Что было за тем, я с трудом припоминаю. Помню только, что в этот период я писал сочинение, печатал его, ездил в Киев, переехал туда совершенно жить, словом помню, что в этот период я старался перестать думать о Вас и около 3 лет не был в Карачеве и Брянске. Однажды на прошедших святках Вы задали мне вопрос: «Всегда ли Вы помнили обо мне»? Я отвечал, что было время, когда я боролся с собою, - и особенно трудна эта борьба была для меня осенью 1888 года. Я уже сказал Вам, почему я боролся, если только Вы помните этот вопрос свой и этот мой ответ. Конец всякой борьбы и всяким недоумениям наступил, - только что я вновь приехал на родину, и вновь представилась возможность увидеть Вас совершенно в прежнем виде, т.е. свободною, веселою, хотя значительно выросшую в общественном отношении (прежде я знал Вас ученицею, теперь встретил девушку-учительницу, такую же взрослую и умственно и нравственно, как моя сестра Лёна); радость, чистый восторг были следствием этой последней встречи на каникулах. Я хотел, чтобы время нашего свидания тянулось как можно дольше, несмотря на то, что в планы моей каникулярной прогулки входило объехать чуть не половину северной России. Вы уже знаете, чем окончились все мои планы и предположения: большую часть своих каникул я провел около Вас. Судите сами теперь, что я должен был пережить и перечувствовать, когда Вы стали откладывать свое решение до неопределенного времени: плохо я провел поэтому и осень 1889 года; но только уже совершенно по другой причине, чем осень 1888 г. – Какую радость я испытал, когда почувствовал перемену в тоне Ваших писем, трудно описать; я мог только лично Вам

высказать ее, да и то, - пожалуй, - не вполне, потому что одновременно почти с этим я начал получать письма о болезни то того, то другого из своих домашних.

Все, что я написал сейчас и Вы уже прочли, написано без всякой цели, написано, как пережитые в вагоне воспоминания пережитого раньше в действительности. Дорогая моя! Я начал писать это письмо под влиянием скуки и ожидания, что Вы мне напишите. Я собираюсь по получении Вашего письма написать ответ и к нему приложить то, что теперь написано. Словом: я каждый день (пока не получу от Вас письма) буду приписывать понемногу, и отправлю все разом к Вам в надежде, что и Вы будете также делать. Я сильно скучаю теперь в часы досуга от официальных занятий. Меня уже не интересует то, что прежде интересовало, т.е. мелкие факты из жизни нашего общества, обсуждением которых мы занимались и ради которых сходились в часы досуга (я разумею таких же холостых бездомных юсов-юстичей, как и я сам) Ой! уже четверть четвертого! пора спать!

2 февраля.

Понакупил вчера вечером бумаги, и только сегодня при дневном свете увидел, что она разных цветов. Ну, думаю, ничего! Моя голубка дорогая только посмеется над сумбуром в моей голове. Разноцветная бумага укажет ей, что в голове-то моей калейдоскопом вертятся мысли. Ведь правда?. Я теперь перехожу к фамильярному «ты», потому что сейчас получил с почты твое письмо, отправленное в Орел. Не бойся, мое сокровище, что твое письмо попало не в мои руки: если оно попало в руки домашних, то этого довольно; так или иначе оно уже будет в моих руках, и будет доставлено целым и невредимым. – Прежде чем отвечать на твое письмо, я считаю нужным сказать, что до Киева добрался благополучно без приключений; как я ехал, это ты отчасти узнаешь (и уже знаешь) из первого листка моего письма. К ночи хотел было заснуть, но часов в 7 вечера обер-кондуктор, контролируя билеты, провозгласил: «Господа берегите Ваши вещи, потому что в вагоне они часто пропадают!» не правда ли ведь хорошая успокоительная фраза на ночь. Впрочем, заснуть все-таки пришлось и довольно хорошо, потому что большинство моих спутников ехало до Киева, а в моем распоряжении была лавочка, на которой я мог лежать, вытянувшись во весь рост. В Киеве же пошла обычная ежедневная жизнь (это, разумеется, во вне, а внутри в голове-то у меня теперь совершенно новый год). Спасибо тебе, моя голубка дорогая, за желание отправить письмо в Орел; я немного сглупил, прося ответа в Орел, потому что почтальон иногда опаздывает приносить письма к 12 часам, а в 12 я уже должен был выехать на вокзал. Впрочем, я достаточно наказан: вместо того, чтобы получить письмо в Киеве в среду, получил его в пятницу. Как видишь, я уже начал было писать новое письмо к тебе. Отвечать на твое письмо начну с конца. «Последние слова» моего письма насчет рук, изумившие тебя, можешь отнести к разряду той чепухи, которая мне часто приходит в голову, и которую я, - как видишь, - говорю не только в обычной беседе, но и на бумаге; поэтому не изумляйся, а только указывай мне постоянно на подобного рода чушь⁸. Я ведь не принял на свой счет названий «серьезного» «солидного», никогда на ветер не бросающего своих слов человека.

⁸ Речь идет, возможно, о приписке: «Это мыло можно найти в аптеках. А водка хотя предохраняет кожу от простуды, но делает ее грубее. Любящий АБ».

Серьезный я бываю только за своим письменным столом, а солидным только среди академической корпорации, да в кругу совершенно неизвестных мне людей. При первой обстановке ты меня никогда не видела, а при второй видела два-три раза. Следовательно: говоря о серьезных солидных людях, взвешивающих каждое свое слово (у тебя в письме: «ценят свои слова»), ты не могла иметь в виду меня. Ведь так? А теперь буду разбирать по косточкам Вашу логику, милостивая государыня! Впрочем, чувствую, что из этого разбора ничего не выйдет; ведь известно, что у женщин логика своя. Воображаю твое задорное выражение лица, когда ты собиралась придумать какую-нибудь предезность по моему адресу. Недаром я видел его сегодня во сне (вот и вышло: «Праздничный сон⁹ в руку».) Я сегодня в очень болтливом настроении, хотя этого, кажется, не должно бы быть, потому что Соня сестра, вкладывая твое письмецо в конверт, от себя не приписала ни строки, так что я нахожусь в неизвестности о здоровье Папы. Впрочем, это меня отчасти утешает. Если ничего не пишет, значит, все обстоит благополучно. Когда ты получишь мое письмо, то будет уже масленица, с которой я поздравляю тебя и всех домашних: это по нашему великорусскому обычаю; а я не признаю этих дней праздничными, потому что гулять во время их не приходится почти. Я ведь, радость моя, мог бы остаться в Орле до второй недели поста, а следовательно и повидаться с тобою; для этого стоило только написать ректору Академии извещение о болезни. Но чем дальше я пробыл бы в Орле, тем труднее было бы мне разбираться с своею программой. А я думаю, что ты не захочешь же, чтобы на моей дороге в Академии вырастали трудности. Правда, мне тоже часто хочется, чтобы ты была со мною, потому что теперь я больше, чем когда-либо чувствую свое одиночество. Мне очень хочется и во второй раз побывать в Карачеве. Но я чувствую, что, чем чаще мы будем видеться, тем больше придется пережить трудных минут расставания друг с другом. Это отнимет отчасти (и всю, может быть) прелесть свидания после долгой разлуки, - свидания, которое, я не знаю, когда будет. Вообще я вперед никогда не загадываю и не решаю, а действую под влиянием накопившихся впечатлений. Прощай, моя голубка! Никогда не сердись за выражения подобные тому, которое тебя взволновало в прошлом моем письме.

Поцелуй от меня Папу, Маму, Шурочку, Захария и Олю, если увидишься с нею на масленице. Пиши в ответ чаще. Право я высчитываю все возможные почтовые комбинации, чтобы точно знать, когда ты получишь мое письмо, и когда я должен получить твое. И если не получаю в назначенный срок, то не знаю, куда деваться. Вчера, например, не получив твоего письма вечером, отправился в 11 часов бродить по улицам, а вернувшись стал писать тебе, чтобы хотя на бумаге беседовать с тобою, моя дорогая птичка. Сейчас сам понесу письмо на почту, и если сегодня есть прием посылок, то приложу в конверт и фотографию, которую я обещал; а если нет, то фотографию пошлю с следующим письмом, в ответ на твое письмо.

Прощай, время уже идти.

«И здесь и там везде твой»¹⁰ А.

⁹ «Праздничный сон», потому что получил целых два письма от В. М. Покровской.

¹⁰ Взято в кавычки

Приписка в конце письма фиолетовыми чернилами:

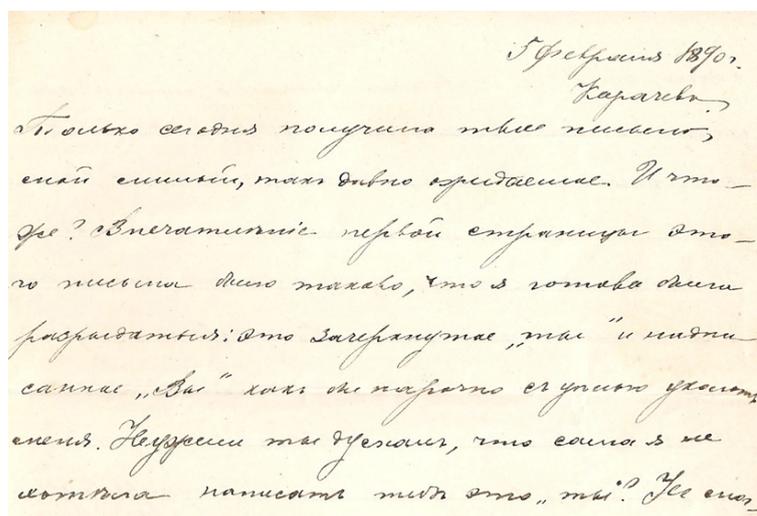
Опоздал на почту, а потому фотографию не послал. А. Б.

Письмо № 1 В. М. Покровской к жениху Аф. Ив. Булгакову.

5 февраля 1890 г. Из Карачева в Киев.

Ответ на письмо № 11 Аф. Булгакова.

Только сегодня получила твоё письмо, мой милый, так давно ожидаемое. И что же? Впечатление первой страницы этого письма было таково, что я готова была разрыдаться: это зачеркнутое «ты» и надписанное «Вы» как нарочно с целью уколоть меня. Неужели ты думаешь, что сама я не хотела написать это «ты»? Не смогла я написать так по какому то странному чувству застенчивости, и, кроме того, я так много даю значения этому слову: ведь я в первый раз писала его в таком смысле. Но потом при дальнейшем чтении этого письма это первое впечатление

Фрагмент письма В. Покровской 5 февраля 1890 г.

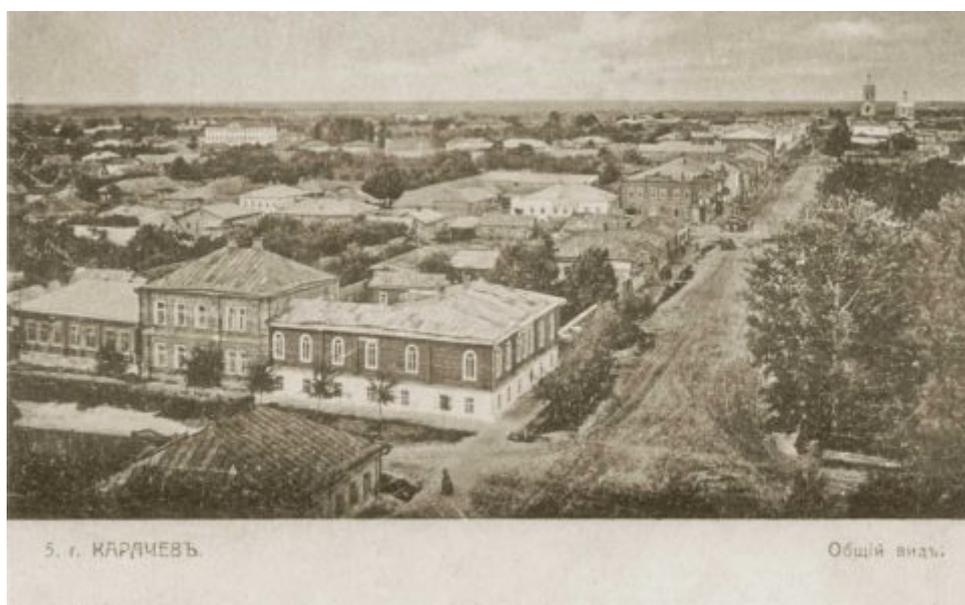
пропало, и я благодарю тебя за это письмо. Странное направление имели мои мысли в тот вечер до получения этого письма. Углубившись с виду в работу, я много, много передумала (если бы эта вышивка могла воспроизвести все мои мысли, как фонограф – звуки!) Казалось мне, что ты совсем не так думаешь обо мне, не так понимаешь меня, и мои отношения к себе, чем все это на самом деле. И чувство грусти поднималось во мне. И я также перебирала в уме все наши встречи, наши отношения. Получивши и прочитавши твоё письмо, мне захотелось быть откровенной с тобой, захотелось рассказать, в общем, мою внутреннюю жизнь до последней встречи с тобой на этих каникулах. Теперь я решила при первом свидании с тобой рассказать тебе многое, а теперь скажу только вкратце про себя. Никогда не увлекалась я целью «перевернуть мир». Ещё, будучи в гимназии, в пыльных классах, где мы все толковали о будущем, я не разделяла увлечений некоторых горячих голов, желающих поставить себе великие цели, достигнуть великих результатов. Я сочувствовала их горячему стремлению к хорошему и высокому, но всегда знала, что на мою долю не выпадет никакой высокой роли в жизни, и поэтому тогда ещё думала, что возьмусь за первое дело, которое сочту себя в силах сделать, и заранее не могла сказать, какое это дело будет. И первым делом, представившимся мне,

была педагогическая деятельность, за которую я взялась, которую занимаюсь и теперь; с самого первого года окончания курса я не была без дела, и это мне давало возможность сознавать, что я не сижу, сложа руки. Вот все, что я пока могу сказать про эту сторону моей жизни. В своих сношениях с людьми я была счастлива, счастлива потому, что видела больше расположения к себе, чем антипатии. Не знаю, стоила ли я того, стою ли, или особое покровительство судьбы было тому причиной, но только на мою долю выпадали симпатии других людей. Но я умела ценить эти симпатии, стараясь и со своей стороны заплатить расположением, я никогда не посмеялась, не оскорбила чужого чувства. Были у меня за это время и искания руки моей, но они не нарушили течения моей жизни; я спокойно отказала им, потому что знала, что не причину им большого огорчения, а сама со своей стороны не имела желаний связать свою жизнь с их. Этим летом и осенью я выдержала борьбу. От чего происходила эта борьба, рассказывать долго: здесь играли роль и мои отношения к тебе, и мои отношения к другим. При свидании я может быть расскажу тебе все, а теперь с тебя довольно будет, что теперь борьба эта уже кончена, и для меня все ясно. Знай и ты, что все мои симпатии принадлежат тебе, мой дорогой, мой милый! Вспоминается мне сейчас, каким странным чувством начиналась моя симпатия к тебе, чувством почти враждебным, желанием показать, что я знать тебя не хочу. Тебе это странно? А мне сейчас это смешно. Ты пишешь, помню ли я вопрос, который предложила тебе на Святках, и ответ твой? Да, конечно помню. Я спросила: «всегда ли ты помнил меня?». И получила в ответ, что был период (осень 1888 года в особенности), когда ты, если не забыл меня совершенно, так и не помнил или не старался помнить. Причину этому ты ясно не сказал, но я поняла твои намеки так, что причина этому была другая привязанность – так я поняла тебя? Но только не понимаю я, чего ты хотел в этот период, из-за чего у тебя происходила борьба?... На этом месте моего письма я была прервана. Приехал Зоря из Брянска, и я хотела расспросить у него все, что он нашел нового и интересного там. Сейчас же после чаю он утащит меня на каток, где было назначено большое гуляние. Мороз сегодня порядочный, так что я пошла в шубе и не надела коньков, впрочем, шуба была надета после мамочкиных слов: «пожалей ты себя хоть немного». Да я и сама бы не захотела кататься в кофточке в такой мороз. Все-таки я порядочно замерзла, и сейчас моя рука не особенно твердо держит перо. Что сказать тебе про себя? Я решительно отбилась от рук, лентяйкой стала такой, что ужас! Каждый день говорю себе, что надо взять себя в руки, заняться делом, и все-таки не могу. Стол завален массой книг, которую принесли мне, и которые надо прочитать, и я читаю в день по пяти строк, есть работа, которую нужно было кончить, и которая все-таки не кончена. Впрочем, это настроение было сильнее до 2-го февраля, а теперь есть маленькая надежда на исправление; этому поможет и мороз, который заставит скорее сидеть дома, да и то боюсь, что масленица помешает. 2-го была в любительском спектакле, где участвовал и Зоря. Играли «На чужом пиру похмелье» Островского, где Зоре дали роль Андрея Титыча, и потом водевиль «Медведь сосватал»¹¹. Комедией я осталась не особенно довольна, а водевиль сошел прекрасно. Хотела остаться танцевать, но благодаря головной боли, уехала домой. И на другой день у меня был страшнейший насморк; а когда пришла из прогимназии, присоединилась головная боль, так что к вечеру совсем расклеилась, и являла такой жалкий вид, что даже у тебя бы сердце сжалось, глядя на меня. Оля зовет в Брянск, но на масленице не поеду. Лучше

¹¹ В. А. Крылов. "Медведь сосватал", комедия в 1 действии. 1886 г.

уже во время поста, так как пост этот в Карачеве сразу бывает виден, вносит особый оттенок во все, и развлечение маленькое, хотя бы в виде поездки в Брянск, очень не мешает. Я, кстати, вспомнила, что хотела написать тебе. Ты пишешь, что мог бы остаться и дольше в Орле. Если бы ты знал, как мне хотелось попросить тебя, когда ты был у нас, остаться еще на день, но я боялась, что это будет эгоистично с моей стороны, что ты нужен дома в Орле. А потом явилось непреодолимое желание написать, чтобы перед отъездом в Киев еще раз заехал к нам, но не захотела задерживать тебя, отнимать время, которое тебе дорого в Киеве, никогда не хотела бы помешать твоим занятиям. Видишь, какая я умница! Не разбирай по косточкам этого моего письма, начала я его писать вчера, а нынче кончила, и письмо в разном настроении, да к тому, не обдумывая того, что пишу; зато ты раньше получишь его. Прощай. Твоя В.

Приписка сбоку страницы:
Папа, мама и Зоря шлют тебе поклон.

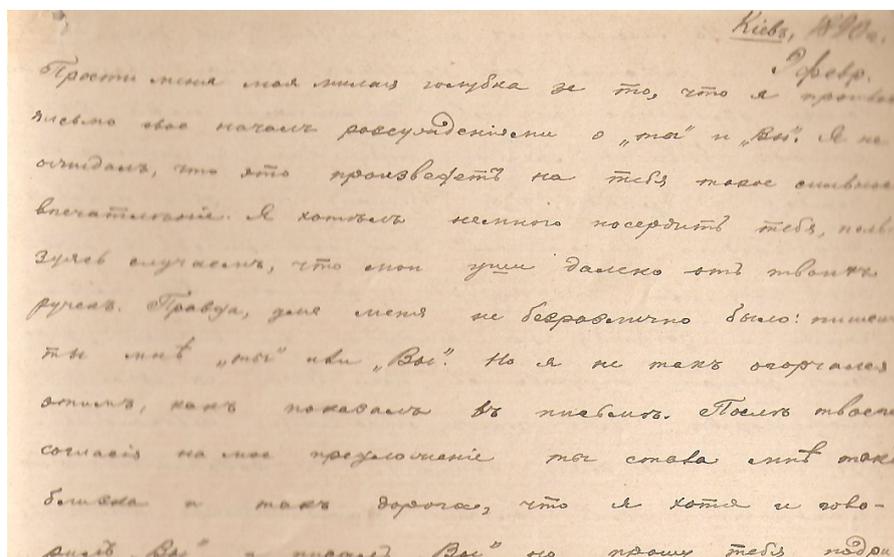
г. Карачев. Открытка конца XIX в.

Письмо № 12 Аф. Ив. Булгакова к В. М. Покровской.
9 февраля 1890 года. Киев – Карачев.

Письмо на 4 страницах, на бумаге палевого цвета.
К письму приложен комментарий Н. Булгаковой-Земской на небольшом листочке о том, что Аф. Ив. катается на коньках.

Прости меня, моя милая голубка, за то, что я прошлое письмо свое начал рассуждениями о «ты» и «Вы». Я не ожидал, что это произведет на тебя такое сильное впечатление. Я хотел немного посердить тебя, пользуясь случаем, что мои уши далеко от твоих ручек. Правда, для меня безразлично было: пишешь ты мне «ты» или «Вы». Но я не так огорчился этим, как написал в письме. После твоего согласия на мое предложение ты стала мне так близка и так дорога, что я хотя и говорил «Вы» и писал «Вы», но прошу тебя подразумевать под этим «Вы» бесчисленное количество раз «ты» (что и будет множественным «Вы»). Твой первый поцелуй давал мне право

на это; я только ждал, пока ты победишь свою застенчивость, и хотел только прийти к тебе на помощь в твоей борьбе с нею. Великую благодарность я почувствовал к тебе, когда получил такое большое письмо, как последнее. Тяжело только было долгое ожидание его; но что же делать? Я сам виноват, что замедлилось получение твоего письма, отправленного мне в Орёл. Кстати, как дома пишут, что Папа уже ходит по комнатам. Я чуть не запрыгал от радости, и теперь нахожусь в таком веселом настроении, что готов танцевать с детьми. На масленице я каждый день хожу на каток, выбирая часы, наиболее свободные для себя и притом такие, в которые бывает меньше публики: я люблю кататься и думать. При публике же это невозможно: можно налететь на кого-нибудь и поранить ногу или что-нибудь подобное. В гости хотя и зовут, но куда не тянет; впрочем, завтра отправлюсь на вечер к одному из профессоров: сам звал, отказаться невежливо. В театр не хожу потому, что рассчитываю в следующий сезон больше наслаждения получить, когда буду посещать его с тобою, моя дорогая, когда буду иметь возможность не только слушать, но и делиться с тобою своим удовольствием: я сам уже достаточно для нынешнего сезона перебивал в театре. – Меня сильно огорчило твое письмо: на нем лежит такой мрачный отпечаток, что можно подумать, читая его, что ты или больна, или расстроена. Прошу тебя во имя нашего общего счастья беречь свое здоровье. Я, впрочем, не хочу сказать, что для этого нужно непременно кутаться: это, конечно, вредно; но я хотел бы, чтобы никогда ты против требований организма не шла и не обманывала себя. Холодно ему, - одень его; жарко – охлади; но никогда не подвергай резким переменам. Переход от тепла к холоду останавливает обращение крови (простуда); обратное действие – заставляет приливать кровь к голове.... Впрочем, до завтра (уже 2 часа ночи!).....

10 февраля

Как хорошо я заснул сегодня! Вероятно от физической усталости (я около 2 ½ часов катался на коньках) и от радости, что получил твое письмо. Спешу ответить с первой же почтой. Твое нездоровье меня очень беспокоит, хотя, - надеюсь, - оно не серьезно. Буду с нетерпением ожидать ответа на это письмо, которое я вкладываю в

тетрадь обещанных тебе «Песен без слов» Мендельсона Бартольди¹². Туда же влагаю три фотографических карточки, из которых одну предназначаю тебе (если хочешь иметь меня в трудном несколько положении), другую – для дорогой Мамы (передай ей, что я жду также и от нее карточки, а также карточки Папы), третью, я прошу тебя, переслать Ивану Михайловичу (с подписью: «долг платежом красен»). – Из некоторых неполных намеков твоего письма видно, что в общем история нашей внутренней жизни до наших последних свиданий совершенно одинакова. Я пережил борьбу (в чем она состояла, это описывать долго); ты тоже пережила борьбу и тоже не хочешь описывать ее на бумаге. Надеюсь при будущем свидании рассказать тебе всё, как можно яснее, надеюсь, что и ты сдержишь свое обещание. Впрочем, я не хотел бы вовсе, чтобы такого рода разговоры походили на то, что мы выпытываем жизнь друг друга. Я уже писал, что своему прошлому напоминанию в письме о переменах в вагоне чувствах не придавал никакого значения: я только хотел описать, чем занята была моя мысль, когда поезд уносил меня вдаль от тебя. Тебе только, - тебе одной, - я рассказывал всё это. Предупреждаю и тебя, что всё, что ты ни пишешь, ни говоришь, я никому не прочту, ни расскажу (исключения составляют только те места твоих писем, в которых ты высказала свою любовь к нашей семье и свое горе по поводу болезни Папы моего. Эти места я считаю необходимым прочитать своей Маме: она тебя мало знает, и твои взгляды, мысли и чувства поэтому должны были возбудить в ней большие и большие симпатии к тебе, моя милая, моя дорогая невеста! Я думаю, за это ты на меня не рассердишься. Да? Ответь на этот вопрос. По той же причине я считал нужным со стереотипною точностью передать ей твой поцелуй. Прощай, моя голубка; целую твои ручки. До свидания! Поцелуй от меня всех домашних и пожелай им доброго здоровья. Береги, – повторяю, - себя от простуд. Мне невыносимо будет узнать, если ты вновь заболеешь. Весь твой АБ.

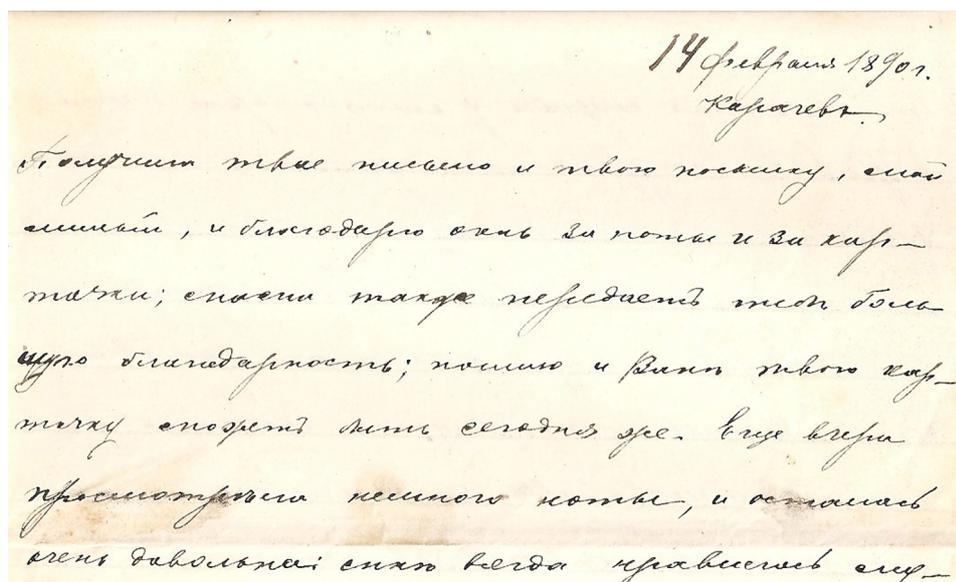
P.S. Извести о получении посылки.

Письмо № 2 В. М. Покровской к Аф. Ив. Булгакову.
14 февраля 1890 г. Из Карачева в Киев.

Получила твое письмо и твою посылку, мой милый, и благодарю тебя очень за ноты и за карточки; мама также передает тебе большую благодарность; пошлю и Ване твою карточку, может быть сегодня же. Еще вчера просмотрела немного ноты, и осталась очень довольна: мне всегда нравилось музыка Мендельсона. Теперь у меня образовался порядочный запас нот, которые надо разыграть, чем, конечно, я очень довольна. Тебя огорчает мрачный оттенок некоторых моих писем, но не придавай этому большого значения: это не постоянная печаль, которая вечным гнетом лежала бы у меня на сердце, а только временное настроение, которое иногда является у

¹² Якоб Людвиг Феликс Мендельсон Бартольди (1809-1847), один из крупнейших представителей романтизма в музыке, его называли «Моцартом девятнадцатого столетия». Песни без слов (*Lieder ohne Worte*) — фортепианные пьесы, всего 8 тетрадей по 6 пьес в каждой.

каждого человека. И лучше, что я пишу тебе так, чем, если бы я старалась писать не то, что чувствую. Но и в веселых оттенках недостатка не будет, надеюсь, потому, что во всяком случае у меня скорее веселая и живая натура, чем мрачная, что, кажется, думаешь и ты, потому что объясняешь мрачный оттенок нездоровьем. Между прочим, в прошлом письме я написала про свою головную боль не потому, что хотела жаловаться на нездоровье, да я и не считаю это болезнью, а так, без всякой цели. Теперь же спешу поблагодарить за заботливость о моем здоровье, выраженную в твоём письме. Прости меня, но это письмо будет не из веселых, потому что хочу рассказать тебе одно неприятное происшествие.

14 февраля 1890 г.
Карачевъ.

Получила твое письмо и твою посылку, с благодарностью, и благодарю тебя за письмо и за карточку; спасибо также передает твою благодарность; письмо и рисунок твоего котика особенно мне понравились. Все время присматриваю к своему коту, и осталась очень довольна; спит всегда красиво и уютно.

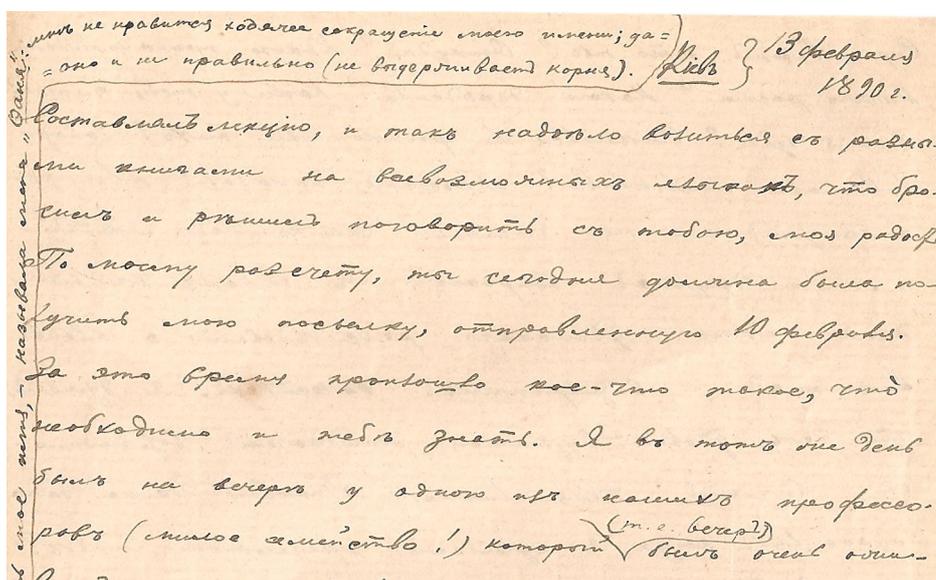
Можно было бы сказать, что мы отлично провели масленицу, если бы в последний день ее не заболел Папа. Дело в том, что в субботу вечером с ним сделался приступ астмы. Я ни разу не видела ничего подобного этому ужасному состоянию, когда человеку захватывает дыхание, когда он почти близок к смерти. Мы были ужасно испуганы и пережили ужасные минуты в тот вечер. Часов в десять или одиннадцать Папа почувствовал себя нехорошо, ему было тяжело в груди. Он хотел лечь в постель. Но как только лег, то почувствовал себя еще хуже, так как ему становилось все тяжелее дышать. Он сейчас же снова встал, но дыхание все больше и больше захватывало. Мы ничего не понимали, что такое с ним. Между тем с каждой минутой ему становилось все хуже и хуже. Зоря поспешил к доктору, другие братья побежали в аптеку. И вот, когда с папой остались только мама и я, он дошел до самого ужасного состояния; ему совершенно захватывало дыхание, руки похолодели, лицо сделалось бледно, и было покрыто холодным потом. Мама и я не знали, что делать, и теряли головы совершенно. Наше положение действительно было ужасно: мы видели, что он почти умирает на наших глазах, и ничем не могли помочь. Я лила одеколон и спирт ему на голову, стараясь согреть его похолодевшие руки. К счастью, скоро пришел доктор, который и помог ему. Но только к часу ночи папе стало лучше: припадок стал проходить, хотя дыхание было не совсем свободно. Эту ночь он провел уже в кресле посреди залы. Доктор мало утешительного сказал нам на счет общего состояния здоровья Папы: он находит, что у него и сердце не в порядке. Говорит, что Папа сможет сохранить свою жизнь под условием только большой осторожности во всем, между прочим, советовал гулять чаще. Эти дни Папа чувствует себя хорошо, но

вообще теперь за его здоровье всегда нужно опасаться. Как видишь, в этом мало утешительного. Рада я очень, что здоровье твоего Папы поправляется. Когда я прочитала, что ты катаешься на коньках, то мне ужасно захотелось покататься с тобой; сама я последние дни не каталась. Чувствую себя здоровою. Папа, Мама и Зоря шлют тебе поклон. Желаю всего хорошего. Твоя В.

P.S. Между прочим, к нам в мужскую прогимназию прислали бывшего учителя русского языка в Брянске, и он был уже у нас.

Письмо № 13 Аф. Ив. Булгакова к В. М. Покровской. 13-18 февраля 1890 г.
Киев – Карачев.

Письмо на 8 страницах.

Составлял лекцию, и так надоело возиться с разными книгами на всевозможных языках, что бросил и решил поговорить с тобою, моя радость. По моему расчету, ты сегодня должна была получить мою посылку, отправленную 10 февраля. За это время произошло кое-что такое, что необходимо и тебе знать. Я в тот же день был на вечере у одного из наших профессоров (милое семейство!), который (т.е. вечер) был очень оживлен, и я довольно много танцевал (даже мазурку-котильон и всякую другую чушь); окончил гулять, возвратился домой и лег спать уже в 6 утра (единственный раз за нынешний сезон!) Но главное не в этом, а в том, что благодаря некоторому обстоятельству, все бывшие на вечере знали, что я женюсь (на моей милой, хорошей, дорогой, - прибавлю от себя; - Варе); меня поздравляли и расспрашивали о тебе очень подробно. Особенно пиковая дама! Вот это обстоятельство и привело меня в некоторое смущение. Я не позволил себе без некоторого с твоей стороны разрешения говорить о тебе всё подробно. Ответь мне: могу ли я отвечать на все вопросы, которые мне предлагают относительно тебя?

Приписка по краю письма:

Я хотел бы, чтобы ты, - если когда-нибудь согласишься сокращать мое имя, называла меня «Фаня»: мне не нравится ходячее сокращение моего имени; да оно и неправильно (не выдерживает корня).

Спрашивают: кто ты? Откуда? Какого происхождения? Какого роста? Какого дородства? Какие у тебя глаза? Какие губы? Смеешься ли громко или тихо? Говорлива или молчалива? Попросят показать твои фотографии; что ты делаешь? Сколько тебе лет? И много других вопросов. Я никак не ожидал такого судебного расследования о твоих внешних и внутренних качествах: я думал, что все удовлетворяться ожиданием возможности видеть тебя лично. Пиковая дама спросила: когда я сделал предложение тебе? Как? У пианино или в другом каком месте? Играешь ли ты? Поешь ли ты? Я на одни вопросы ответил: «Увидите сами!» На другие сказал: «Отвечу после» и т.д. Так прошу тебя: ответь мне, что я должен отвечать на подобную чушь, вызванную дамским любопытством (а может и чем-нибудь большим). Ведь у меня на все подобные вопросы может быть только один ответ: «Она такова, какой я никогда, нигде лучше не встречал». Но понятное дело, что таким ответом не удовлетворишь не только пиковых дам, но даже червонных и бубновых..... Прости, моя голубка! Покойной ночи! Много раз приходилось мне видеть приятные сны, связанные с представлением о тебе; хотелось бы и сегодня увидеть что-нибудь подобное.....

14 февраля

Оказывается, что я теперь почти не могу сосредоточиться во время Богослужения, к которому хожу в качестве говеющего: постоянно приходит на мысль то то, то другое, что необходимо сказать тебе, или о чем уже приходилось говорить. Между прочим сегодня припомнил о логике, с точки зрения которой собирался разбирать твою, моя бесценная голубка, логику. Я вообще восхищаюсь логичностью твоих писем, и если хотел что разбирать, так это неправильное обидное для тебя заключение, которое ты вывела из моих слов о том, когда ты говоришь серьезно. Не стесняйся повторю тебе (и всячески умоляю не обижаться на меня за это), что ты неправильно вывела это заключение из моих слов. Когда из чужих слов выводится заключение, то к ним нельзя прибавлять чужих слов (а ты к моим словам прибавила слово «только»). А потом не нужно делать крайнего вывода, а только тот, который необходимо следует. Я написал, что ты «в серьезном разговоре и на бумаге не пускаешь слов на ветер». Что из этих слов следует? По моей логике следует, что если и встречаются такие слова на ветер, то только в обыкновенном разговоре. Но никоим образом нельзя заключить, что этих слов «летит масса», как заключила ты. Ведь так? Ты согласна теперь со мною? Да? Ответь на это. Перечитывая это письмо твое (25 янв.)¹³, я тоже должен был сознаться, что и мне, как и тебе иногда мучительно хочется быть около тебя, говорить с тобою. Скажи мне: ужели я должен к празднику Пасхи приехать в Карачев? Мне этого ужасно хочется; но вместе с тем я сознаю, что это будет стоить мне некоторых затруднений. Если ты очень этого свидания хочешь, - я не посмотрю ни на что и поеду; а может быть ты приедешь в Киев с кем-нибудь из

¹³ Это письмо от Варвары Покровской не сохранилось.

домашних (видишь, какие фантазии приходят мне в голову!) Покойной ночи! До свидания! Как мне хочется сейчас быть с тобою!.....

15 февраля

Радость моя, моя дорогая! Скажи, что приводит тебя в грустное настроение, и почему тебе кажется, «что я не так понимаю тебя и свои отношения к тебе, что я не так о тебе думаю, как это на самом деле» (эти слова твоего прошлого письма очень меня обеспокоили). Как я могу еще иначе думать о тебе и как понимать свои к тебе отношения? Я люблю тебя страстно, горячо; я верю тому, что и ты меня любишь; я уважаю тебя. И всё это будет продолжаться до тех пор, пока ты останешься для меня тем, чем ты для меня была до этого времени, т.е. милою подругою, которая любит меня, верит мне, уважает меня и которая готова делиться со мною и радости, и горе, и труды, и отдых. Ты на это согласилась, ответила мне, что «так будет всегда». Я верю, спокоен и уже не решаю этого вопроса. Что же тебя тревожит? Скажи мне, поделись своею тревогою. Может быть, я помогу тебе рассеять твои сомнения, прогоню тревогу и заставлю светло улыбнуться навстречу будущему. Воспроизведи часть своих грустных мыслей, которые одолевали тебя над тою вышивкою, у которой я постараюсь когда-нибудь выведать и остальную часть. Если ты мне не ответишь на это, то я тоже стану тревожиться и грустить, видя такую недоверчивость с твоей стороны. Целую тебя, моя милая голубка, и желаю покойной ночи!.....

16 февраля. – И сегодня не получил твоего письма, хотя, кажется, по времени пора получить, если только почта правильно передала мою посылку и если ты с следующей почтою послала мне ответ. Сегодня почти половину дня провел в церкви, исповедался, выслушал «правило» и вот остальные несколько минут до отхода ко сну употребляю для того, чтобы поделиться с тобою своими мыслями. Мне хочется завтра непременно получить письмо твое, мое сокровище. Это будет для меня день двойной радости. Из дома мне пишут, что Папа ходит по комнатам, но главное то, что завтра мы (студенты и большинство профессоров) причащаемся: день важный в жизни каждого христианина. Если бы еще к этому всему да твое письмо! То-то было бы хорошо. Когда будешь отвечать мне на это письмо, напиши мне, когда ты будешь говеть (верно, на 7-й неделе; да?) Прости меня; прощай – до свидания! Целую тебя крепко и желаю спокойной ночи. Дай Бог, чтобы тебе никогда не пришлось чувствовать себя одинокою, по крайней мере, пережить то, что приходится переживать таким, как я..... 17 февраля. И сегодня нет твоего письма! Что это? Я начинаю бояться чего-то.....

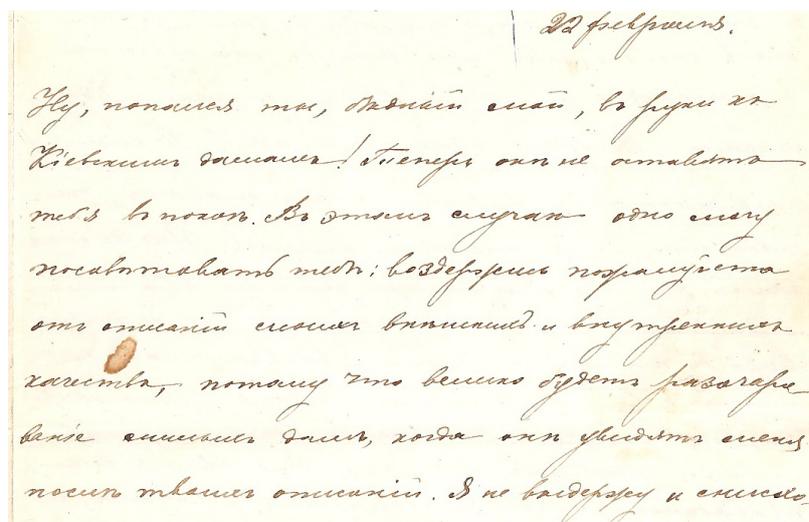
18 февраля. – Получил твое письмо, моя дорогая, порадовался тому, что мог доставить тебе удовольствие, и взгрустнулось мне при неприятной вести о болезни твоего милого папы. Видно уж судьба наша с тобою такая, что вместе с первыми днями радости приходится переживать и дни горя тяжкого. Будем делиться и тем, и другим; тогда (повторяю еще раз) и радость будет живее чувствоваться, и горе не так тяжело будет одолевать, как если бы пришлось переносить его в одиночестве. Не грусти, моя голубка, моя бесценная подруга! Организмы моего и твоего папы очень одинаковы, и жизнь их проходила почти одинаково (у твоего было больше деятельности вне дома, у моего больше домашнего горя). Взрастить и воспитать по

стольку детей, как они взрастили, дело нелегкое. Рано бы им еще болеть такими тяжкими болезнями (они ведь еще не старики: особенно мой), но природа берет свое. Наше дело поблагодарить их за то, что они сделали нам и успокоить их хоть теперь, когда силы значительно подорваны. Я всё это говорю к тому (и своим дома говорил), чтобы домашние берегли своих отцов, всячески облегчая их труды и охраняя их домашнюю жизнь от тревог. В частности: я и своему Папе и теперь твоему скажу, что нам нужно уменьшить количество (до возможного *minimuma*) пищи (и употреблять только по совету докторов). Никакие питья, содержащие спирт (водка, вина, пиво, квасы даже) не должны быть употребляемы (мой Папа давно уже не пьет водки, наливки; но пивал, - хотя редко, - вино), это должно быть соблюдено до последней точности. Как можно больше ходить (не быстро сначала, а потом быстрее и быстрее) и как можно меньше ездить необходимо. Чтение, только слушать, хотя медленно, и по возможности меньше писать. Мои советы ты, пожалуйста, не передавай ему прямо и в острой живой форме, а прочти эту часть письма Маме (которую прошу поцеловать от меня крепко), а она передаст их Папе..... Пиши мне, моя радость, чаще о здоровье Папы (передай ему, что я его целую и желаю еще долго жить в добром здравии). Да! Было позабыл. Припадок его болезни случился от резкого перехода к тяжелой маслянистой пище. Такой переход вреден и для молодых, а для людей его лет положительно должен быть возбранен..... Это письмо я пишу уже давно по-немногу. Остается прибавить еще несколько слов по твоему адресу. Я рад, что твоя грусть и мрачное настроение имеют временный характер: я уверен, что ты больше веселого и счастливого нрава и открытого характера, а потому и приписываю твою грусть и мрачные выражения всегда какому-нибудь органическому перевороту. Скажи мне пожалуйста, отчего ты не отвечаешь на вопросы, которые я пишу в письмах. Прошу тебя: отвечай всегда на те из них, которые оканчиваются вопросительным знаком, особенно если повторены два-три раза: это значит, я хочу твоего ответа на них. По поводу моего катания на коньках (с точки зрения некоторых несколько легкомысленного для людей важной персоны развлечения) некоторые знакомые говорят, что я праздную свою холостую жизнь. Я вовсе не считаю этого развлечения легкомысленным, отношу его к усиленному моциону, который необходим при моих работах за письменным столом. Я более глупой и легкомысленной считаю игру в карты, за которую многие проводят 1/2 или 2/3 ночи. Может и твоим семейным необходимо иметь такой усиленный моцион, как коньки. Притом в большинстве случаев я катаюсь в одиночестве (2 раза только при публике). А как бы мне хотелось побегать с тобою.

Приписка с краю письма:

Прощай, целую тебя и твои ручки. Ответь на вопросы! Страстно любящий тебя
Афанасий.

Письмо № 3 В. М. Покровской к жениху Аф. Ив. Булгакову
из Карачева в Киев. 22 февраля 1890.

Ну, попался ты, бедный мой, в руки к Киевским дамам! Теперь они не оставят тебя в покое. В этом случае одно могу посоветовать тебе: воздержись, пожалуйста, от описаний моих внешних и внутренних качеств, потому что велико будет разочарование милых дам, когда они увидят меня после твоих описаний. Я не выдержу и снисходительной критики их, а что касается до строгой критики пиковой дамы, то я заранее пасую перед нею. Судя по вопросам, которые тебе предлагают, можно заключить, как велика любознательность Киевских дам! Воображаю себя в положении, когда буду подвергнута их строгому разбору: хотя я не особенно трусливая особа. Меня здесь также поздравляют, здесь проявляется любопытство относительно тебя, и особенно сильно оно со стороны моей сослуживицы, другой классной наставницы. На ее вопросы «хорош ли ты? умен ли? сильно ли любишь меня?» я только посмотрела на нее и засмеялась: последнего вопроса совсем не следовало делать. На днях как-то, когда мы были с нею вдвоем в комнате, она посмотрела на меня и вдруг сказала: «Вы будете очень счастливы». И мне так захотелось поверить ее словам, так захотелось, чтобы они исполнились. Иногда мне рисуется мое будущее таким светлым, хорошим, и так легко становится на сердце. Вчера в таком настроении я возвращалась с прогулки (погода была такая чудная), и была уверена, что получу твое письмо вечером, и предчувствие не обмануло меня. Это время мы проводим самым скромным образом, но вместе с тем приятно; сидим постоянно дома, но совсем не чувствуем себя в одиночестве. Зоря иногда читает вслух, а я с мамой сидим с работой в руках. Между прочим, мама уезжает на два дня в Брянск, и представь себе, в первый же вечер были заметны следы нашего хозяйства без нее. Получаю письмо от Коли с упреками, что я забыла его, что я за последнее время изменилась. И действительно я так занялась своими личными делами, что не так живо отзываюсь на чужие интересы, как прежде. Знаю, что это нехорошо, но ничего не могу сделать. Ты отнял меня совсем у братьев, поэтому не удивительно, что они ревнуют меня к тебе. Теперь, к счастью, прекратилось оживление в Карачеве, а то мне надоело слушать замечания, что я не хочу принимать участия в общих развлечениях. Еще до Святков у нас образовался небольшой кружок

Ну, попался ты, бедный мой, в руки к Киевским дамам! Теперь они не оставят тебя в покое. В этом случае одно могу посоветовать тебе: воздержись, пожалуйста, от описаний моих внешних и внутренних качеств, потому что велико будет разочарование милых дам, когда они увидят меня после твоих описаний. Я не выдержу и снисходительной критики их, а что касается до строгой критики пиковой дамы, то я заранее пасую перед нею. Судя по вопросам, которые тебе предлагают, можно заключить, как велика любознательность Киевских дам! Воображаю себя в положении, когда буду подвергнута их строгому разбору: хотя я не особенно трусливая особа. Меня здесь также поздравляют, здесь проявляется любопытство относительно тебя, и особенно сильно оно со стороны моей сослуживицы, другой классной наставницы. На ее вопросы «хорош ли ты? умен ли? сильно ли любишь меня?» я только посмотрела на нее и засмеялась: последнего вопроса совсем не следовало делать. На днях как-то, когда мы были с нею вдвоем в комнате, она посмотрела на меня и вдруг сказала: «Вы будете очень счастливы». И мне так захотелось поверить ее словам, так захотелось, чтобы они исполнились. Иногда мне рисуется мое будущее таким светлым, хорошим, и так легко становится на сердце. Вчера в таком настроении я возвращалась с прогулки (погода была такая чудная), и была уверена, что получу твое письмо вечером, и предчувствие не обмануло меня. Это время мы проводим самым скромным образом, но вместе с тем приятно; сидим постоянно дома, но совсем не чувствуем себя в одиночестве. Зоря иногда читает вслух, а я с мамой сидим с работой в руках. Между прочим, мама уезжает на два дня в Брянск, и представь себе, в первый же вечер были заметны следы нашего хозяйства без нее. Получаю письмо от Коли с упреками, что я забыла его, что я за последнее время изменилась. И действительно я так занялась своими личными делами, что не так живо отзываюсь на чужие интересы, как прежде. Знаю, что это нехорошо, но ничего не могу сделать. Ты отнял меня совсем у братьев, поэтому не удивительно, что они ревнуют меня к тебе. Теперь, к счастью, прекратилось оживление в Карачеве, а то мне надоело слушать замечания, что я не хочу принимать участия в общих развлечениях. Еще до Святков у нас образовался небольшой кружок

на катке любителей этого катанья, и мы очень весело проводили там время; в этом кружке играю не последнюю роль и я; но потом, особенно после твоего второго приезда (в Январе), я стала все реже и реже посещать каток, и выслушивала упреки в том, что расстраиваю наш кружок. В последний раз в Воскресенье прошлое каталась и так устала, потому что целую неделю до этого не каталась; а теперь опять такая погода, что о катке и думать нельзя: снег идет по целым дням. Но теперь и весна недалеко. Ты пишешь, что не знаешь, приезжать тебе или нет на Святую? Спрашиваешь меня об этом. Но я не хочу отвечать тебе на этот вопрос, потому что хочу, чтобы ты сделал так, как сам хочешь, а я посмотрю, как ты хочешь. Жалею, что не знала, когда ты будешь говеть, а то постаралась бы прислать тебе поздравление в тот день, когда ты причащался, но теперь прими мое, хотя и позднее поздравление. Сама я буду говеть против обыкновения на третьей неделе вместе с мамой и со всеми, и к великому моему искушению вместе с Зорей. Он меня окончательно преследует. Вчера старался разрешить интересующий его вопрос, что ты мне пишешь? И, конечно, не мог разрешить его, так как я в этом случае очень далека от мысли помочь ему. Вчера же он ужином объявил, что не отдаст меня тебе. Не правда ли, это легко сделать? Если бы ты видел, какие он портреты мои рисует к неопишуемому удовольствию дв[оюродного] брата, что их очень не мешало бы показать интересующимся Киевским дамам. Между прочим, твои предположения о моем приезде в Киев на Святой, к сожалению, останутся фантазией, потому что эту поездку предпринимать не собиралась ни я, ни кто либо из домашних.

Кстати, получила я от Вани после масленицы также письмо, которое удивило меня. Представь себе, он на масленице съездил в Петербург, и остался так доволен своей поездкой, что прислал мне также восторженное письмо, что я за него порадовалась. Пишет, что сожалеет, что я не смогла участвовать с ним в этой поездке, а то бы вдвоем мы с ним «поносились бы по Петербургу» (у него любимое выражение «носиться» вместо скоро ходить). Но я успела наверно наскучить тебе своей болтовней. Очень благодарю тебе за участие, которое ты принимаешь в болезни Папы. Папа, конечно, шлет тебе благодарность за это и за твои пожелания. И Мама, и он, а также Зоря шлют тебе поклоны. Милый мой! Не огорчайся пожалуйста моими некоторыми письмами. Я так счастлива твоею любовью, что скоро забываю всякие огорчения, если даже они изредка и случаются, и у меня так хорошо на душе. Если тебе когда-нибудь придется почувствовать себя одиноким, то знай, что мои мысли всегда около тебя. Прощай, мой дорогой! Желаю тебе всего хорошего. Твоя В.

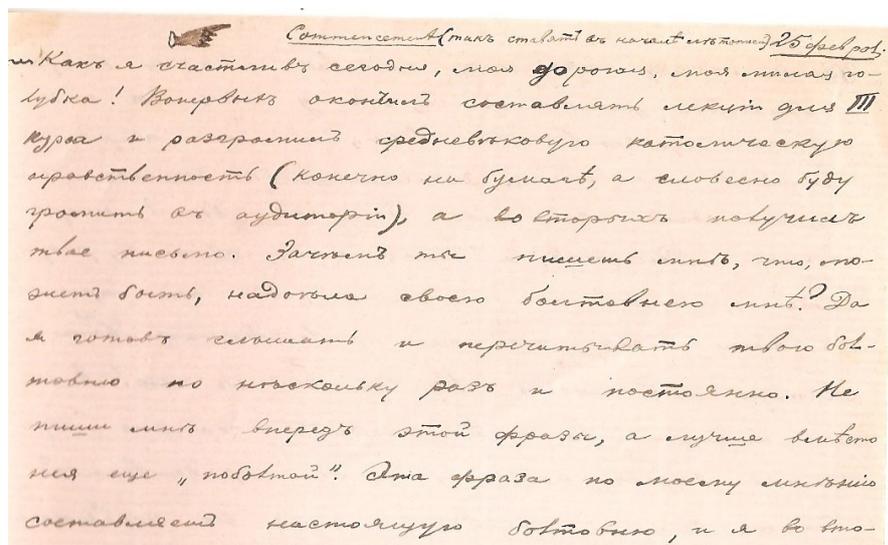
Письмо № 14 Аф. Ив. Булгакова к В. М. Покровской.

25-26 февраля 1890. Из Киева в Карачев.

8 стр на бумаге фисташкового цвета.

Commencement (так ставят вначале летописи) 25 февраля. Как я счастлив сегодня, моя дорогая, моя милая голубка! Во-первых, окончил составлять лекции для III курса и разгромил средневековую католическую нравственность (конечно на бумаге, а словесно буду громить в аудитории), а во-вторых получил твое письмо.

Зачем ты пишешь мне, что может быть, надоела своею болтовней мне? Да я готов слышать и перечитывать твою болтовню по нескольку раз и постоянно. Не пиши мне впредь этой фразы, а лучше вместо нее еще «поболтай». Эта фраза по моему мнению составляет настоящую болтовню, и я во второй раз не хочу ее от тебя слышать или читать в твоих письмах. Я говорю, что сегодня очень счастлив и потому хочу писать тебе о высоких материях и высоким слогом. — я не признаю никаких условных законов нравственности, никаких условных логик и никаких условных красот, а потому: с какой другой точки зрения я могу судить о твоей логике или восхищаться твоею логикою, как не с точки зрения общечеловеческой логики, которая должна быть одна у всех, а не то, чтобы для женщин существовала какая-то особая, которую я могу брать во внимание, когда ценю твою логику. Относительно нравственности, или долга, я уже имел случай писать тебе, хотя не все признают нравственные требования безусловными.

Такова, между прочим, пиковая дама; и когда я однажды заметил ей, что у нас с нею разные нравственные боги, то она страшно озлилась на меня, заключивши (по женской логике), что один из них должен быть непременно подлецом; а так как своего я, разумеется, таковым не считаю, то она пришла к тому выводу, что ее нравственного Бога я считаю подлецом. Ну да Бог с нею! Я с нею никогда не мог говорить серьезно о серьезных вещах, потому что нравственный божок всегда приводил меня в необыкновенную ярость, потому что божок оправдывает человеческую распущенность воли. Теперь о красоте. Как ни говорят, что красота должна быть одна для всех, т.е. что прекрасное всем должно казаться прекрасным, но кажется, что в суждениях о красоте приходится выслушивать самые разнообразные суждения, и красота самый непрочный пункт, на который можно было бы привести людей к соглашению. Впрочем, я все-таки настаиваю на том, что есть относительно прекрасные предметы, которые на всех производят одинаково чарующее впечатление. Жаль, что таких предметов не особенно много, и не часто потому они встречаются — вот видишь, как я могу умно рассуждать. Только окончивши и прочитавши написанное я сообразил, что можно было бы написать что-нибудь и получше.... Однако как мы избаловали друг — друга перепискою! Представь: я сегодня все утро (до обеда) просидел дома, даже в церковь не пошел, прислушиваясь к малейшему шороху за входною дверью в ожидании твоего письма. Я был уверен, что ты, моя радость, не отложишь ответа своего дальше, как на второй день по получении моего

письма, которое ты должна была получить в среду на прошедшей неделе, а следовательно ответа я должен ждать с воскресною почтой. Как я рад, что не ошибся в тебе и на этот раз (не заключи отсюда, что я когда-нибудь ошибся в тебе). Я ошибся только раз, но было мне приятно разочароваться в этой ошибке: я думал, что ты никогда не ответишь мне взаимностью, что ты не согласишься быть моею, когда на каникулах получил твой неопределенный ответ. Мне показалось тогда, что ты смотришь на меня с сожалением и боишься огорчить меня категорическим ответом. Я ошибся тогда, но зато, как была велика моя радость, когда я узнал от тебя, что ошибся. Прости меня за эту ошибку! Ты писала мне в одном из предыдущих писем, что твое чувство ко мне началось почти враждебным против меня настроением. Но ведь этого враждебного настроения тогда, т. е. на прошлых каникулах уже не было? Да! Оно было когда-то раньше! А когда, - я совершенно тоже не знаю; я только помню, что мы постоянно грызлись друг с другом (говоря по-иностранному пикировались «nous avons nous rîque»). Мне всегда хотелось тебя убедить в справедливости своих слов, и я злился, когда это не удавалось: я тогда не знал еще, что существует женская логика и особенная еще девическая (слышала ли ты что-нибудь и когда-нибудь о подобной логике?) Мне недавно пришлось услышать о такой и узнать, что чтобы бороться против нее, нужно особое средство. Какое? Я точно не знаю, но предполагаю, что оно должно соответствовать логике. Самый факт получения твоего письма привел меня уже в хорошее настроение, а когда с жадностью прочел его содержание, то веселость приняла довольно опасные для того дивана, на котором я сидел, размеры. – Вновь мне приходится просить тебя, чтобы ты писала, не стесняясь, всякую свою мысль. **Голубонько моя кохана!** Никогда я не осмею ничего, никогда не задумаюсь сказать тебе правду, или то, что думаю. Если какая мысль мне покажется странною или несоответствующею тому представлению, которое у меня к тебе составлено, то я прямо попрошу тебя объяснить мне свою мысль. Ну же! Так что ли, или нет? Надеюсь и от души желаю я видеть всю твою душу. Ведь она чиста, ясна, как майский день, как ясны твои глазки. Ах как я люблю смотреть в них! И как хотелось бы мне взглянуть на них разок – другой и поцеловать их! Я сам боюсь, что моя душа не так чиста, как ты себе ее представляешь: я хочу сказать, что она не всегда настойчиво заставляет меня делать то, что хотелось бы; что я иногда поддаюсь тому, чему не нужно было бы поддаваться, но я рассчитываю, что найду в тебе строгого критика моих душевных движений и происходящих от меня деяний. – Жаль мне и твоих братьев, у которых я похищаю «любимую» сестру (ведь они «любящие братья»? да?) жаль мне и своих родных, потому что ты меня у них похитила тоже. Представь себе, ведь я тоже теперь за мыслями о тебе забываю почти о них. Не знаю: братья мои и сестры, кажется, не ревнуют меня к тебе, о Маме и говорить нечего; но что Папа ревнует, это мне кажется; он как-то равнодушнее отнесся к тому, что мы полюбили друг друга. Впрочем, я должен тебе напомнить, что он тогда был уже с сильно расстроенным здоровьем, и его больно смущала мысль, что есть еще много не пристроенных детей, а потому не особенно могла интересовать судьба сына, который уже может считаться отрезанным ломтем. Третьего дня я получил его собственноручное письмо, в котором он очень горячо благодарит всех нас за заботливость во время его болезни. Самым фактом своим письмо доказывает, что он поправился очень много сравнительно с тем, как я его оставил. А содержание говорит, что к нему начинают возвращаться его обычная веселость, с которою ты

самолично знакома. Из того же письма видно, что он уже написал и Петру, и Михаилу: такого обильного писания он и прежде не выносил, а теперь пишет, значит здоров; в письме шутит. Отчего ты не пишешь ничего о здоровье своего Папы? Поцелуй его, Маму и Шурочку. А Захарию передай, что если он соберется выполнить свое намерение, то я напущу на него твоих будущих золовок (сестер своих): они еще на святках собирались «пощипать хорошенько» своего «свата», да болезнь Папы помешала мне передать ему относительно их не особенно миролюбивых намерений – по отношению к нему. Ну, прощай пока, моя радость! Покойной ночи! уже час; а я сегодня непрерывно просидел за столом письменным; вечером с 7 часов до часу, да утром с 8 до 11, да после обеда с 4-х до 6-ти: рука уже утомилась, и спать хочется. Целую тебя и желаю увидеть хороший сон.... 26-го февраля. Проснувшись, вскочил, как встрепанный, потому что очень рано должен придти портной, который принесет мне фракную пару, заказанную мною первый раз в жизни. Посмотрю, как это буду я в ней высматривать; кстати, у меня в квартире есть зеркало, в котором видны не только И-талия» но даже и Африка, и Азия и т.п. стороны света (впрочем, зеркало это не мое, а хозяйское; и я завидую тебе, что у тебя есть зеркало, в котором «даже и талия видна»). Ты говоришь, что портреты художника З. Покровского не мешало бы показать киевским дамам. Пришли мне один из них, наиболее характерный, как для художества, так и для твоей персоны. Если я его и не покажу дамам, то по крайней мере полюбуюсь сам (может быть, он и мне доставит немалое удовольствие, как и твоему двоюродному брату). Впрочем, не смотря на все их художества (Захария и дв. брата) можешь от меня передать им поклоны и поздравления с великим постом, который им, несомненно, доставляет великое удовольствие. Не правда ли? Ведь так?... я как-то задал вопрос пиковой даме, - «А как отнесутся дамы к тебе и как примут тебя»? Она ответила: «Будьте уверены, что Ваша покорная слуга примет ее с распростертыми объятиями». Итак, впредь для тебя обеспечены объятия пиковой дамы. Будь уверена, что она тебя в них прилаская не задушит. Скажу тебе, что для тебя обеспечены объятия еще одной трефовой одной или 2 червонных и несомненно 2 бубновых (по цвету волос). Недавно одна девица задала мне вопрос: «А на кого из общих знакомых дам похожа Ваша невеста?» Я по обыкновению затруднился ответить на этот вопрос. Но сидевший тут же один из товарищей сослуживцев и видевший твою последнюю фотографию в моей квартире, ответил, смотря на нее: «На Вас!» Этот ответ привёл девицу в необыкновенное оживление. В присутствии всей честной компании она сделала такое заключение (по женской логике): «Если Ваша невеста лучше всех виденных Вами, то значит: я – вторая за нею!» Да? Логично! Ну прощай, моя первая, несравненная ни с кем, моя хорошая невеста! Крепко, крепко целую тебя. Мне хотелось бы любить тебя ещё больше, чем теперь люблю. Да я не знаю, как это сделать и чем выразить. Научи меня.

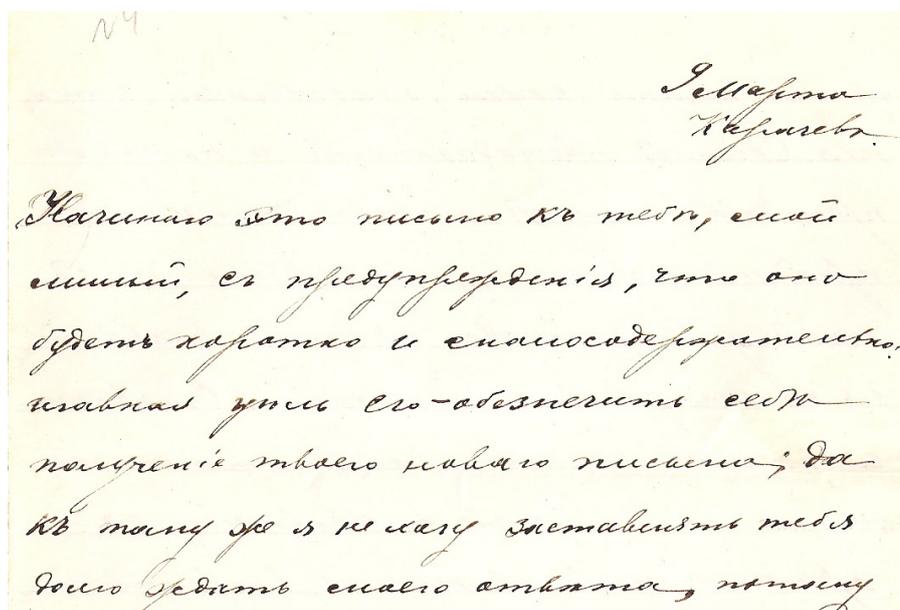
Приписка по краю страницы снизу вверх:

Не правда ли ведь ты подскажешь мне? Научишь меня? Да? Ответь. Весь твой
Афанасий.

Письмо № 4 В. М. Покровской к Аф. Булгакову.

9 марта 1890 г.

Из Карачева в Киев.

24

Начинаю это письмо к тебе, мой милый, с предупреждения, что оно будет коротко и малосодержательно. Главная цель его – обеспечить себе получение твоего нового письма; да к тому же я не хочу заставлять тебя долго ждать моего ответа, потому что по себе знаю, как неприятно это ожидание. Коротко это письмо будет потому, что я хочу отослать его сегодня, и у меня мало времени для написания его; кроме же того, я нахожусь в каком-то безразличном настроении. Сказать по правде, меня иногда утомляет прогимназия, утомляет не потому, что мой труд тяжел, а самая обстановка действует каким-то притупляющим образом. Здесь во все умеют вложить печать скуки, однообразия, отупения. Состав преподавателей и особенно преподавательниц таков, что иногда придешь и уйдешь, не сказавши ни с кем живого слова, и домой возвратишься с отяжелевшею головой. Стараешься внести несколько иной оттенок, но что он значит в сравнении с ранее установленным, вкоренившимся здесь порядком, да и еще с большими стараниями поддерживаемым. Ну, да впрочем, я совсем не могу жаловаться. Погода стоит теплая и прекрасная, правда грязи много, но она уже начинает просыхать под влиянием солнца, и скоро можно будет снова начать гулять, а то уже надоело дома сидеть, где я чувствую отсутствие Зори. Здоровье Папы хорошо сравнительно, что очень влияет на состояние расположения духа всех. Вчера (вставка НБ: 8 марта) вместе с твоим письмом получила и собственноручное письмо Митроши. Он также составляет предмет дум всех нас. С другим глазом его сделана операция, и теперь он видит раньше оперированным, но только с помощью очков может читать и писать, но и это много значит. Я была очень рада этому письму, а тем больше потому, что имела возможность убедиться, что он сможет читать и писать с помощью раньше оперированного глаза, хотя правда почерк его не так тверд и правилен и сразу выдает слабость зрения. Что это ты так, мой милый, вооружился против Киевских дам? У всяких людей есть свои недостатки в большей или меньшей степени, есть и у дам, конечно, и как видно из твоего письма, есть и у Киевских дам, и даже большие; но все-таки ты не прав, по-моему, говоря, что не желаешь иметь

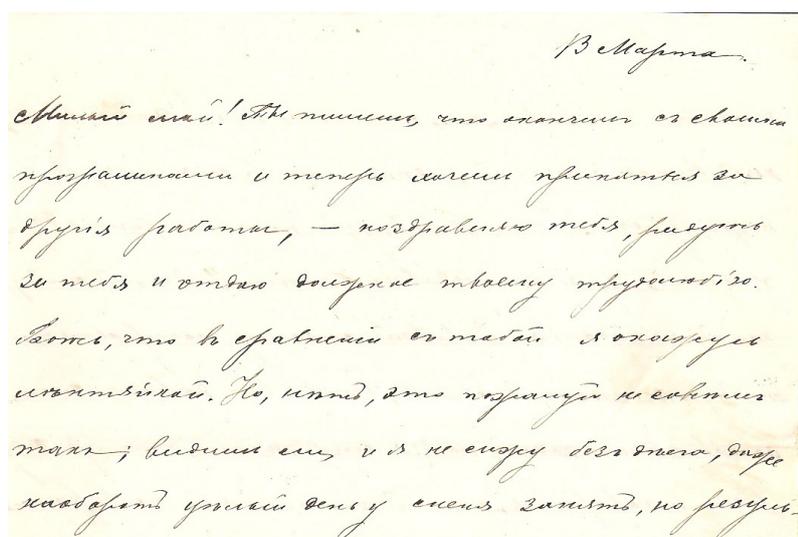
Начинаю это письмо к тебе, мой милый, с предупреждения, что оно будет коротко и малосодержательно. Главная цель его – обеспечить себе получение твоего нового письма; да к тому же я не хочу заставлять тебя долго ждать моего ответа, потому что по себе знаю, как неприятно это ожидание. Коротко это письмо будет потому, что я хочу отослать его сегодня, и у меня мало времени для написания его; кроме же того, я нахожусь в каком-то безразличном настроении. Сказать по правде, меня иногда утомляет прогимназия, утомляет не потому, что мой труд тяжел, а самая обстановка действует каким-то притупляющим образом. Здесь во все умеют вложить печать скуки, однообразия, отупения. Состав преподавателей и особенно преподавательниц таков, что иногда придешь и уйдешь, не сказавши ни с кем живого слова, и домой возвратишься с отяжелевшею головой. Стараешься внести несколько иной оттенок, но что он значит в сравнении с ранее установленным, вкоренившимся здесь порядком, да и еще с большими стараниями поддерживаемым. Ну, да впрочем, я совсем не могу жаловаться. Погода стоит теплая и прекрасная, правда грязи много, но она уже начинает просыхать под влиянием солнца, и скоро можно будет снова начать гулять, а то уже надоело дома сидеть, где я чувствую отсутствие Зори. Здоровье Папы хорошо сравнительно, что очень влияет на состояние расположения духа всех. Вчера (вставка НБ: 8 марта) вместе с твоим письмом получила и собственноручное письмо Митроши. Он также составляет предмет дум всех нас. С другим глазом его сделана операция, и теперь он видит раньше оперированным, но только с помощью очков может читать и писать, но и это много значит. Я была очень рада этому письму, а тем больше потому, что имела возможность убедиться, что он сможет читать и писать с помощью раньше оперированного глаза, хотя правда почерк его не так тверд и правилен и сразу выдает слабость зрения. Что это ты так, мой милый, вооружился против Киевских дам? У всяких людей есть свои недостатки в большей или меньшей степени, есть и у дам, конечно, и как видно из твоего письма, есть и у Киевских дам, и даже большие; но все-таки ты не прав, по-моему, говоря, что не желаешь иметь

снисхождения к их недостаткам. Мне кажется, что для того, чтобы строго судить поступки других людей, нужно самому стоять очень высоко, а какой человек с уверенностью может сказать, что он совершенно чист и «высок душой»? Впрочем не могу не согласиться с тобой, что иные поступки и взгляды могут возмущать до глубины души. В своих письмах ты точно приготавливаешь меня к борьбе при вступлении в общество Киевских дам. Со своей стороны могу сказать, что я не собираюсь ни преклоняться перед их «совершенствами», ни блистать своими «талантами», а тем больше последней претензии у меня никогда не было (впрочем самой о себе трудно судить), да и много нужно иметь талантов при такой претензии! Завтра поеду в Орел вместе с мамой, будем там и у твоих. Когда приеду оттуда, напишу тебе, чтобы отослать по получении твоего письма, а сейчас постарайся удовлетвориться этим письмом. Папа, Мама и Шурка шлют тебе поклон. Желая тебе всего хорошего. Прощай, мой милый, мой хороший!

Твоя В.

Письмо № 5 В. М. Покровской к жениху Аф. Ив. Булгаков из Карачева в Киев на 10 страницах. 13, 14, 15 марта 1890 г.

Комментарий Н. Булгаковой-Земской: “О поездке в Орел”.

13 марта.

Милый мой! Ты пишешь, что окончил со своими программами и теперь хочешь приняться за другие работы, — поздравляю тебя, радуюсь за тебя и отдаю должное твоему трудолюбию. Боюсь, что в сравнении с тобой я окажусь лентяйкой. Но нет, это, пожалуй, не совсем так; видишь ли, я не сижу без дела, даже наоборот целый день у меня занят, но результат получается небольшой, да и некоторые дни таковы, что не заслуживают внимания, а между тем время на них тратится. Но это не верно. Ездили с мамой в Орел: поехали в субботу, а вернулись в воскресенье ночью. К нашему удовольствию погода эти два дня стояла прекрасная. Едем с вокзала в Орле, когда только что приехали, и я не могу налюбоваться прекрасным теплым вечером и с наслаждением вдыхаю в себя воздух. Наконец одной показалось недостаточно

13 марта.

Милый мой! Ты пишешь, что окончил со своими программами и теперь хочешь приняться за другие работы, - поздравляю тебя, радуюсь за тебя и отдаю должное твоему трудолюбию. Боюсь, что в сравнении с тобой я окажусь лентяйкой. Но нет, это, пожалуй, не совсем так; видишь ли, я не сижу без дела, даже наоборот целый день у меня занят, но результат получается небольшой, да и некоторые дни таковы, что не заслуживают внимания, а между тем время на них тратится. Но это не верно. Ездили с мамой в Орел: поехали в субботу, а вернулись в воскресенье ночью. К нашему удовольствию погода эти два дня стояла прекрасная. Едем с вокзала в Орле, когда только что приехали, и я не могу налюбоваться прекрасным теплым вечером и с наслаждением вдыхаю в себя воздух. Наконец одной показалось недостаточно

наслаждаться, захотелось поделиться своим настроением, обращаюсь к маме и говорю: «ах, мамочка, какой чудный вечер, как весной пахнет, потяните в себя воздух, пожалуйста!» - «Нет, уж покорно благодарю: у меня зубы то недавно болели». Этот ответ так не соответствовал моему настроению и так рассмешил меня, что я всю дорогу смеялась. Миша ждал нас: я ему написала, что приеду. Нечего и говорить, каким истязаниям подвергались моя голова и шея в тот вечер. На другой день все время бегали по Болховской, благо погода была хороша; очень хотели мы побыть у твоих, но вместе с тем не смогли выбрать времени; наконец решили отправиться вечером с тем, чтобы оттуда ехать прямо на вокзал; так и сделали; и пробыли часа три или четыре. Конечно наше нашествие с чемоданами и картонками было неожиданным обстоятельством. Папу твоего нашли поправившимся, он даже вел шуточные разговоры. Мама твоя была очень добра ко мне, жалко, что не было дома Ферапонта, я хотела видеть его, но зато все сестры были дома, и я теперь познакомилась с самой последней твоей сестрой. На сегодня довольно. Прощай пока!

г. Орел, ул. Болховская. Открытка конца XIX в.

14 марта.

Дорогой мой! Сажусь сейчас писать тебе и думаю: как хорошо, что есть у меня человек, с которым можно поговорить, с которым хочется всегда поговорить, и который сам снисходительно прочитает мои письма, иногда писанные под влиянием минуты, иногда наполненные почти детской болтовней. Пишешь ты, что чувствуешь, что я в своих письмах посылаю частичку души своей. Да я и сама теперь все яснее чувствую, как все глубже и глубже привязываюсь к тебе, как все ближе и ближе становишься ты мне, как мои мысли постепенно сходятся все к одному и тому же предмету и какое одностороннее направление получают. Теперь о чем бы я не стала думать, все сходится к одному центру, все рассматривается и чувствуется по отношению только к одному чувству. Не для того только, чтобы утешить тебя, писала я, что счастлива твоей любовью, а потому, что это действительно так: теперь это

служит содержанием моей внутренней жизни. Случаются иногда минуты, когда находишься среди людей, с которыми не имеешь ничего общего, иногда же возмущаешься за что-нибудь против них, и почувствуешь себя одинокой, но сейчас же скажешь себе: нет, есть человек, который дает мне право не считать себя одинокой, у которого я могу найти поддержку, когда буду в ней нуждаться. Правда, далеко он! Но неужели не чувствует он, как точно нити какие привязывают меня к нему, неужели не поймет этого? Нет, быть этого не может. И тогда так легко станет на душе, снова возвращается бодрость, энергия, уверенность в себе. Посмотришь на этих людей и усмехнешься про себе думая: «нет мне до вас никакого дела, ни на что все мне не нужны, мне и без вас хорошо». Дурно, эгоистично, не правда ли? Ведь ты строг к другим, следовательно будешь таким и ко мне. Но кончу пока.

15 марта.

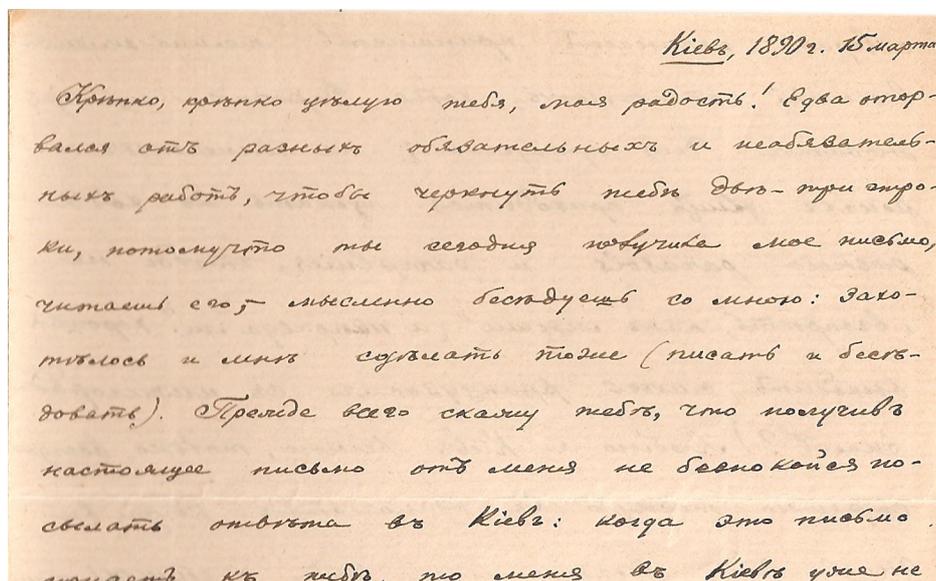
Не могу удержаться, чтобы не начать говорить про погоду. Дурной признак, когда люди начинают говорить про погоду: это значит, что им нечего сказать друг другу, или у них есть такой предмет для разговора, которого они желают избежать, и чтобы разговор не навелся на этот предмет, начинают говорить о погоде. Но в данном случае, надеюсь, что ты согласишься со мною, мой милый, это не так: невольно начинаешь говорить про погоду, потому что она представляет новое явление. В нашем саду уже просохло и я сегодня пробыла там довольно долго, даже земли взяла для комнатных цветов, а потом гуляла вечером, и возвратилась с гулянья, просидела со своей родственницей несколько времени на лавочке, что стоит недалеко от моего дома, над горкой, и любовалась оттуда видом, который при свете луны казался особенно привлекательным. (Очень жаль будет, если к Пасхе погода изменится, мне бы хотелось, чтобы она осталась такою же: тогда можно будет больше гулять). Пришла домой, попыталась взять работу, дв.бр. [двоюродный брат] начал было читать, как получила твое письмо, которое и ждала сегодня. Теперь до страстной недели я успею получить от тебя только одно письмо, поэтому, прежде всего хочу узнать наиболее интересное для меня, а именно, приедешь ли ты на Пасху? Я уже писала тебе, что жду тебя, ждут тебя и Папа с Мамой. Ты ничего не пишешь на этот счет, напиши же в следующем письме. Пишешь ты, что есть у тебя ко мне важный вопрос, – какой это? Если не хочешь писать, то еще лучше, если скажешь это при свидании. Что это за важный вопрос? Я думаю и не могу придумать. Между прочим, я не догадалась (вообще в последнее время я стала такая недогадливая), на какой вопрос я не дала тебе ответа. Разъяснишь и это при свидании, на которое я очень надеюсь. Ты пишешь, что под влиянием чтения настроился мрачно: я этого сочинения не читала, да и вообще почти ничего Крестовского не читала. Мы все это время читаем Щедрина, и я под влиянием этого чтения настраиваюсь на особый лад. Сама же одна я теперь ничего не читаю, и боюсь, что до того дойду, что понимать ничего не стану. Да! Зоря пишет, что в Московском университете опять идут беспорядки; только что он приехал, как начались эти беспорядки. Как бы опять университет не закрыли. Он написал пока ну очень немного, но обещает написать еще. Ждали от него сегодня письмо, но не получили, хотя бы он завтра приехал. Что написать тебе еще? Папа чувствует себя хорошо, что очень важно. На некоторые места твоего письма ничего пока не отвечу, а тем более, если увидимся на Пасхе, то можно будет много

поговорить. Между прочим, если приедешь, то напиши, когда приедешь к нам: я буду тебя ждать. Папа, Мама и Шурочка шлют тебе поклон, и они благодарят тебя за маленькую записочку. Кстати, я с удивлением посмотрела на третий листок твоего письма, думая, уж не древним ли уставом начал ты писать? Но Шура разъяснила мое недоумение, сказав, что ты левою рукой писал. Ах, бедный! До чего ты дописался: даже одной правой руки недостаточно. С удовольствием бы, если бы можно было, дала тебе на помощь мою правую руку: мне, сравнительно с тобой, мало приходится писать, теперь и у Папы мои секретарские обязанности заменил дв. брат. Прощай, мой хороший! Желаю тебе всего хорошего. Твоя В.

Письмо № 15 Аф. Ив. Булгакова к В. М. Покровской. 15-19 марта 1890 года.

Киев – Карачев

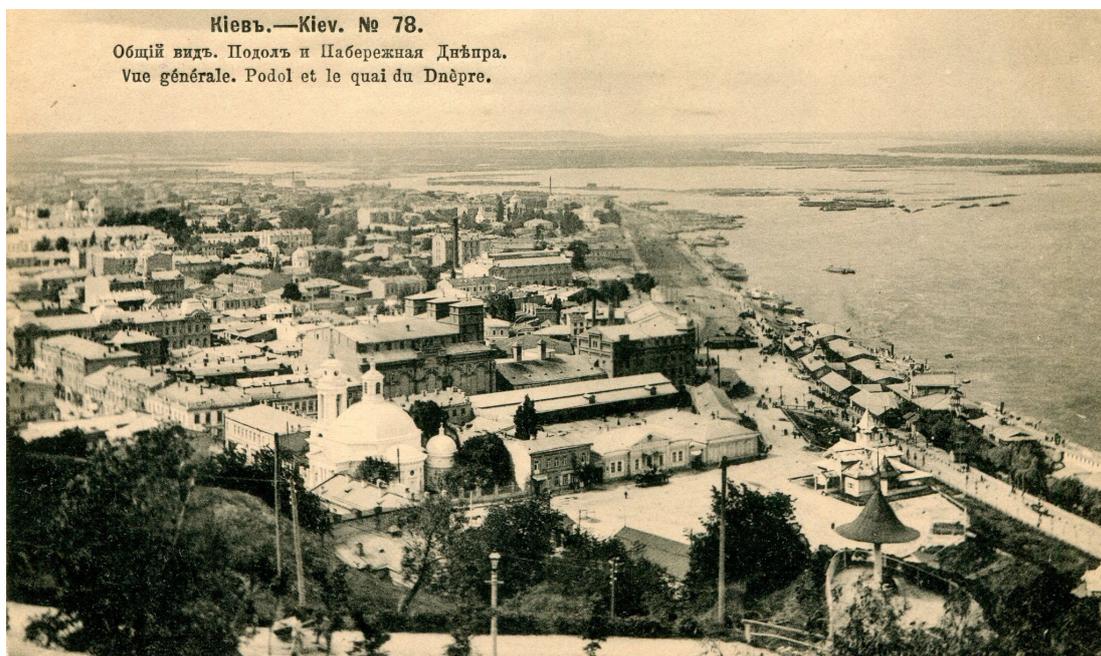
8 стр. на бумаге палевого цвета. Не публиковалось.

Крепко, крепко целую тебя, моя радость! Едва оторвался от разных обязательных и необязательных работ, чтобы черкнуть тебе две-три строки, потому что ты сегодня получила мое письмо, читаешь его, - мысленно беседуешь со мною: захотелось и мне сделать тоже (писать и беседовать).

Прежде всего скажу тебе, что, получив настоящее письмо от меня, не беспокойся посылать ответа в Киев: когда это письмо придет к тебе, то меня в Киеве уже не будет. Где я буду тогда, я еще не знаю. Знаю только, что дела заставят меня выехать отсюда. Все подробности потом и опишу тебе. А теперь вот что буду писать. У нас так тепло, что приходится ходить в том костюме, который я обыкновенно ношу летом. А что же будет летом? Я прихожу в ужас, когда приходится отвечать на этот вопрос. Днепр вскрылся, некоторые дни шел лед, а теперь только изредка плывут льдины, среди которых уже и теперь началось шныряние маленьких пароводиков, барж, лодок и тому подобных орудий плавания по водам. Трава в садах и городских скверах начинает принимать темно-зеленый весенний оттенок, хотя дорожки еще грязноваты для прогулок; на солнечных сторонах улиц приходится пускаться в ход

разные parasols и parapluies, чтобы не «взопреть, как мыши» (а не правда ли? Хорошая выходит «смесь французского с нижегородским»?). Люблю я Киев весною, только всегда страшно тоскую в одиночестве, когда видишь всюду веселые лица, всюду слышишь оживленный говор и чувствуешь, что никуда-то ты не можешь главы приклонить; что вся эта смеющаяся, гомонящая толпа чужда тебе и не имеет до тебя никакого дела. Уйти хочется куда-нибудь; но куда? Она всюду тебя настигнет. Скроешься в комнату, и туда сквозь окно проскользнет радостный луч весеннего солнышка, а в открытую форточку влетит звук того же веселого смеха и говора, который так характерно звучит весною и ни в какое время больше. А ты сидишь и пред глазами мелькают строки, буквы, цифры, часто не оставляя в голове никакого впечатления..... Скверно тогда на душе бывает, особенно у того, кто впереди не видит исхода своему тоскливому житью-бытью. Пишу тебе об этом с собственного опыта; впрочем, не подумай, что и теперь я в таком же состоянии.

г. Киев, Подол. Открытка конца XIX в.

Нет! Так было прежде, когда я был студентом, когда жил в Новочеркасске и первые годы в Киеве, а теперь.... теперь я счастлив, хотя и не вполне, потому что.... ты знаешь, чего мне недостает для полноты этого счастья. Прощай, желаю покойной ночи.....

19 - го марта. Три дня, - ровнехоньким счетом, - не брался за перо, моя дорогая голубка, чтобы писать тебе. Какая этому причина? А вот она: не было возможности сидеть дома. 16-го с 10 часов утра до 2 пробыл в библиотеке, утомился порядочно, а вечером хотелось почитать тех газет, из которых я знакомлюсь с заграничною религиозною жизнью, и которые мне дают материал для моих статей, которые я теперь приготавливаю к печати. Провозился довольно таки долго. 17-го утром также работа, а в 12 отправился к редактору-профессору, с которым около часу просидел у него, а потом вместе провели время у мужа пиковой дамы: он именинник в этот день. Я рассчитывал, что мы не застанем его дома и отделаемся тем, что всунем в отведенное для этого помещение карточки; оказалось, что столкнулись с ним на улице

у ворот его дома, - тоже до 2 часов. Вечером – во всеобщей и в доме одного знакомого профессора, у которого со мной общие дела по библиотеке. 18-го утром в церкви, а вечером в заседании исторического общества в университете до 9-ти часов, а после у знакомого священника на крестинах (по особому приглашению). 19-гоно это сегодня, - день получения твоего письма! Получил его, и очень тебе благодарен за отклик на мое сердечное слово в прошлом письме. Я утром окончил работу одну. Перечитавши так остался ею недоволен, что просто хотел разорвать. Вот это чувство недовольства и теперь лежит на мне гнетом, и теперь сдавливает свободу движения руки и свободу душевной речи, которою должна быть переписка с тобою. Это самая скверная сторона моих занятий: я только тогда успокаиваюсь, когда услышу отзыв о своей работе от других. Ужели так будет всегда? Я жду и надеюсь, что нет. Дело в том, что работа только тогда кажется хорошею, когда в нее можно вложить все думы; а это-то и невозможно в моем теперешнем состоянии. Нет! Не могу больше писать! Я должен был бы сейчас быть в Академии, где с 6 ½ часов назначено заседание Археологического общества и туда идти не могу. Да мне там и делать то почти нечего: моя наука так мало относится к археологии, что я числюсь членом общества только потому, что был выбран, когда читал Древнюю историю..... Тебя может поразить неровность моего настроения, которое так заметно сказывается в моих письмах. Да! Оно очень неровно. Отчего? На этот вопрос ты после получишь ответ. Когда? Я сам не знаю. Ты получишь ответ тогда, когда сама задашь мне этот вопрос. На бумаге я могу написать тебе только, что теперь я переживаю ужасное время (sic = так!) Почему оно ужасно, я написать не могу, но дам тебе ответ на этот вопрос, когда ты сама мне его предложишь. Посмотрю, предложишь или нет! Когда ты получишь это письмо, я буду или в Орле, или на пути в Орел, еду я туда, как мне кажется, не потому, что я там нужен; нет! Я еду потому, что я должен знать, что там делается. А этого ни наши домашние, ни ты сообщить мне не могут: Вы (ты и они) живете внешнею, а оценку этой жизни я предоставляю себе, (да, если хочешь, - посвящу и тебя; но только не на бумаге). Я приеду к тебе, моя голубка! Я не могу не приехать, хотя твоя Мама (она и моя!) уже раньше назвала это глупостью. Пусть так! Пусть мой приезд будет глупостью: я все-таки постараюсь приехать. Но моя Мама и сестра Оля (всякого страдавшего или страдающего я имею право называть братом и сестрой), - она же твоя родная сестра, - были правы в моем отношении, что признавали мою разлуку с тобою мукой и для меня, и для тебя. Не знаю, как тебе, а для меня это настоящий ад со всеми его ужасами. Да ты не воображай, что я говорю это для красного словца, вычитавши из какого-нибудь романа. Я говорю самую настоящую, чистую, неподдельную правду. Ты, может быть, не веришь, в существование ада не веришь и в те страшные пытки, которые выносит помещенный в нем. Я тебе скажу, что, - мне кажется, - ад и рай действительно существуют, и существуют недалеко от нас. Они внутри нас! Почему внутри меня теперь ад, я на это не могу ответить на бумаге и притом после получения твоего письма, которое дышит такою радостью и счастьем, что еще больше начинаешь чувствовать силу своих страданий..... Я постараюсь приехать на каникулы Пасхи, если это не составит причины горя для моих родных, а это я могу определить, только повидавшись с ними. Тот вопрос, который меня очень интересовал я уже почти разрешил: мне остается услышать от тебя, правильно я разрешил его или нет? Ты предлагаешь мне свою правую руку для того, чтобы взять часть работы моей правой руки. Спасибо тебе, моя дорогая, моя прелесть! Моя правая

рука очень хорошо действовала и действует. Это ты можешь вывести из того, что я в течение двух последних недель переписал ею около 20-30 листов разных вещей. А когда я буду нуждаться в этом, я не постесняюсь предложить тебе заменить мою руку твоею. Ведь она моя тоже? Да? – А если я начертил несколько строк левою рукою, то не потому, что не мог это сделать правою, а потому, что хотел показать образчик письма своего левшей.

Целую крепко тебя. Весь твой Афанасий.

Дописано по краю страницы:

Письмом не смущайся: я с ним послал тебе частичку души своей. Не отвечай, жди другого!

г. Орел. Открытка конца XIX в.

Письмо № 16 (открытое письмо) Аф. Ив. Булгакова к В. М. Покровской.
Вокзал – Орел. 23 марта 1890 г.

Многоуважаемая Варвара Михайловна!

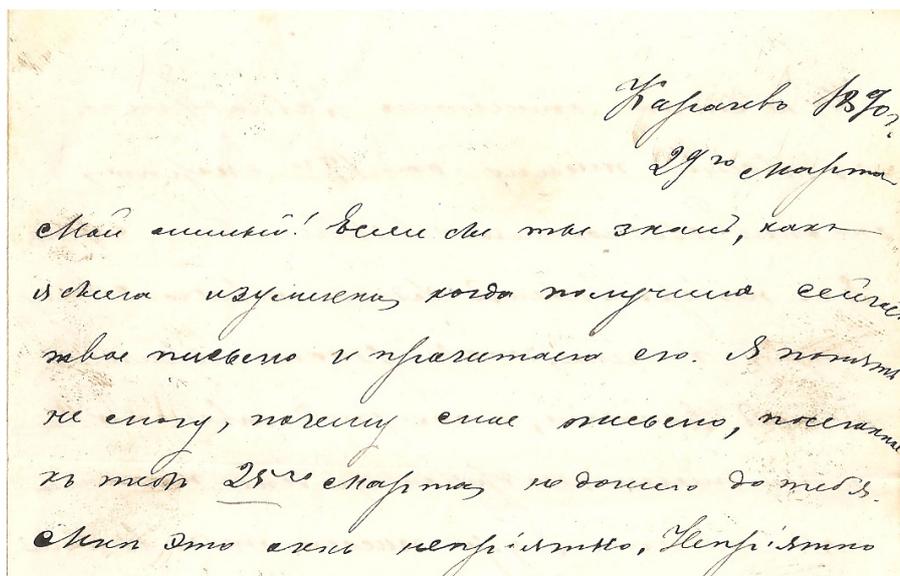
До Орла добрался благополучно, где и буду существовать на следующей неделе.

Шлю всем поклоны; желаю здоровья.

Напишите по известному Вам адресу.

АБ¹⁴

Письмо № 6 В. М. Покровской к жениху Аф. Ив. Булгакову. 29 марта 1890 г.
Из Карачева в Орел.¹⁵

29-го марта.

Мой милый! Если бы ты знал, как я была изумлена, когда получила сейчас твое письмо и прочитала его. Я понять не могу, почему же письмо, написанное к тебе 25 марта, не дошло до тебя. Мне это очень неприятно. Неприятно и потому, что письмо мое пропало, и потому, что это доставило тебе беспокойство. Ведь наверно ты в душе своей не один упрек послал мне за мое молчание. А я между тем была в полной уверенности, что ты получил мое письмо, и в свою очередь ждала твоего и решила, что ты счел лишним писать, надеясь на скорое свидание. Ты предположил, что хозяйственные заботы могли помешать, мне написать тебе; в таком случае ты несправедлив ко мне.

Я не смогла отнестись равнодушно к твоему письму от 19 марта; оно очень обеспокоило и взволновало меня. Я с нетерпением ждала твоего следующего письма, чтобы узнать причину твоих волнений; и получив твое открытое письмо, на другой же день послала тебе письмо. Я уже писала тебе в том письме, как бы я хотела знать причину твоего настроения, выразившегося в письме 19-го марта, хотела бы знать про какие дела, беспокоящие тебя, ты пишешь? Эти вопросы и теперь беспокоят меня, и я жду, не дожусь свидания с тобой. Жалею тебя, голубчик мой, что ты пережил

¹⁴ Письмо-ответ ВМП от 25 марта 1890 г. пропало.

¹⁵ Письмо не публиковалось

неприятные дни в ожидании моего ответа, вследствие каких причин, не знаю, к тебе не попавшего. То письмо я дала опустить Ване, и он сам опустил его. Мы все сегодня не можем объяснить, почему ты не получил его. Ну, не сердись теперь на меня и взгляни веселее. Пришла сейчас от «стояния», только что, комфортабельно расположившись в кресле, желая отдохнуть (я устала порядочно сегодня), как Папа привез твое письмо. «Наконец-то» подумала, в полной уверенности, что это ответ на мое письмо, и вдруг! Сейчас же взяла перо, чтобы писать тебе, и по возможности успокоить твои волнения: ведь я не такая бессердечная, как, может быть, тебе кажется. Теперь за тобой очередь успокоить меня, а это ты сможешь сделать тогда, когда расскажешь причину твоего настроения нервного и невеселого за последнее время. Как бы я рада была, если бы ты приехал накануне Пасхи! У меня это уже обратилось в уверенность по получении твоего письма от 19 го, где ты пишешь, что приедешь на Пасху. Мне ужасно не хотелось бы отказаться от этой мысли. Я надеюсь на доброту твоей Мамы, которая даст эту возможность. А впрочем, я не хочу быть большею эгоисткой и представляю это на твое суждение. Да это, положим, много будет зависеть от твоего личного желания. Надеюсь на скорое свидание с тобой, поэтому писать много не буду, а тем более, что и не успею. Увидимся, тогда о многом поговорим, как ты и сам пишешь. Посылаю с таким же адресом, как и прошлое письмо; не знаю, попадет ли опять к тебе! Если приедешь на Пасху, то конечно ответить и не успеешь, да и нет необходимости, а если позднее, то напиши о получении этого письма. Приезжай лучше под Пасху. Жаль, что я не могу этого знать наверное. Поклон от меня Папе, Маме, сестрам и братьям. Тебе также поклон от всех. Приезжай! Твоя В.

Письмо № 17 (с конвертом) Аф. Ив. Булгакова к В. М. Покровской. 29 марта 1890 года, вокзал Орёл – Карачев.

На 4 стр., бумага фисташкового цвета. На конверте со штемпелем печати: почтовый вагон.

Ждал, ждал я от тебя письма, голубка моя дорогая, измучился, не зная причины твоего молчания, и решил написать тебе. По приезде в Орел я на вокзале же написал тебе открытое письмо и сам опустил его в почтовый ящик. Я думал, что по получении его ты ответишь мне. Ужели ты его не получила? Я только после уже сообразил, что при моем приезде Миша был еще в Орле: всего лучше было бы повидаться с ним и отправить тебе письмецо при помощи его; я приехал в пятницу на прошедшей неделе и под влиянием радости свидания с выздоровевшим Папою и веселую семью (по поводу выздоровления его) провел первые два дня хорошо. Но скверно начал я чувствовать себя далее. Почему? Расскажу, когда увидимся, - а главным образом потому, что от тебя не имею никаких сведений..... Папа окончательно оправился от болезни и во все солнечные дни выходит на воздух для прогулок. На первый день Пасхи думает служить при помощи того монаха, который теперь служит за него (разумеется, труднейшие части служения он предоставит монаху). Все остальные здоровы, кланяются Вашим домашним и целуют тебя. Я тоже здоров, но скучаю ужасно.

*Орел, 1890 года,
29го марта.*

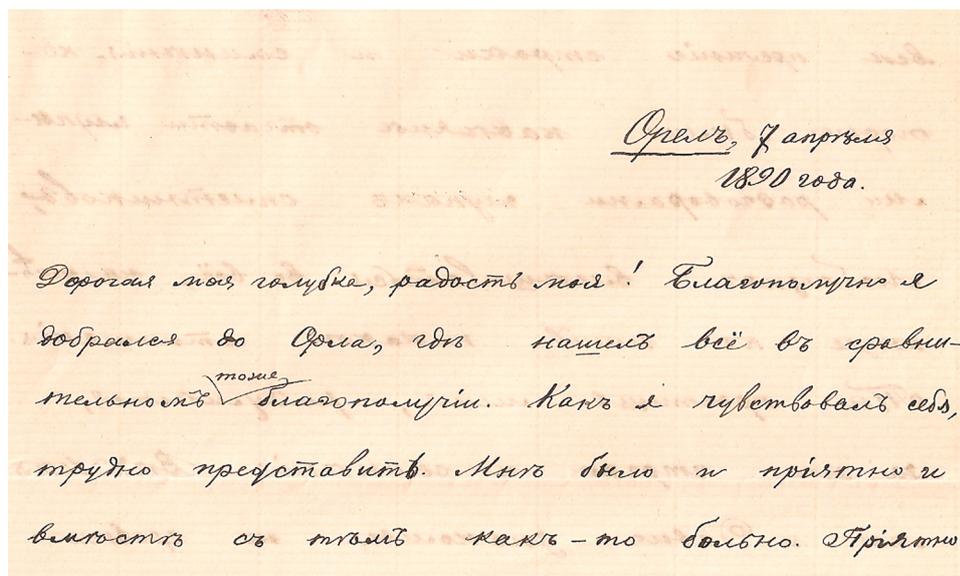
*Жду, жду и от тебя письма,
голубка моя дорогая, измученая, не знаешь
причины твоего молчания и рожу на-
писать тебе. Но приеду в Орел, и
на вокзале же напишу тебе от-*

Думал было окончить одну статью, начатую в Киеве, но не могу почти читать и писать; думал было говеть, - не могу стоять внимательно в церкви. Всё потому, что от тебя ничего не получил до сего времени. Здорова ли ты? или ты, может быть, занята домашними мелкими делами, которые обыкновенно предшествуют великим праздникам? Как бы то ни было, я чувствую себя очень нехорошо. Думал было приехать к тебе в Великую Субботу, но кажется, что родным хочется, чтобы я провел пасхальную ночь дома. Впрочем, они видят, что я очень скучаю и соглашаются (Папа и Мама) отпустить меня к тебе. Если не сегодня, ни завтра не получу от тебя письма, то приеду ночью с пятницы на субботу, т.е. утром в субботу. Если же получу письмо, то приеду вечером в первый день Пасхи, хотя мне очень хотелось бы провести пасхальную ночь с тобою, моя радость. Прощай пока! Крепко целую тебя. До скорого свидания, во время которого нам нужно о многом, многом переговорить. Любящий тебя, весь твой А. Поклонись от меня всем.

Письмо № 18 Аф. Ив. Булгакова к В. М. Покровской. 7 апреля 1890 г. Орел-Карачев. На 4 стр, бумага фисташкового цвета. Написано после свидания на Пасху.

Дорогая моя голубка, радость моя! Благополучно я добрался до Орла, где нашел все в сравнительном тоже благополучии. Как я чувствовал себя, трудно представить. Мне было и приятно и вместе с тем как-то больно. Приятно было переживать воспоминаниями дни, проведенные с тобой, больно было потому, что надолго придется расстаться с тобою. Ты спрашивала: буду ли я о тебе думать; теперь могу тебе сказать, что я все время думал непрерывно о тебе и о всем, переговоренном с тобою. Думаю и теперь, буду думать и дальше. Теперь направление моих мыслей в отношении к тебе стало несколько не такое, каким было раньше. Безграничная вера в тебя заменила мне все прежние страхи и сомнения, которые были навеяны отчасти глупыми разговорами глупых сплетников, любящих вмешиваться во все, не имеющее к ним никакого отношения. Ты простишь меня, - разумеется, - за эти страхи и сомнения. Вот хотя мы и давно знакомы, но сравнительно мало знаем друг друга, и

сближаясь, - естественно, - должны были обнаружить некоторую недоверчивость друг к другу.

Эта недоверчивость высказывалась и с моей и с твоей стороны. Отчасти же упомянутые страхи и сомнения были навеяны на меня тем, что мои ласки всегда вызывают на твоём лице страдальческое, (впрочем это сильно, вернее сказать): смущенное выражение лица, как будто какой-то страх. Теперь мне кажется все так естественно, что я совершенно спокойно буду ждать того времени, когда наша жизнь потечет вместе, когда станет идти рука-об-руку с тобою. От души желаю, чтобы и ты пришла к тому же радостно-спокойному состоянию духа, которое даст возможность оставшееся время разлуки дожить тебе без горя и страданий, без скуки в надежде на невозмутимое счастье, которое, - я в это непоколебимо верю, - начнется для нас с того времени, как мы станем жить вместе. Ты хочешь, чтобы я любил тебя душою. Мне кажется, что никому никогда я не отдавал своей души так полно и так всецело, как тебе. Я говорил тебе, что поддался, было, кокетству одной девицы в запрошлом году. Но скажу тебе, что она никогда не могла вполне изгнать из моей души памяти о тебе, - верь мне в этом безусловно. А теперь твой образ замещает все мое внутреннее существо: теперь в душе моей нет места никому... Прощай пока! Твои поклоны и поцелуи передал. Тебе тоже кланяются и целуют. Целую тебя крепко, крепко. Ответ пиши прямо в Киев: если ты пошлешь письмо завтра (опустишь завтра вечером в ящик), то из Киева получишь письмо в субботу. Весь твой А.

P.S. Шлю поклоны и поцелуи всем домашним.

Конверт несохранившегося письма А. И. Булгакова к В. М. Покровской. Штемпели на конверте с датами 13 и 14 апреля 1890 года. На сургуче личная печать А. И. Булгакова

Письмо № 19 (открытое письмо). Аф. Ив. Булгакова к В. М. Покровской.
9 апреля 1890.

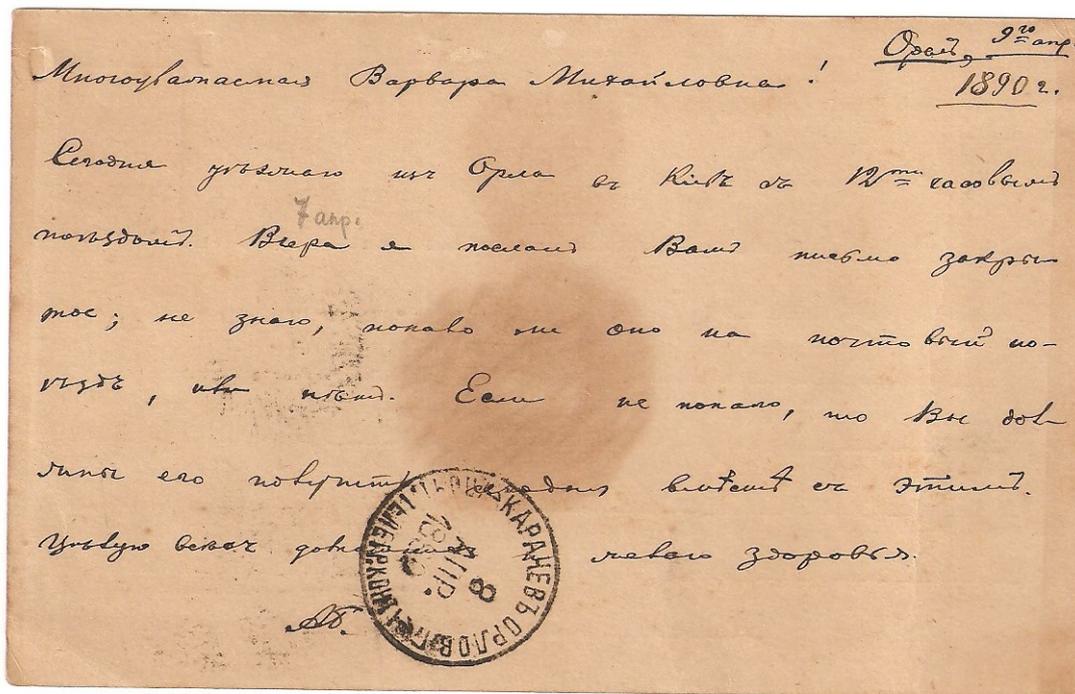
На почтовых штемпелях стоит дата: 8 апреля (в комментарии Надежды Булгаковой-Земской сказано: «ошибся в числе»).

В Карачев (Орл. Губ.)
Ея Высокородию
Варваре Михайловне Покровской
Дом о. Протоиерея Покровского

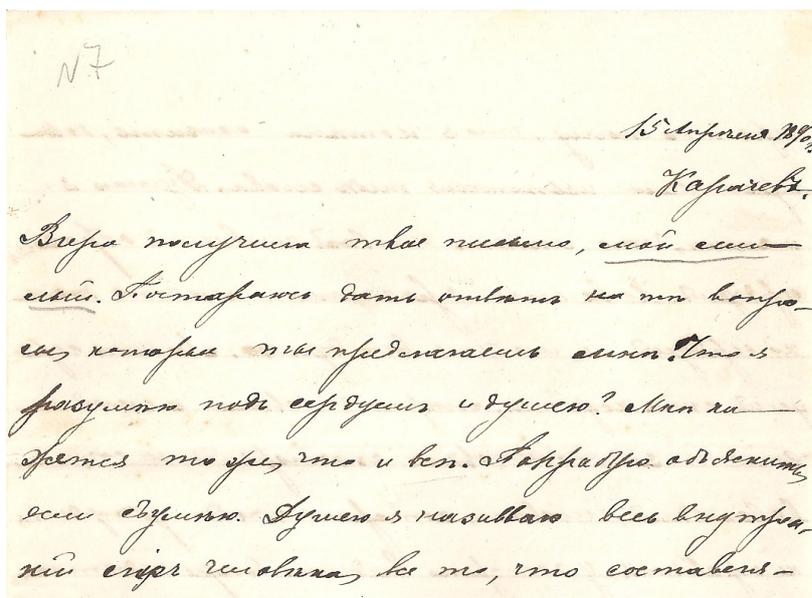
Многоуважаемая Варвара Михайловна! Сегодня уезжаю из Орла в Киев с 12-ти часовым поездом. Вчера я послал Вам письмо закрытое; но не знаю, попало ли оно на

почтовый поезд, или нет. Если не попало, то Вы должны его получить сегодня, вместе с этим.

Целую всех домашних и желаю здоровья. АБ.

Письмо № 7 В. М. Покровской жениху Аф. Ив. Булгакову.¹⁶ 15 апреля 1890 г.
Из Карачева в Киев
Написано после Пасхи.

¹⁶ Опубликовано в книге Земской Е. А. "Михаил Булгаков и его родные". С. 58-60

15 апреля 1890

Карачев

Вчера получила твое письмо, мой милый. Постараюсь дать ответ на те вопросы, которые ты предлагаешь мне. Что я понимаю под сердцем и душою? Мне кажется то же, что и все. Попробую объяснить, если сумею. Душою я называю весь внутренний мир человека, все то, что составляет его духовную жизнь; а сердце составляет только часть души, только известную сторону этого внутреннего мира. Я не отделяю сердца от души, не дроблю ее, как ты выразился, сердце входит в состав души, я только думаю, что одни сердечные ощущения не составляют всей внутренней жизни человека, что есть еще другие духовные силы кроме сердца, так напр[имер], та высшая сила, которая может взять верх над движениями сердца. Перейду теперь к тому, что я хотела сказать, когда произнесла известные тебе слова. Думаю я и сама, что любит человек главным образом сердцем. Но все-таки я различаю – любить только сердцем или любить всею душою. Любить сердцем, мне кажется, можно человека и сам не знаешь за что, человека, с которым не согласен во взглядах, человека, которого иногда убеждения не нравятся, у которого видишь даже недостатки, и все-таки тянет к нему. Любить человека всей душой значит находить в нем то, что хотел бы видеть в человеке, находить поддержку своим взглядам; только к этому человеку и пойдешь в тяжелые минуты, у него и будешь искать душевной пищи, когда внутри станет ощущаться какая-то душевная пустота. Человек, которого любишь всей душою, будет казаться родным по духу, у него будешь находить отголосок своего внутреннего я, сам поймешь каждое движение его души и будешь надеяться, что и твои душевные движения будут понятны. А любить только сердцем можно человека и не сродного по духу. Сердцем можно влюбиться, увлечься, а душой – полюбить, привязаться. Любовь всею душой включает и любовь сердечную, но она еще сильнее и глубже ее, наполняет всю духовную жизнь. Не знаю, может быть такой любви в жизни и не встречается, ведь я рассуждаю «теоретически». Кажется, ответила на твой вопрос. В твоём письме есть еще одно место, насчет которого хочу поговорить с тобою. На вопрос инспектора: почему наша свадьба отложена так далеко? Ты ответил, что это зависит лишь от меня и моих родных. Я же иначе смотрела на это до получения этого твоего письма. Я думала, что это было сделано с нашего общего согласия, с нашего общего желания (твоего и моего). Ты еще очень давно сказал мне, что она не может быть раньше этих каникул, и что у меня будет много времени на размышление (я тебе тогда еще не дала слова). Потом ты и мне, и маме моей говорил, что тебе свободнее и удобнее будет устроиться в твоей новой жизни во время, свободное от занятий. Я же со своей стороны разделяла это мнение и была довольна отсрочкой, но не потому, чтобы, как ты пишешь, заняться какими-то необыкновенными приготовлениями, а потому, что я хотела воспользоваться этим временем, чтобы поразмышлять хорошенько. Тот шаг, который я собираюсь сделать, казался и кажется мне очень решительным, перед которым можно задуматься. Я старалась проверить себя, способна ли я буду связать свою жизнь с жизнью другого. Отдать себя на всю жизнь другому человеку – это слишком много, и нужно было проверить все свои чувства к этому человеку. Впрочем, это я сейчас так гладко рассуждаю, а в то время у меня внутри трудно было разобраться, и я не могла так спокойно и благоразумно рассуждать. И время сделало то, что я от него хотела, и я привыкла к мысли о перемене своей жизни. И как видишь, я много думала о

внутренней стороне, теперь нужно подумать и о внешней, но на это времени потребуется гораздо меньше. Ты напрасно думаешь, что у нас идут чрезвычайные приготовления, мне сделают только самое необходимое, и ничего лишнего, деньги бросать на вещи бесполезные нет и возможности. Да ты мог заключить и из разговора со мной, что ничего особенного не затевается; да из-за этого и время не стоило оттягивать. И твой взгляд на это был для меня маленькою неожиданностью.

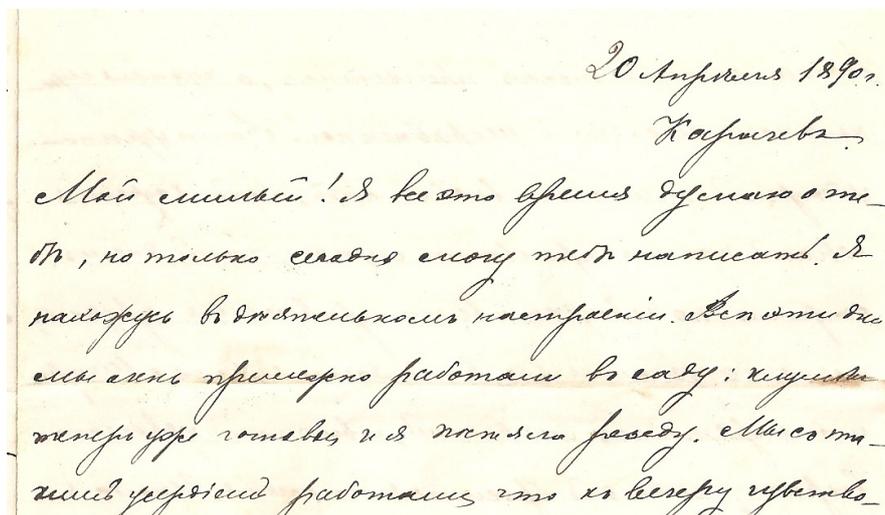

г. Карачев. Открытка конца XIX в.

Про себя много сообщить не могу. Начались опять ежедневные хождения в прогимназию; теперь скоро наступит горячее время. Был уже один совет по поводу расписания экзаменов. У нас все кончится к 5 му июню. Погода стоит прекрасная, и в саду с каждым днем делается все лучше и лучше, кусты и деревья постепенно разворачиваются, а травы уже очень много. Вчера так хорошо в своем саду показалось, что я не пошла гулять, а весь вечер проходила в своем саду. Митроша с Колей занимаются устройством лавочек, а также взялись подрезать и подпиливать сухие ветки и деревья, и я очень боюсь, что Митроша в пылу увлечения не подпилил бы свежие деревья. Но когда я ему самым вкрадчивым тоном заметила это, то получила такой грозный взгляд, что в другой раз не хватит решимости сказать это. Хочу заняться и я цветоводством; к счастью, есть два помощника; у меня уже начинают расти георгины, посаженные пока в комнатах; а в середине мая высажу их в сад. Время проходит незаметно, по крайней мере эта неделя прошла скоро, а дальше время еще скорее пойдет, чувствую себя хорошо, в особенности сегодня. На днях делала ревизию Колиной школы; он давно просил меня зайти к нему в школу, к тому же ее недавно отделали; и вот мы вечером пошли гулять и зашли. Я самым ревизорским оком осмотрела все, и сделала несколько замечаний (впрочем не очень строгих, так как осталась довольна школой), которые он с подобающей почтительностью принял; жаль, что один Митроша был свидетелем моей важности и его почтительности. Он даже мне вышитый раздвижной табурет предложил, чтобы сесть. После этой ревизии мы в самом веселом настроении возвратились. Только лентяй порядочный мой дв. братец хотел разучить из твоих нот «Скоро, скоро месяц ясный» и до сих пор не разучил, а мне там так нравится аккомпанемент. Но довольно о себе. У тебя теперь

также много дела будет, и время будет идти незаметно; я рада, что ты чувствуешь себя спокойным. Папа, Мама и пр. и пр. шлют тебе поклон и благодарят тебя за поклоны. Желая тебе всего хорошего. Прощай, мой дорогой. Твоя В.

Письмо № 8 В. М. Покровской к жениху Аф. Ив. Булгакову¹⁷.
20 апреля 1890 г. из Карачева в Киев.

20 апреля 1890 г.
Карачева
Милый мой! Я все это время думаю о тебе, но только сегодня могу тебе написать. Я нахожусь в деятельном настроении. Все эти дни мы очень прилежно работали в саду: клумбы теперь уже готовы, и я посеяла рассаду. Мы с таким усердием работали, что к вечеру чувствовали себя достаточно уставшими: я с утра в прогимназии, после обеда другим делом займешься, когда спадет жара, провозишься в саду, и уже поздним вечером пойдешь гулять в городской сад или в своем походишь (я больше часто последнее предпочитаю). После ужина только хочу сесть, что-то написать тебе, как Шура с самым негативным выражением лица объявляет, что у нее «задачи не выходят» или перевод с незнакомыми словами. Делать нечего, садишься и, провозившись с нею, ложишься спать, чувствуя приятное утомление, что сейчас же засыпаешь крепким сном.

20 Апреля 1890 г.

Карачев

Милый мой! Я все это время думаю о тебе, но только сегодня могу тебе написать. Я нахожусь в деятельном настроении. Все эти дни мы очень прилежно работали в саду: клумбы теперь уже готовы, и я посеяла рассаду. Мы с таким усердием работали, что к вечеру чувствовали себя достаточно уставшими: я с утра в прогимназии, после обеда другим делом займешься, когда спадет жара, провозишься в саду, и уже поздним вечером пойдешь гулять в городской сад или в своем походишь (я больше часто последнее предпочитаю). После ужина только хочу сесть, что-то написать тебе, как Шура с самым негативным выражением лица объявляет, что у нее «задачи не выходят» или перевод с незнакомыми словами. Делать нечего, садишься и, провозившись с нею, ложишься спать, чувствуя приятное утомление, что сейчас же засыпаешь крепким сном.

Погода стоит такая прелестная, и чудные лунные ночи ни с чем несравненны. После ужина убежишь тихонько в свой сад, и он кажется совсем иным при свете луны, чем днем: бежишь по дорожке и всматриваешься кругом, точно не узнаешь его; вот знаю я, что Митроша спрятался за кустом, и все-таки невольно вскрикну, когда он бросится на меня. Иногда я одна вечером ухожу в сад и сижу на лавочке, любуюсь чудной погодой. Как широко у меня на сердце в эти лунные ночи, хотелось бы, чтобы ты был со мной; хотела бы я, чтобы и ты мне сказал что-нибудь хорошее, хорошее.

¹⁷ Не публиковалось.

Хотела бы положить голову к тебе на плечо и наслаждаться погодой без всякой мысли в голове, без всякого желания. Знаешь, еще чего хотела бы я? Чтобы ты думал, что лежит у тебя на месте сердца, написано бы мое имя, но при этом стерлось бы несколько изречений, которые уступили бы место моему имени. Но неужели у тебя в самом деле там лист бумаги? Нет, должно же быть у тебя сердце, иначе, чем же ты будешь любить меня! А мне так хочется, чтобы ты любил меня, но любил бы крепко, крепко! Но довольно, а то я могу сегодня наговорить еще много.

22. Нужно рассказать тебе, как я получила твое письмо вчера, мой дорогой! Вчера мы были приглашены на одни торжественные именины. Я ждала твоего письма и хотела получить его, а потом отправиться туда, куда между прочим шла, скрепя сердце. Но как я ни старалась протянуть время, все-таки пришлось отправиться, не получив твоего письма. Но к моему счастью дорогой встретились с почтальоном. Я приказала кучеру остановиться, позвала почтальона, и спросила про заказное письмо, которое должна была получить от Коли (хороший предлог перед мамой остановить почтальона), но, конечно, при этом получила и твое письмо, которое должна была держать целых шесть часов в кармане, не имея возможности прочитать его. На именинах мы пробыли до трех часов. Было ни скучно, ни весело; а за ужином хозяйка дома – именинница заставила меня выпить вина, буквально насильно заставила: взяла рюмку и вылила мне ее в рот, после того, как я уже одну выпила самостоятельно. В результате получилось, что я встала из-за стола с странным ощущением в голове; но погода была такая очаровательная, когда мы возвращались домой; утро собиралось сменить ночь, но луна еще светила, и только стук экипажа, в котором мы ехали, раздавался среди тишины. Как приехала, так поспешила прочитать твое письмо, и уже потом легла спать с грустной мыслью, что на другой день надо отправиться в прогимназию к обедне. Сегодня я спала не больше четырех часов; в обедне стояла рассеянна и перебирала в голове твое письмо. После обедни зашла с другой учительницей в городской сад, где встретила Евгению Ивановну, которую мне нужно было видеть. Поговорила с ней, о чем нужно, и мы уже собирались идти домой, как к нам подошел доктор, который лечит Папу, и начал просить остаться несколько, уверяя, что он умрет от скуки, если останется один. Не желая брать на себя такого греха, осталась, а тем более он – хороший собеседник, в саду – рай земной, и мне было лень подняться с места. Поболтали довольно весело и отправились домой; но я зашла еще к Евг. Ив. И пришла домой только как раз к обеду. А после обеда пишу тебе. Отвечаю тебе на твой вопрос¹⁸. Слова «Mitto bibi navem, progra puppique carentem»¹⁹ есть ничто иное, как каламбур: если слово «navem» лишить носа и кормы, то есть первой и последней буквы, то останется слово ave – прощай. Этот каламбур мне сообщил Миша (ведь я ничего не помню по латыни), а он мне очень нравился; когда я писала тебе то письмо, Миша пришел ко мне прощаться, и узнав, что я пишу тебе, просил написать это в конце письма, что я и сделала; следовательно все эти слова означают одно слово «прощай». Теперь насчет практических вопросов, которые ты предлагаешь мне. Прежде всего, хочу сказать тебе, что в отношении квартиры я не желаю выражать тебе никаких претензий, требований и желаний, и могу сказать одно,

¹⁸ Письмо Аф. Ив. Булгакова, в котором задан вопрос, не сохранилось.

¹⁹ Набор слов: я выпил, отправка корабля, корма судна, переговоры (лат.).

что полагаюсь в этом совершенно на тебя. Какую ты выберешь, такая будет хороша, а тем больше, что я могу сказать за глаза; на счет цены ты также больше меня знаешь, так как знаешь, дорога ли жизнь в Киеве. Мне кажется, что 360 р. пожалуй, дорого сравнительно со всем доходом, и очень можно нанять дешевле. Да вообще ты не очень хлопочи со всем этим; если тебе кажется неудобным нанимать заранее, то можно приехать и в гостиницу, это ты можешь сделать по своему усмотрению. Сегодня я в особенности не расположена решать всякие практические вопросы... Ну, братцы возвратились из монастыря, что за семь верст от Карачева, куда они отправились сегодня рано утром. Митроша очень просил меня пойти с ними, но конечно с одним ним я идти не могла, и только Митроша мог предположить это. Да я и не пойду теперь, потому что обещала тебе идти с тобой и поэтому подожду тебя. Как жаль, что ты приедешь сравнительно поздно, и лучшее время уже пройдет; а то теперь очень хорошо предпринимать прогулки за город. Меня сегодня уже приглашали участвовать в этой прогулке, но я отказалась. Впрочем, за это время постараюсь непременно побыть за городом, потому что летом уже не будет так жарко. А когда ты приедешь, мы тогда побудем в нашей роще, почти единственной в окрестностях Карачева. Как в этом отношении хорош Брянск, и мне вспомнились наши прогулки там, и в особенности одна, полная тропических приключений (не знаю, рассказывала ли тебе про нее, Иван Игнатьевич повредил себе ногу там), и которая очень памятна нам всем. Как хорош был тот день, как хороша была местность!... Деревья начинают цвести, и скоро наступит лучшее время: у меня уже букеты черемухи в комнате. В Киеве наверно еще теплее, чем у нас. А ты занимаешься практическими заботами. Но не очень занимайся всеми этими хлопотами, а то твоя голова, занятая всякими соображениями, не даст тебе возможности пережить хорошие минуты под влиянием весны. А я ожила совсем весною. Но довольно. Если что не успела написать, напишу потом. Папа, Мама и все благодарят за поклон и шлют тебе свои поклоны. Желаю тебе всего хорошего. Твоя В.

Письмо № 20 (с конвертом) Аф. Ив. Булгакова к В. М. Покровской.

22 апреля 1890 г. Киев - Карачев.

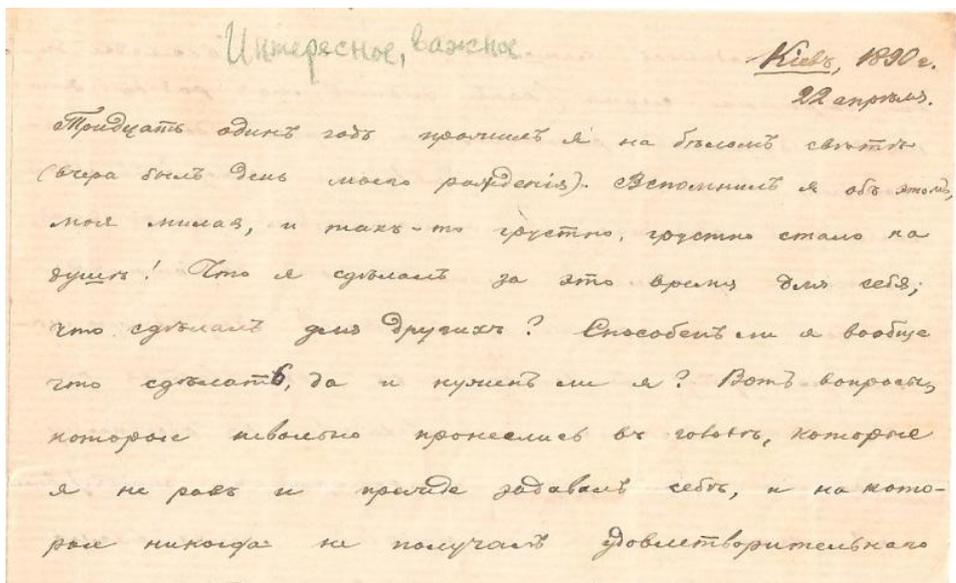
Сверху над текстом зеленым карандашом Н. Булгакова-Земская наисала:

“Интересное, важное”. На сургуче сохранилась личная печать: “АБ”.

Тридцать один год прожил я на белом свете (вчера был день моего рождения)... Вспомнил я об этом, моя милая, и как-то грустно, грустно стало на душе! Что я сделал за это время для себя; что для других? Способен ли я вообще что сделать, да и нужен ли я? Вот вопросы, которые невольно пронеслись в голове, которые я не раз задавал себе, и на которые никогда не получал удовлетворительного ответа. Другим я боялся задавать эти вопросы, потому что в тех кружках подобного рода вопросы решаются легко или как-то молчаливо обходятся мимо.²⁰ Всякому думается, всякому кажется, что он живет, как следует, делает, что нужно. Это видно из того, с каким наглым

²⁰ Этот отрывок опубликован в кн: Е. А. Земская “Михаил Булгаков и его родные. Семейный портрет”. М. 2004. С 45. То, что из содержания письма выходит другая дата рождения Аф. Ив. Булгакова (21 апреля) осталось без комментария. Возможно, в письме указана дата крещения, что очень важно для верующего. Эта же дата рождения указана в письме Аф. Ив. Булгакова к С. А. Венгеру 1 декабря 1891 года. В Некрологе и на могиле отца писателя указана дата: 17 апреля 1859 г.

иногда нахальством человек тот или другой требует себе «должного», отстаивает «свои права». Мне всегда казалось, что никто мне ничего не «должен», что я не имею никаких прав, на основании которых я мог чего-нибудь себе требовать. Когда если не прямо, то косвенно приходилось говорить по этому поводу с другими, то нередко приходилось слышать, что мои взгляды дики, странны, глупы (как видишь, моя радость, эпитеты давались разнообразны: первый давали товарищи, второй – люди, боявшиеся оскорбить меня сильным выражением относительно моих дум, третий – приходилось слышать от домашних; но все три эпитета имеют одну общую мыслимую черту: во всех них оказывается то, что мои взгляды не подходили к обычному воззрению той среды, в которой я жил). Впрочем, как и когда ни называли моих взглядов, ни одного раза не было, чтобы кто-нибудь и когда-нибудь доказал мне их глупость, а потому я так при них и остался. Старался, - разумеется, - проводить их и в «своей собственной» жизни. Один, среди постоянно меняющегося общества, или среды, я мог делать это, хотя и с некоторого рода затруднениями, потому что общество или среда отражается в человеке, наносит ему удары, и отражает удары, которые от него получает. Те и другие удары бывают чувствительны, иногда даже очень чувствительны. Но я переносил их: «я свободен, независим», - говорил я себе, - и нет никому до меня дела». Поэтому и мне ни до кого дела! Какой эгоизм! Можно подумать, что злой дух вселился в тебя. И что же? Я по временам как будто и ощущал в себе этого злого духа, который побуждает меня к упорной борьбе против всякого живого проявления общественной жизни. Видя веселье, я говорил: «Что ж веселитесь; вам хорошо! Посмотрю потом, как вы перенесете слезы». Видя слезы, я хотел, чтобы их видели все, особенно видели те, которые слез никогда не знали; я хотел, чтобы эти последние сами пережили их. Зачем, к чему, почему? Откуда такое демоническое настроение духа? Кто его привил мне? Или оно, может быть, родилось со мною? Не знаю, не знаю и не знаю! Хорошо ли я делаю, - на этот вопрос мне казалось, я мог ответить, что хорошо: моя совесть ни одного раза не послала мне упрека. Что же? Разве она спит? Нет! Она иногда меня сильно терзает, именно тогда, когда я сам увлекусь, забудусь на время в весельи. Значит, она подсказывает мне, что хорошо не то, что я буду согласен жить, как живется, а то, что нужно создать «свою собственную жизнь». Каков же был результат всего этого? Обыкновенно тот, что меня называют непрактичным (т.е. неловким в жизни, недейтельным в том смысле, в каком деятельны все). Обыкновенно говорилось, что я не умею жить, что я не умею устраивать свои дела. Указывают на личные достоинства, которых, по моему мнению, у меня нет, и говорят, что я унижаю их. Так ли это? Я лично никогда не чувствовал себя ниже своих достоинств. Если когда-нибудь мои расчеты («личные» мои расчёты, это нужно иметь в виду, потому что я всегда жил только личною жизнью) не оправдывались, если награда за что-нибудь, сделанное мною не отвечала моему желанию; то я никогда ни на кого не жаловался, кроме как на самого себя и притом самому себе: я всегда говорил, что сделал, значит мало, а потому так низко оценено и дело мое.

Фрагмент письма А. Булгакова 22 апреля 1890 г. с автографом Н. Булгаковой-Земской

И пока я был доволен собою. Начинается новая жизнь, жизнь с тобою! Мне кажется, что в тебе я найду отголосок своим взглядам, тогда мы вдвоем будем жить так, как я жил «один». Но что если мы не сойдемся с тобою в этом самом существенном пункте моей жизни?! На этот грустный вопрос я натолкнулся сегодня, стоя в церкви. Плохо слышал я чтение и пение за толкотнею народа по железному полу Софийского собора, и мысль переносилась к тебе, к устройству нашей будущей жизни, к квартире. Я думал, сумею ли я угодить тебе в этом отношении и буду ли я в силах создать твоё материальное благополучие. Мимо меня проходили разодетые дамы, франтовски одетые кавалеры, и я сам самому себе показался таким серым, невзрачным по сравнению с ними. Мне показалось, что глядя на этих господ, ты будешь стыдиться меня видеть рядом с собою, а может быть, станешь стыдиться и себя показать в этой же среде. Горько, грустно стало: я поспешил уйти из церкви, и дорогою невольно вспомнил слова: «Неженатый заботиться о господних, как угодить Господу; а женатый – о мирском, как угодить жене». А что же тогда Господь? Разве его нужно бросать? У каждого есть свой внутренний мир, есть свой Господь, своя вера (должны быть они одни для всех, а на самом деле у каждого свой Господь, своя вера, свой мир). Ужели тогда придется бросать свой мир и вступить в новый, - бросить своего Господа и заменить его Господом жены, или женою (если у нее нет этого Господа), - отказаться от своей веры и принять чужую? Ведь это будет равносильно убийству самого себя, или нравственному самоубийству! Мой идеал в жизни (а это все равно, что Господь, пусть это не покажется тебе странным!) подсказывает мне, что от жизни я должен *требовать как можно меньше*, что тогда я и буду доволен ею. Мой же идеал не раз подсказывал мне и то, что не слишком ли много я хочу, когда мечтаю тебя иметь подругою жизни: может быть это для меня слишком много? Что, в самом деле, будет, если так, - если твои запросы от жизни будут идти дальше моих. Не знаю, поймешь ли ты всю силу тревоги, которая охватывает меня при этом. Холод разливается по жилам, - и я в отчаянии не знаю, что тогда я буду делать. Ты, конечно, поймешь мое настроение, ты услышишь мой вздох, если среда, общество не возьмут над тобою верх и не заглушат моих слов. А если заглушат, если не поймешь?..... Ты много раз спрашивала меня, какие причины заставляют меня делать то выражение

лица, которое тебе так не нравится. Вот эти причины именно! Они-то заставляли меня так горевать в те моменты, когда я раздумывал, что я могу дать тебе, и когда приходило на мысль, что для меня невозможно. И теперь вот вновь повторилось то же мрачное настроение. Я не причинен в нем. Я старался переменить свой образ жизни, насколько это возможно сделать, не идя против своей совести. Никогда я так откровенно не высказывался никому постороннему, потому что не рассчитывал, что меня выслушают со вниманием. Ты прочтешь, ты вдумаешься в смысл моих слов и поймешь их: своим я излагал свои мысли не раз, и даже иллюстрировал примерами: но поняла одна сестра Лена. Папе мои взгляды показались слишком идеальными, не практичными (он говорил, что можно так и так сделать, но это «так и так» претило моему личному чувству, моей совести). Мама просто назвала меня дураком (у которого «ветер в голове ходит») и советовала пожить «с их век». Да разве я мало прожил? 31 год! Да еще в самых разнообразных местах. Правда, я говорил, что всюду взгляды мои казались «странными»; но никогда нигде я не слышал, чтобы их кто-нибудь назвал «бесчестными». Только это одно меня и поддерживает..... Прости меня, моя дорогая! Не удержался, высказался. Немного легче стало. Выскажешься другому, всегда легче становится, особенно, если рассчитываешь на сочувствие твоему взгляду. Крепко крепко обнимаю тебя..... Что-то ты подумаешь обо мне, прочитав то, что я написал. Как бы я хотел быть около тебя теперь, и вместо того, чтобы написать тебе, говорить с тобою! Удобнее можно высказаться, скорее понять, больше объяснить, когда говоришь лицом к лицу, чем переписываешься за несколько сот верст. Мне хотелось бы обнять тебя и посмотреть долго, долго в твои очи после того, как ты прочитаешь мои эти слова. Но что же делать! Приходится ограничиваться тем, что позволяет наше положение..... Сейчас был в университете, на заседании исторического общества. Как там душно, и как пахнет пылью и затхлостью плохо проветриваемого здания, построенного в Николаевские времена; а снаружи кипит, бьет ключом весна, снуют люди, полным светом смотрит месяц с вершины голубого купола²¹! Как тяжело дышится там и как легко здесь! Грудь свободна, недостает только той, кому можно выказать свой восторг. Но отчего там за стенами ничто так не тревожит. Там покой! А отчего здесь так мятежно дума за думой преследуют душу? Здесь жизнь! А там разве смерть? Нет. Не могу этого допустить: там бессмертие, там покой блаженства, которого ищет каждый отведавший бури жизни. А жизнь бьет ключом: слышен говор в ботаническом саду (он около университета); в глубине раздается песня молодых студенческих голосов. А месяц? Месяц... (нет окончания).

²¹ В романе «Белая гвардия» М. Булгакова в 18 главе (сцена молитвы Елены Турбиной): «...стеклянный свет небесного купола...». Собр.соч. в 5 т. Т. 1. с. 411.

Киев, Ботанический сад университета. Открытка конца XIX в.

Письмо № 9 В. М. Покровской к жениху Аф. Ив. Булгакову²²
28 и 29 апреля 1890 г. из Карачева в Киев
Письмо на 8 страницах.

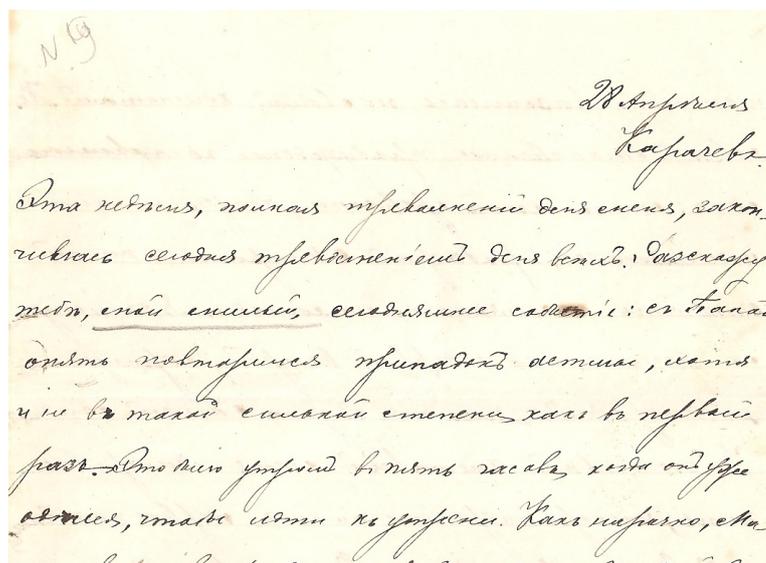
28 Апреля

Карачев

Эта неделя, полная треволнений для меня, закончилась сегодня треволнением для всех. Расскажу тебе, мой милый, сегодняшнее событие: с Папой опять повторился припадок астмы, хотя и не в такой сильной степени, как в первый раз. Это было утром в пять часов, когда он уже оделся, чтобы идти к утрени. Как нарочно, Мама вчера вечером отправилась на свадебный вечер, и в это время еще не возвращалась. Конечно, на этот вечер приглашали и меня, но я наотрез отказалась, потому что не имела никакого желанья быть там, и принуждать себя не видела надобности. Еще меньше меня желала быть там Мама, но она еще раньше дала слово хозяйке дома, и когда за ней прислали в девять часов вечера экипаж, она не смогла придумать причины отказа, и поехала, решившись быть козлом отпущения за всю семью. Мы мирно провели вчерашний вечер и спокойно разошлись по своим комнатам. Не совсем обыкновенное пробуждение готовилось мне: мимо моей кровати, стуча ногами и натываясь, пробежал Митроша и начал стучать склянками на комод. Я с испугом открыла глаза и первый вопрос, обращенный к нему, был: «или ты с ума сошел сегодня?» Но его ответ заставил меня быстро вскочить, наскоро набросить на себя

²² Письмо полностью опубликовано в книге Земской Е. А. «Михаил Булгаков и его родные». С. 60-63.

первое попавшееся под руки и выбежать в столовую, где на диване лежал Папа в знакомом мне уже виде. К великому моему удивлению, на меня нашло какое то необъяснимое спокойствие, может быть потому, что я уже видела этот припадок и знала, что делать. Митроша убежал за доктором и фельдшером с Колей, а я с помощью Шуры и прислуги старалась известными мне средствами, которые употреблял доктор при первом случае, облегчить его, и все это с необыкновенным хладнокровием. В то же время послали за Мамой. Через полчаса приехал доктор и Мама, а также фельдшер с банками и к половине седьмого все пришло в порядок.

Тогда я почувствовала сильную усталость и озноб (утро в самом деле было странно неприятное – тусклое и холодное, составляющее резкий контраст с бывшею до сих пор погодою), легла в постель и провела около часу в каком то полусонном состоянии, а потом встала, оделась и отправилась в прогимназию. Папа в это время спал, спала и Мама, не спавшая всю ночь. Погода сделалась очень нехорошая – холодная и лил дождь. Вечером снова был доктор. Теперь опять появились на сцену всевозможные склянки с микстурами. Боимся мы очень, как бы эти припадки не стали бы часто повторяться с Папой. Доктор говорит, что это не зависит ни от каких внешних причин, а главное то, что у него грудь и сердце не в порядке. Последние дни он действительно снова начал чувствовать себя нехорошо; да вчера вечером сделались разом резкие перемены в воздухе: сильная жара сменилась холодным ветром. День, начавшийся ненормально, и весь прошел как то странно. Я, как пришла из прогимназии, так все читала «Человек-зверь»²³, потом после обеда заснула, от чего у меня по обыкновению заболела голова, но походила немного по воздуху, (к счастью, дождь перестал), и она прошла. Потом опять читала, пока не получила твоего письма, и начала его читать. Но сегодня уже не могу отвечать на него и отложу до завтра. Прощай, до завтра. Я хотела очень получить твое письмо.

29 апреля. Всю эту неделю я не могла взяться за перо, чтобы написать тебе, мой дорогой. В эту неделю я пережила и неприятности, но есть у меня нечто приятное.

²³ «Человек-зверь» (фр. La Bête humaine) — семнадцатый том цикла о Ругон-Маккарах французского писателя Эмиля Золя.

Это именно то, что я заботилась об одном деле, не о своем личном, совсем не о себе, а на этой неделе привела к концу то, что от меня зависело; теперь остальное зависит уже не от меня: и успех, и неуспех его теперь уже в других руках. В этом деле помогал мне Коля – родной брат. Как бы мне хотелось, чтобы удалось довести нам дело до конца. В награду за мою деятельность в продолжении этой недели мне хотелось получить от тебя письмо потеплее, и этим письмом твоим я довольна. Мне особенно приятно получать твои письма по субботам, потому что это у меня день отдыха, день отчета за протекшую неделю, да и ответить у меня есть время. Не удивляйся на этот раз, если письмо мое будет написано не совсем гладко; я нахожусь сегодня в возбужденном настроении и целый день писала; я не могу сосредоточить свои мысли, но хотя отрывками отвечу на твое письмо. Ты говоришь, что хотел бы поглядеть мне в глаза, когда я прочитаю написанное тобою. И я этого хотела бы, потому что мои глаза выражали в это время сочувствие тебе, мой дорогой. Но зачем ты все сводишь к внешней, материальной стороне вопроса? Тогда только внешняя, материальная сторона жизни будет занимать главное место, когда нет ничего для внутренней стороны, тогда старается человек хоть мелкими заботами наполнить пустоту своей жизни. А разве ты не дашь мне материала, содержания для внутренней жизни? Нет, у меня есть надежда, что мы можем кое-что дать друг другу. Нельзя конечно игнорировать совершенно и эту сторону жизни, но тогда только нужно бы было поднимать об этом вопросы, когда она была бы уж очень плоха, а мы еще можем удовлетвориться и оставить этот вопрос в стороне. – Боишься ты, что наши запросы от жизни не одинаковы, и я вполне понимаю тебя, потому что этот вопрос уже давно беспокоит меня. Если ты действительно можешь удовлетворяться малым в жизни, то ты будешь счастливый человек, да и должен быть уже, если держишься такого взгляда. Я вполне разделяю твой взгляд, что чем меньше будешь желать, тем скорее будешь удовлетворен; но держалась, держусь ли я этого взгляда в жизни, я не могу сказать этого. Мне кажется, что если человек сам много дает другим людям, то и в ответ может потребовать себе многого.

Был у меня случай в жизни, я говорила тебе, милый, когда я не удовлетворилась тем, что мне давали, когда мне показалось не тем, что я хотела бы, и я решила совсем отказаться, чем удовлетвориться вполнину. (Может быть я многого требовала, и никогда не получу того, что мне хотелось бы). Теперь при вступлении в мою новую жизнь я хочу только согласия стремлений, внутреннего спокойствия и конечно взаимного сочувствия симпатии. Впрочем, это совсем не мало, в этом все, потому что при этих условиях, как я тебе уже давно писала, остальное все можно согласить. – При вступлении в совместную жизнь, зачем отказываться от своих идеалов, чтобы взять себе идеалы жены или мужа? Но невозможно и не признавать идеалов другой стороны; и если случается в жизни, что сходятся люди противоположных стремлений и каждый старается сам по себе проводить в жизнь свои идеалы, то совместная жизнь уже невозможна, это будет постоянная борьба за отстаивание своих идеалов. Но это может, как мне кажется, произойти только в том случае, когда стремления и убеждения совершенно противоположны, и тогда ни одна сторона, конечно, не может признать идеалов другой. Но ты пишешь, что твои убеждения честны и нравственны, такие же и мои, как мне кажется, а ведь честность и нравственность для всех одна. Я утешаю себя мыслью, что если будет у нас различие

в привычках, в мелочах жизни, то в этом можно будет сделать взаимные уступки; и это тем легче будет сделать, чем больше симпатии будет между нами. Отчего твои взгляды всем казались странными? Неужели ты не находил людей, которые сочувствовали бы тебе? Мне же приходилось несколько раз встречать сочувствие своим взглядам; конечно, я высказывалась немногим, да может быть и потому, что высказывалась тем, которые я чувствовала, поймут меня. Я стараюсь в жизни держаться такого взгляда: что если я уже не могу сделать много добра людям, так буду, по крайней мере стараться делать как можно меньше зла. – Ты пишешь, что иногда говорил себе, что людям нет до тебя никакого дела, и тебе они не нужны. Случалось и мне испытать такое настроение, но только настроение. Это бывает тогда, когда не встречаешь в людях сочувствия себе, своим стремлениям, тогда, оскорбленный, в своих лучших стремлениях, замыкаешься в себе. Но относиться всегда так к людям нельзя, и в кружке себе подобных чувствуешь себя совсем иначе. Я иногда чувствую себя очень одинокою, вот напр[имер] этот год в Карачеве, мне иногда так хочется поговорить с кем-нибудь по душам, и не с кем, ведь здесь нет никого, с кем бы я близко сошлась. Но зато с большим удовольствием поговоришь, когда встретишься с симпатичными людьми. Но я отвожу душу перепискою с тобою, с братьями, а главным образом теперь с тобою; и Вы должны это ценить, милостивый государь! Ты упрекаешь меня, что видно я не интересуюсь твоими письмами, если могла в продолжении часов не читать письма. Но пойми же ты, что я не смогла прочитать его, потому что мы были в большом обществе, и не могла уйти в отдельную комнату, не обратив на себя внимания, да и за мной кто-нибудь мог последовать. Да и мне приятно было сознавать, что у меня в кармане лежит что-то очень приятное для меня, а здесь никто не подозревает об этом, разговаривая со мной. Написала тебе, что отвечать сегодня не буду, чтобы в день твоих именин ты не получил известия довольно неприятного о болезни Папы, чтобы этот день не принес тебе даже очень маленькой неприятности, а тем больше через меня. Но, прости, мой милый. Твоя В.

Письмо № 10 (с конвертом) В. М. Покровской к жениху Аф. Ив. Булгакову. 29 апреля 1890 г. из Карачева в Киев. Единственное письмо с конвертом и два конверта от несохранившихся писем (ноябрь 1889 г., май 1890 г.) дают основания считать, что именно по этому адресу в течение года перед свадьбой проживал А. Булгаков. Адрес неслучайно переписан Надеждой Булгаковой на странице тетради, в которой она упорядочивала письма:

«Киев.

Его высокоблагородию

Афанасию Ивановичу

Г-ну Булгакову

Рейтарская улица, дом № 9.

Письмо на розовой бумаге, половинного формата, как и конверт: поздравительное ко Дню Ангела: св, Афанасий 2.05».

протянуться за несколько сот верст. Папа, мама и все поздравляют тебя, желают всего хорошего. Я написала тебе письмо в ответ на твое, но ты его получишь на другой день после этого. В хороший месяц ты именинник, желаю тебе, чтобы у тебя и на сердце был в этот день май. Думай в этот день, что есть на свете человек, который искренне расположен к тебе, желает всего лучшего для тебя, любит тебя, и этот человек – твоя В.

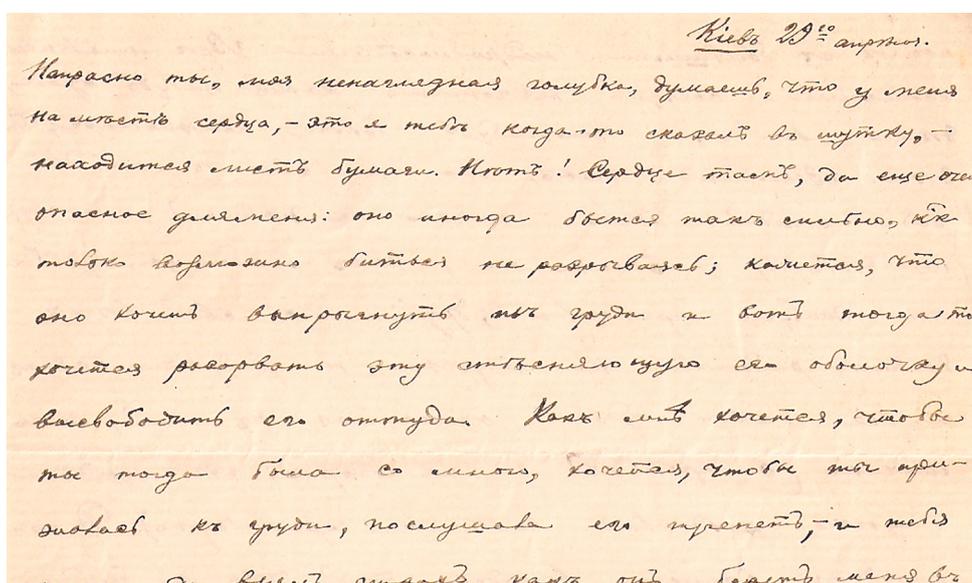
Письмо № 21 Аф. Ив. Булгакова к В. М. Покровской.

29 апреля 1890 г.

Киев – Карачев.

На 6 стр., бумага фисташкового цвета.

Комментарий Н. Булгаковой-Земской к этому письму на странице тетради, в которой упорядочивались и описывались письма: «О законах: два двоюродные брата могут жениться на родных сестрах».

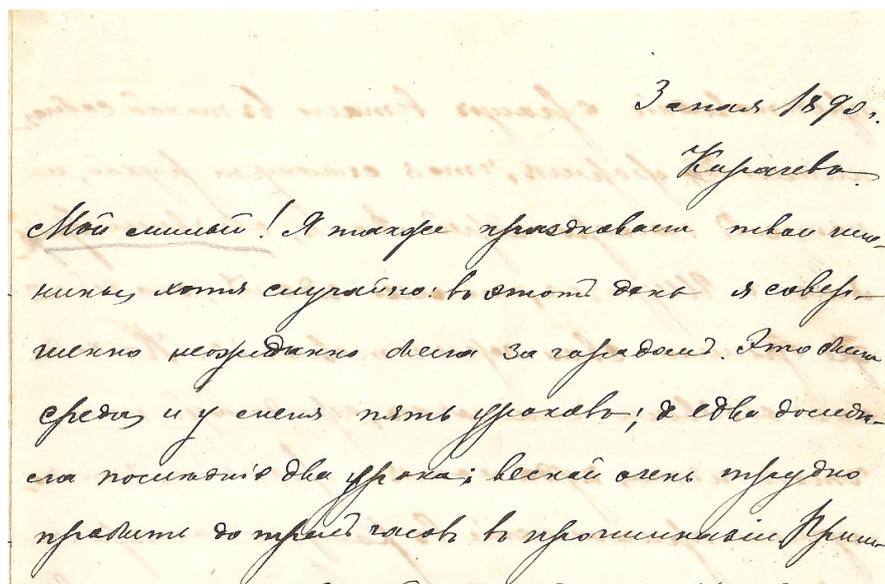
Напрасно ты, моя ненаглядная голубка, думаешь, что у меня на месте сердца, - это я тебе сказал когда-то в шутку, - находится лист бумаги. Нет! Сердце там, да еще очень опасное для меня: оно иногда бьется так сильно, как только возможно биться, не разрываясь; кажется, что оно хочет выпрыгнуть из груди и вот тогда то хочется разорвать эту стесняющую его оболочку и высвободить его оттуда. Как мне хочется, чтобы ты тогда была со мною, хочется, чтобы ты прижалась к груди, послушав его трепет, - и тебя тогда бы взял страх, как он берет меня в эти минуты. Ты пишешь, что весела, радуешься весне, жива духом. Отлично, я рад за тебя и желаю только одного, чтобы это твое настроение не изменилось к моему приезду: оставь и для меня частичку своих радостей. Подожди моего приезда, чтобы часть удовольствий, которые ты намерена пережить, мы могли пережить вместе. Твоя правда: я благодаря своему одиночеству пропущу лучшее время года и не проживу так, как ты. Что же делать? В моей жизни собственно было двое каникул, когда я от души веселился и не был связан никакими думами. Это каникулы 1886 г. и каникулы 1889 года. Да и то

первые окончил очень плохо. Ты отчасти знаешь почему; а если поинтересуешься, расскажу после с большими подробностями. Все остальные каникулы всегда тяготили какие-нибудь думы, дела или еще что-нибудь более неприятное, чем дело. Выходит так, что на свете есть два рода людей: одни ничего не делают и могут не делать, а однако же, как любимцы судьбы, они живут припеваючи; другие весь свой век должны работать, ни отдыха, ни радости не зная и все-таки судьба относится к ним, как мачеха (о третьих я не говорю: их труд и отдых разделен как-то соразмерно). До последнего времени выходит так, что я был пасынком судьбы: впрочем я не жалуясь на это никому, кроме себя (тебя я считаю уже одним лицом с собою: ты ничего против этого не имеешь? Да?) Я писал уже тебе, что весною всегда чувствовал себя скверно: когда учился, так потому, что экзамены в это время, а ведь я учился до 26 лет! А после окончания учения две весны тяготило меня устройство судьбы своего сочинения, а еще две тоска одиночества: эта тоска особенно сильно угнетала меня, когда видел общую радость, общее оживление, - словом, общую весну. Если она теперь не гнетет меня, то потому, что я знаю, что где-то, хотя и далеко, далеко есть сердечко, которое бьётся для меня. Есть? Да? Прежде я этого не знал и мучился. Теперь, хотя и мучусь, но думаю, что не подавить тоске меня и не поддаюсь ей: я должен жить! Если не для себя, то кто-то другой нуждается во мне. Addio, mia cara, mia bella! Buona notte! – *30 апреля*. Твое прошедшее письмо произвело на меня такое впечатление хорошее, что я целую неделю нахожусь как будто в каких эмпиреях, выражаясь гоголевским языком. Почаще пиши, моя голубка, такие письма, и я тогда не пропаду от тоски, от скуки. Хотел бы я озолотить тебя за то счастье, которое ты мне дала, да жалко, что не имею в своем распоряжении этого золота, чтобы было для этого достаточно. Ну что же делать, «на нет и суда нет», говорит пословица. Что тебе написать про себя, про свое житье-бытье? Жарко было в последние дни. А в жару я себя чувствую всегда очень скверно. Главное (далее оторван кусочек письма)

Как хорошо выходит! Я твое письмо получу (если ты вчера послала) в день своих именин, - и таким образом для меня будут двойные именины. Вспомнишь ли ты поздравить – посмотрию. Но поздно уже! Покойной ночи, моя дорогая! Крепко тебя целую. За последние дни несколько раз я видел тебя во сне. Верно, ты обо мне думаешь, или это от того, что я постоянно думаю о тебе? Прости! Ректор прислал еще рукопись для рецензии в 220 страниц дробного письма (с первую я уже разделался 2 недели тому назад). Приходится опять взяться за лихорадочное чтение описания фактов, фактов и фактов! Что за безбрежный океан фактов представляет история человечества! Не жизни одной, а десятку, сотни жизней возможно усвоить их и потом хоть (оторван конец страницы) *1 мая*... Ты укажи ему, если он усомнится в верности моих слов, вот на что, в *1870 году 12 января* издан был указ *Св. Синода*, который говорит, что не нужно брать в этих случаях разрешений. Пусть он приищет этот указ и прочитает его. Потом пусть он найдет *18 № «Церковного Вестника» за 1899 год (прошлый)* и там в статье по затруднительным вопросам из пастырской практики прочитает вот что: жениться двум двоюродным братьям (я и Владимир Иванович) на двух родных сестрах (ты и Оля) *нет законных препятствий*. То что на этой странице подчеркнуто, ты и покажи Папе. Видишь, как хорошо я знаю Законы! А теперь бьет 12 часов на Софийской колокольне, следовательно, пора спать. Покойной ночи. Вчера видел тебя во сне. Крепко целую. *2 мая*. Сейчас получил твое письмецо в

маленьком конвертике и очень был недоволен его внешним видом (маленьким объемом); но зато содержание письма вполне искупило его величину. Благодарю, от всей души благодарю за поздравление и слова любви и ласки, написанные там (ведь это в первый раз ты пишешь в такой форме). Крепко целую тебя и твои ручки, моя милая, моя хорошая, незабвенная: никогда не позабуду я этого счастливого момента и постараюсь быть достойным этого счастья. Папу, Маму и всех поблагодари за поздравления (я получил телеграмму с подписью их) и пожелай им от меня здоровья и всякого благополучия, поцелуй их от меня, а я при личном с тобою свидании уже постараюсь возратить тебе этот долг сторицею. Я уже буду просить тебя ответить на это письмо, чтобы я мог получить его снова в среду и прислать тебе письмо к 12-му. А на то письмо, которое ты послала, я буду стараться ответить до получения твоего нового письма, так что на следующей неделе в субботу ты будешь иметь от меня ответ на два письма разом. Твой Аф.

Письмо № 11 В. М. Покровской к жениху Аф. Ив. Булгакову.²⁴
3 мая 1890 г, из Карачева в Киев.

3 мая 1890 г.

Карачев

Мой милый! Я также праздновала твои именины, хотя случайно: в этот день я совершенно неожиданно была за городом. Это была среда, и у меня пять уроков; я едва досидела последние два урока: весной очень трудно пробыть до трех часов в прогимназии. Пришла утомленная домой, пообедала уже одна и села написать Ване письмо. В то же время мне был дан приказ быть готовой, чтобы отправиться в одно место с мамой и Шурой. Я спешила кончить письмо, в то же время Шурочка

²⁴ Опубликовано в книге Земской Е. А с опечаткой: указано 3 июня 1890 г., а надо: 3 мая. С. 63-66.

собиралась, как вдруг Евгения Ивановна²⁵ прислала сказать, что она идет со своими квартирантами в рощу, и просит нас принять участие в этой прогулке. Нужно отдать мне справедливость – я две секунды думала: сначала мелькнула мысль, что я не смогу бросить все, но представление о роще встало в такой соблазнительной форме, что я махнула рукой, и написав наскоро адрес Ване, объявила братьям и Шурочке, что мы идем; она сейчас же бросила свои приготовления. Но, когда мы объявили мамочке, ожидающей нас, чтобы идти, куда хотели раньше, что получили приглашение в рощу и намерены принять его, она от изумления не смогла вымолвить слова, а когда хотела образумить меня, я уже в ватерпруфе²⁶ и шляпе направлялась мимо нее к двери, успев только на ходу крикнуть, что даю слово, что в восемь часов буду дома, и тогда успею сделать, что мне нужно было. Я могла только вообразить взгляд, который сопровождал меня, но боялась оглянуться, и через четверть часа мы уже шли веселой компанией по дороге в рощу. С каким удовольствием я погуляла там, хотя комары уже сильно обижают. Но, желая сдержать свое слово, я старалась быть дома в восемь, и действительно в половине девятого предстали пред смягчившиеся очи мамы. В этот день Коля, Митроша и Евг. Ив. с лукавым выражением лица поздравляли меня с именинником (мамочка поздравила, как следует), но я так просто и серьезно приняла их поздравления и поблагодарила, что их улыбочки не достигли своего назначения. Ну, прощай пока, мой милый. Надеюсь, ты хорошо провел свои именины!

4 мая. Сегодня я снималась в группе с своим четвертым выпускным классом. Неделю тому назад они торжественно всем классом просили меня доставить им это удовольствие, и я, конечно, согласилась. Завтра последний день занятий в старших классах, и завтра я отпущу уже навсегда свой четвертый класс, и мы будем встречаться только на экзаменах. Но мы унесем друг о друге, кажется, хорошее впечатление, и я с удовольствием снялась с ними сегодня, а тем больше, что с их стороны это было выражение симпатии. Правда, за последнее время я едва могла справиться с ними. С наступлением весны и они начали чувствовать себя по-весеннему, и совершенно отбились от рук. Положим, они выражали свою симпатию ко мне, но делали иногда это очень шумно. Вообще за последнее время я вижу со стороны всех своих учениц (т.е. и т го хетех)²⁷ выражения симпатии, у меня комната заставлена букетами от учениц. Может быть, они узнали, что я у них последний год, а на прощанье хотят мне высказать расположение. И знаешь что, мне жалко стало оставить их: они ко мне так привыкли, и я уверена, пожалеют обо мне. И мне самой так знакомы и близки стали их лица. Я благодарна им, что они выражением своего расположения ко мне дают возможность унести хорошее впечатление о моем последнем пребывании здесь. Теперь мне кажется, что этот год не прошел у меня даром. Эту неделю я была занята своим четвертым выпускным классом, и все мои мысли были сосредоточены на нем. Если получу от тебя завтра письмо, то напишу сама тебе, а сегодня уже поздно.

²⁵ Евгения Ивановна – вдова старшего сына Покровских, Василия.

²⁶ Непромокаемый плащ: waterproof (англ.).

²⁷ и т го – шарада, означающая слово *итого*, *итог*; хетех – название Швейцарской фирмы часов, то есть – *время*; В. М. Покровская имеет в виду, что видит, как изменились ее ученицы *со временем*, проведя с ними все время учебного года.

5 мая. Получила твое письмо, мой милый! И знаешь, что я заметила: что когда бы я ни собиралась тебе написать, мне непременно помешают, и я на несколько времени принуждена бываю отложить свое писание. Так и сегодня. По получении твоего письма походила немного в своем саду, и только что шла, чтобы сесть писать тебе, благо в доме никого не было и среди тишины очень хорошо писать, как пришли меня звать, говоря, что Людмила²⁸ – на крыльчке нашего дома и желает меня видеть. Прихожу туда и застаю Папу с Мамой, и ее с мужем, сели с ними и мы проболтали целый вечер. Теперь пишу уже после ужина и имею в своем распоряжении очень немного времени. Но ответу на твое письмо. Ты может быть, мой милый, думаешь, что я нахожусь в хорошем настроении потому, что я пользуюсь частыми развлечениями и удовольствиями. Совсем нет. Наоборот, я веду самую скромную жизнь и у меня все время занято делами. Причины же моего веселого настроения находятся во мне самой. Правда я гуляю и в саду городском, и была, как писала тебе выше, за городом, но прогулку эту я предприняла только для прогулки, а не для общества, которое было очень невелико. Да, и роща наша очень невелика. Для Карачева она хороша, так как здесь совсем мало окрестности; но ты избалованный, может быть, хорошими окрестностями Киева, и смотреть бы на нее не стал. Тем не менее, я имею в виду, и Евгения Ивановна также познакомит тебя с нею. Между прочим, завтра мы, может быть, отправимся в другую рощу березовую, в которой я никогда не была, за ландышами, и опять очень небольшой компанией, почти одна наша семья. Как видишь, мои развлечения очень скромны, и ты можешь пользоваться подобными же в Киеве, даже может быть в лучшей обстановке. Почему ты считаешь себя пасынком судьбы? Неужели у тебя в самом деле не было радостей в жизни? У всякого человека, мне кажется, больше неприятностей в жизни, чем радостей; и чем лучше человек, чем больше думает у него голова, чем добрее его сердце и душа, тем больше страданий переносит он. Но и у всякого человека есть радости – правда, у одного их больше и они дольше, у другого их меньше и они короче; кроме того, одному нужно немного, чтобы чувствовать себя счастливым, а другому много. А ты говорил, что можешь удовлетвориться малым, неужели же судьба не дала тебе и немногого? Есть на свете так называемые «неудачники», которым ничто не удается, так разве ты считаешь себя в числе их? Но как бы то ни было, если ты в самом деле мало радостей видел в жизни, это только лишний повод к увеличению симпатии к тебе. Ты пишешь, что я знаю немного, почему каникулы 1886 года окончились для тебя плохо, но я совсем не знаю, и очень интересуюсь и буду рада, если ты расскажешь мне, и с подробностями, как обещаешь в этом письме. Может быть, это событие я и помню, если ты рассказывал мне, но забыла, что это было в 1886 году. Во всяком случае, напиши мне об этом. Но на сегодня довольно, уже поздно, а завтра царский день.

6 мая. Сегодня была в обедне, а оттуда зашла к Евгении Ивановне: нынче день рождения Васи. У меня с нею теперь новая забота. Надо ей Васю отдать в прогимназию, и он должен будет в конце мая держать экзамен в 1 й класс. Он учился в училище, но все-таки надо править его знания. Мне самой совсем некогда заняться с

²⁸ «Людмила <...> с мужем» - возможно, имеется в виду семья брата А. И. Булгакова: Михаил Иванович Булгаков и его супруга Людмила Полиевктовна (в дев. Гапанович).

ним, и я его поручила Митроше. Занятия у него в училище кончились, и поэтому он по утрам может ходить к Митроше. Сегодня я ему обещала, если он сдаст экзамен, что он будет на моей свадьбе и попадет со мною к венцу, но не иначе как в форме прогимназии. Он весь день просидел и дал мне слово, что сдаст. А как же я рада была, если же к тому времени удалось устроить ее детей. Что сказать тебе про себя. Время летит совсем незаметно. Эти дни готовили отчеты к завтрашнему совету. Завтра решается судьба старших классов. Все-таки думала и думаю о тебе, оттого ты и видел меня во сне. Ты же никогда, никогда не думаешь обо мне, потому что я редко вижу тебя во сне; а иногда увижу во сне и поссорюсь. Сейчас по поводу дня рождения Васи идем в рощу за ландышами. Послала бы тебе букет, да далеко... Вернулись сейчас из рощи: описала бы тебе нашу прогулку, но устала до невозможности – с 2 ½ ч. и до десяти. Наше общество неожиданно увеличилось приходом в рощу группы знакомых, и поэтому прогулка была очень удачна. Надо письмо отослать. Прощай. Сегодня постараюсь увидеть тебя во сне, и не буду ссориться. Желая тебе всего хорошего, мой милый. Твоя В.

г. Карачев. Открытка конца XIX в.

Письмо № 22 Аф. Ив. Булгакова к В. М. Покровской.
4 мая 1890 г. Киев – Карачев, на 8 страницах.

Напугала ты меня, моя голубка, известием, что Папа вновь должен был пережить один из припадков астмы, и что эти припадки могут повторяться совершенно неожиданно для всех. Ужели нет возможности предотвратить их большим и большим спокойствием в жизни; ужели для Папы необходимо нести те громадные труды, которые он несет до последнего времени? Нельзя ли бросить некоторую часть их и уйти в ту жизнь, которая зовется растительною, конечно уйти не совсем, потому что человеку, привыкшему к труду, нелегко расстаться с трудом, нелегко даже привыкнуть к мысли о сокращении его. Я знаю это по примеру одного из наших покойных профессоров. Он после выхода в отставку до самой смерти своей

не мог чувствовать себя спокойным в своей квартире в те часы, которые он проводил в Академии во время службы своей. Впрочем, да будет так, как угодно Богу! Я от

Киев, 1890 года, 4го мая.

Напугала ты меня, моя голубка, известием, что
Папа вновь должен будет пережить адиде иго
припадков астмы, и что эти припадки могут
повторяться совершенно неожиданно для всех.
Ужасно хотеть богами и нести предотвратить и что
благословить и всеобщий покой стбиль в жизни; уж
ли для Папы необходимо нести так громадные
труды, которые от нас до последнего вре
мени? Нельзя ли бросить некоторую часть из

души жалею его, как своего родного отца, как твоего, моя ягодка, отца и сочувствую вашим домашним тревогам... Из твоих писем и из разговоров с тобою заметно, что ты в перемене жизни, которая тебе предстоит, не будешь жалеть о своей родине (если не считать привязанности к родному дому). Это меня отчасти радует. Родной дом я всеми силами постараюсь заменить тебе, да связи с ним и родственные привязанности никогда и не прервутся: за это я ручаюсь. Других же привязанностей, - ты говоришь, - у тебя не было, а если и были какие, то ты их порвала в прошлом году. Хорошо ли это? Об этом мы с тобою поговорим после. А теперь я перейду к другим частям твоего вчерашнего письма. Оно так длинно и сложно и так обще по содержанию, что я должен был почти над каждою фразою думать, чтобы узнать, ответила ли ты на мои мысли или нет. От души благодарю и от всего сердца целую тебя и твои глазки за сочувствие мне, моя радость! Я тебе задал-то вот такой вопрос, который ни тобою, ни мною не может быть решен до тех пор, пока мы начнем жить вместе, и пока жизнь наша не разрешит его. Естественно потому, что ты его и не разрешила. Отвечаю на твои мысли в том порядке, в каком дает их твое письмо. I. «одной внешней стороною» (твои слова) или растительной жизнью (так я называю эту сторону) мы жить и не будем: я такую жизнь называю жизнью животного, жизнью того «зверя в человеке», который описан в последнем романе Золя, напиши мне, какое он на тебя произвел впечатление? А потом я тебе по поводу его расскажу один анекдот. - II. «Если человек сам много дает другим, то и в ответ может потребовать себе многого», так ты пишешь. Я с этим вполне согласен: это требование справедливости. Но, моя голубка, ведь этот-то вопрос меня терзает и терзает, и эти твои слова не отвечают на вопрос, а только развивают дальше мою мысль. Скажи-ка мне: «Кто же будет судить, что я дал другому, или другим?» «Кто взвесит, дал ли я много или мало?» Сам я в этом случае плохой судья, пристрастный судья! А если я поручу судить другому, то очень легко меня (по моему мнению) могут обидеть. Вот где вся суть вопроса! Разреши-ка его, и я поклонюсь тебе в ножки: непременно сдержу слово. Какою мерою ты будешь мерить это «много»; каким весом будешь взвешивать это «мало»? Впрочем мы поговорим с тобою и об этом, когда свидимся (а как еще долго! Я просто истомился; не знаю, как

ты). III. Ты отчасти говоришь, что, по-твоему, уже «много», или «не мало», если ты при начале своей новой жизни встретишь «согласие стремлений», «внутреннее спокойствие», «конечно взаимное сочувствие», «симпатии». Я рад от тебя получить такой ответ, и скажу по этому поводу вот что: «стремления», если и не согласны они, можно согласить; внутреннее спокойствие есть результат согласия стремлений, взаимного сочувствия, симпатии; значит, оно может быть достигнуто тобою, потому что я тебе обещаю не простое сочувствие, а глубокое чувство, не простую симпатию, а душевную, горячую любовь, которая будет господствовать над всею жизнью. Может быть, ты подумаешь, что все это на словах только; поэтому-то я больше не хотел бы об этом говорить, а попрошу тебя испытать это на деле. IV. Дальше ты говоришь об идеалах мужа и жены. Я когда это писал тебе, что идеал должен быть у всех один; в прошлом письме объясняя, что этот идеал – Господь каждого, следовательно, о различии их и говорить нечего. Честность и нравственность тоже должна быть одна. Но вся-то суть вопроса в том и состоит, что их понимают различно и на деле оказывается много идеалов. Милая моя В-а! я только того и хочу, только о том и забочусь, чтобы не было у меня с тобою разных взглядов на этот идеал, на этого Господа (это требование нравственного закона). А этот идеал что приказывает? «Люби всякого как самого себя». И иначе: «больше и нет любви на свете, как та, вследствие которой человек отдаст душу свою за друзей своих». – Итак и ты, и я согласны, что нравственность и честность одни для всех. Скажи же пожалуйста: отчего на свете такая масса преступлений, и отчего в обществе на некоторые преступления смотрят как на нечто необходимое и не осуждают их? Если ты захочешь примеров, то подыщу сотни тебе, когда увидимся. – V. Ты больше говоришь о возможности различия у нас с тобою вкусов, мелких привычек и т.д. Это такие пустяки, о которых и говорить-то не стоит. У меня таких привычек, кажется, и нет. А если ты что и заметишь, то разрешаю тебе просто приказать мне оставить, и будь уверена, моя дорогая, что слово твое не останется гласом вопиющего в пустыне. Образ моей жизни таков, что я самый тихий сожитель. Что я буду хорошим семьянином, на это указывали даже те из дам киевских, которые постоянно спорят со мною по вопросам семейной жизни. Особенно в этом отношении странною показалась одна из здешних девиц, которая когда-то много ругалась со мною и в глаза называла никуда не годным человеком, а однажды наговорила мне таких вещей, что я просто хотел прекратить знакомство; но подумав, я не хотел обижать этим ее семью. – Недавно мне говорят: «Она о Вас прекрасного мнения и видит в Вас будущего хорошего семьянина». Я изумился этому. Но оказалось, что это правда. Подробности когда-нибудь расскажу. Не знаю, поверишь ли ты этому рассказу, но когда будешь в Киеве, то очень легко будет тебе проверить это. – Ты спрашиваешь: «Ужели всем мои взгляды казались странными?» «Ужели я не находил себе сочувствия среди других?» – Уже одно то, что моих взглядов никто никогда не мог признать безнравственными, бесчестными, показывает, что я находил отзывчивые души; а странными она казались потому, что я раз что признавал честным, старался и в других видеть то же, и в своей жизни осуществлять: а этого не всюду встретишь; таким образом, твое поведение кажется странным, а когда станешь указывать, что оно согласно с теориею, то теория или взгляд, или убеждение тоже окажется странным. Если бы я был с тобою, то я для объяснения этого привел бы много примеров. Но теперь нет места; нет и времени писать. В заключение сегодня скину вот что. Ты, моя голубочка милая, когда то

задала мне вопрос: осужу я тебя за некоторую эгоистичность в отношении к людям. Я оставил этот вопрос без ответа. А теперь скажу, что ты сама себя осудила, некоторыми словами своего письма. Что, попалась? Пораскуси, а потом я тебе напомню. Прости меня за это ехидство: когда привезу свои уши, то можешь надрать мне их. Я очень и очень ценю Вашу переписку с собою, милостивая государыня, и тоже отвожу на ней душу, когда мне взгрустнется. «Хорошая ты у меня, дорогая ты для меня» - говорю это от чистого сердца.

5 мая. Что это за секретное такое дело, которое ты хлопчешь устроить совместно с братом Колею? Ты меня уже во второй раз заинтриговываешь им. Ужели мне нельзя знать? Я кажется мог бы держать его в секрете тоже; намеки твои клонятся к тому, чтобы посвятить меня в тайну. А между тем ты упорно молчишь о нем (т.е. этом таинственном деле). – Ты между прочим сказала, что высказывалась преимущественно пред теми, которые, как ты чувствовала, поймут тебя. По-моему это слишком узко: нужно всюду и всегда, и пред всеми заявлять одинаково свои взгляды и не только заявлять, но и в жизнь проводить. Раз ты сознаешь их честность, их нравственность, ты обяжешь и других учить тому же. Ты скажешь: «А не поймут?» Попытайся втолковать, борись за убеждения. Не поймут все, - но поймет часть! Не поймут всего, - хорошо, если поймут хоть немного! Вот мое правило в жизни. А то что было бы, если проповедник, учитель, оратор говоря пред толпою, стал колебаться и рассуждать: «Да что я распинаюсь, все равно не поймут!» Плохой это был бы оратор и учитель. А ведь, если иногда махаешь на людей рукою и говоришь: «мне до вас нет дела», -

Приписка слева на странице: то это бывает в минуты утомления борьбою, некоторого отчаяния. Любящий А.

г. Киев. Открытка конца XIX в.

Письмо № 23 (с конвертом) А. И. Булгакова к В. М. Покровской.

7 мая 1890 г. Киев – Карачев. Конверт с личной печатью “АБ” на сургуче. Штемпели с датами 8, 9, 11 мая 1890 г.

Киев, 1890, 7го мая.

Этот листок я было приготовил для ответа тебе на второе твое письмо; но не возможно удержаться, чтобы не начертить на нем несколько слов..... Итак я сказал, что махнешь рукою в минуты некоторого утомления борьбою, некоторого «отчаяния». Но утомление не есть еще бессилие, и некоторое отчаяние не есть еще полное разочарование в себе. Утомление проходит, силы обновляются; идеал, за который борешься вновь воздвигается перед тобой, и снова подкрепленный минутным отдыхом и с розовою мечтою о победе вступаешь в бой. Ведь жизнь есть бой (битва), только ценность жизни зависит от того, бьется ли человек за золото, или за душу. В первом случае победа никогда невозможна, а во втором всегда: середины не должно быть: а если есть середина, если возможно некоторое удовлетворение, то для него подобрано весьма подходящее слово «мещанское счастье». Ты, кажется, не признаешь этого счастья: потому что сказала, что лучше отказаться от счастья, чем «удовлетвориться только наполовину». Прощай, покойной ночи. Целую. Твой А.

Этот листок я было приготовил для ответа тебе на второе твое письмо: но невозможно удержаться, чтобы не начертить несколько слов..... Итак, я сказал, что махнешь рукою в минуты некоторого утомления борьбою, некоторого «отчаяния». Но утомление и не есть еще бессилие и некоторое отчаяние не есть еще полное разочарование в себе. Утомление проходит, силы обновляются: идеал, за который борются, вновь воздвигает свои чары, - и снова подкрепленный минутным отдыхом и с розовою мечтою о победе вступаешь в бой. Ведь жизнь есть бой (битва), только ценность жизни зависит от того, бьется ли человек за золото, или за душу. В первом случае победа никогда невозможна, а во втором всегда: середины не должно быть: а если есть середина, если возможно некоторое удовлетворение, то для него подобрано весьма подходящее слово «мещанское счастье». Ты, кажется, не признаешь этого счастья: потому что сказала, что лучше отказаться от счастья, чем «удовлетвориться только наполовину». Прощай, покойной ночи. Целую. Твой А.

9 мая. Следующее свое письмо пиши ко мне пожалуйста с адресом: Киев. Профессору Духовной Академии.... дальнейший адрес я сообщу в ответе: переменяю квартиру. Письмо твое не пропадет, и получу его я даже раньше, чем получаю твои теперешние письма. Погода на дворе стоит прекрасная. Тепло, даже очень; пыли нет, потому что перепадают дожди; Киев весь почти покрыт зеленью: городское общество на всякой даже маленькой пустоши устраивает *скверы*, для чего существует в городе особая так называемая *скверная* компания (так ее называют фельетонисты местных газет, когда хотят уколоть за какое-нибудь скверное распоряжение). Жду твоего письма и потому оставляю писать. Сегодня ожидание пасхи и звон (особый, пасхальный в Киеве) напомнил мне радостную ночь, проведенную с тобою: как светло и ясно стало на душе, - и я не удержался, чтобы не поделиться с тобою своею радостью! Вспомни и ты эту ночь, если тебе было хорошо со мною.....Спасибо тебе, моя голубка, за письмо, которое ты прислала. Я рад, что причина твоего хорошего настроения

находится «в тебе самой», и вовсе не думал упрекать тебя за маленькие развлечения, которыми ты имеешь возможность пользоваться. Сам я могу, - правда, - пользоваться очень хорошими развлечениями, но по правде говорю тебе, что со святок почти не выходил из дома, кроме тех случаев, о которых писал уже тебе. Причиной такого анахоретства (впрочем у знакомых я бываю) служит во-первых то, что не могу быть один (понимаешь без кого?) в общественных местах: тогда общество как-то давит, потому что чувствуется одиночество гораздо сильнее, когда видишь людей большею частью попарно, а во вторых: сплетни станут ходить, и здесь злые языки постараются и тебе сообщат. Пикников у нас общих не устраивают, так как семейные люди уезжают на дачи, а в Киеве остается один мужской персонал, которому не до пикников (во время экзаменов). Пасынком судьбы я себя считаю и имею право считать; почему, - об этом я с тобою переговорю потом. Ты отчасти угадала это в своих думах, - и я готов тебя был расцеловать за твои слова, в прошлом письме написанные. От души желаю, чтобы ты в этом своем суждении никогда не разочаровалась.... Радости и знания были, и даже очень большие. Есть у меня и теперь радости (интеллектуального свойства); но и о радостях поговорим после. И кажется, что радости мои меня поддерживают, потому что я по признанию товарищей, и по сравнению с ними не изменяюсь, или изменяюсь меньше, хотя работать приходилось больше. «Неудачником» я себя не считал и не считаю потому, что не признаю таких существ на свете. Этот тип создан кажется литературою, но в нем очень мало естественного. Я с тобою и об этом поговорю, потому что пускаясь в литературное суждение по такому сложному вопросу было бы очень неудобно не думать: это предмет для целой литературной статьи!... Какая у тебя кипучая деятельность, и как я рад, что воспитанницы твои тебя любят; это доказывает, что есть за что любить: детское сердце не обманешь, - оно так чисто, что скоро оценивает людей *) Впрочем я начинаю ревновать тебя к воспитанницам и Карачеву..... Ты со мною ссоришься во сне? Отлично, значит, меньше будем ссориться наяву! У тебя время летит незаметно, а у меня тянется так «як тий вiл», - говорят хохлы (т.е. «как настоящий вол» в упряжке), - и мне иногда страшно хочется просто, я не знаю что сделать, чтобы оно не казалось убийственно долгим. В Киеве негде нарвать ландышей, а за город я не езжу (уже говорил, - почему?) и потому приходится покупать (а сегодня какие хорошие букеты я купил за 15 коп. два) и теперь поставил в вазы, сидел и смотрел, и думал, думал о тебе, пока получил твое письмо. Прости, моя дорогая. Не стану уверять, что думаю о тебе постоянно, потому что все равно не поверишь. Ведь ты мне не веришь; хотя твой Аф. очень и очень любит тебя, но он не любит, когда.....

Приписка вертикально по странице:

*) Меня ученики донские тоже любят и просили снять фотографии, для чего собрали было деньги. Но я этого им не позволил. Причину скажу после.

Письмо № 24 Аф. Ив. Булгакова к В. М. Покровской.

10 мая 1890 г. Киев – Карачев.

Комментарий Н. Булгаковой-Земской: «длинное письмо перед свадьбой. 10 мая 1890 г. переписаны отрывки». Отрывки публиковались в книге Е. А. Земской.

Киев, 10го мая.
1890 г.

Какая страшная возня с переменою квартиры, это просто ужас! Каждую книжонку, каждую поганенькую (извини за выражение) вещичку приходится передерживать в руках, да иногда еще по несколько раз, пока им найдешь место, а потом каждую из них вновь нужно разложить, расставить и все это самолично, потому что не на кого больше поверить. Голубка моя, ты говорила, что ничего не имеешь, чтобы остановиться по приезде в гостинице. Сообрази-ка теперь: сколько раз нам с тобою пришлось бы проделать эту отвратительную процедуру перекладки, перестановки вещей? Да и где хранились бы мои вещи, если бы я не оставил за собою квартиры?.. Наконец, я не хочу, моя дорогая, чтобы ты приехала на новое место жительства и принуждена была рыскать по городу (извини за крепкое словцо) отыскивать квартиру и устраивать ее, когда мне придется браться за работы. А теперь-то я на свободе это сделаю, - то, что тогда пришлось бы проделывать по необходимости. Да, и кроме того, у меня такая тоска по тебе, что (право!) могу делать только то, что связано с мыслью о тебе и твоих будущих нуждах. Ты советуешь мне гулять, отдыхать. Я пробовал, но тоска еще хуже. Я пишу тебе еще до переезда в квартиру, а перееду, - займусь установкою вещей, - тех, которые есть, кой чего подкуплю (смотря по своим маленьким ресурсам). Сделаю гардины на окна, т.е. занавесы, прикажу вымыть те, которые у меня есть, если только прачки согласятся приготовить все это к моему отъезду. Видишь, опять взялся за материальные заботы, - потому что не могу бросить того дела, которое начал, пока его не закончу. Да притом, - повторяю, - мне необходимо это: иначе я умру с тоски.... Если ты мое письмо получила днем раньше, не удивляйся этому, потому что это произошло случайно. Я в тот вечер очень скучал и отправился на вокзал к отходу почтового поезда и бросил прямо в почтовый вагон. А если бы я бросил в городе, то оно уже в тот поезд не попало бы, а попало бы в поезд только сутки спустя. Пришла просто фантазия так сделать, и письмо ты получишь днем раньше. Прощай, покойной ночи! Что же, видела меня тогда во сне и ссорились? 14 мая. Дорогая моя! на этой прошлой неделе по случаю я два раза танцевал у одних знакомых. Выдают дочь, и я, приходя к ним вечером, заставал несколько пар молодых людей, сам начинал изображать молодого человека и танцевать, чтобы среди общего веселья моя фигура не производила впечатления кислого состояния духа: над такою

Киев. 10 мая 1890 г.

Какая страшная возня с переменою квартиры, это просто ужас! Каждую книжонку, каждую поганенькую (извини за выражение) вещичку приходится передержать в руках, да иногда еще по несколько раз, пока им найдешь место, а потом каждую из них вновь нужно разложить, расставить и все это самолично, потому что не на кого больше поверить. Голубка моя, ты говорила, что ничего не имеешь, чтобы остановиться по приезде в гостинице. Сообрази-ка теперь: сколько раз нам с тобою пришлось бы проделать эту отвратительную процедуру перекладки, перестановки вещей? Да и где хранились бы мои вещи, если бы я не оставил за собою квартиры?.. Наконец, я не хочу, моя дорогая, чтобы ты приехала на новое место жительства и принуждена была рыскать по городу (извини за крепкое словцо) отыскивать квартиру и устраивать ее, когда мне придется браться за работы. А теперь-то я на свободе это сделаю, - то, что тогда пришлось бы проделывать по необходимости. Да, и кроме того, у меня такая тоска по тебе, что (право!) могу делать только то, что связано с мыслью о тебе и твоих будущих нуждах. Ты советуешь мне гулять, отдыхать. Я пробовал, но тоска еще хуже. Я пишу тебе еще до переезда в квартиру, а перееду, - займусь установкою вещей, - тех, которые есть, кой чего подкуплю (смотря по своим маленьким ресурсам). Сделаю гардины на окна, т.е. занавесы, прикажу вымыть те, которые у меня есть, если только прачки согласятся приготовить все это к моему отъезду. Видишь, опять взялся за материальные заботы, - потому что не могу бросить того дела, которое начал, пока его не закончу. Да притом, - повторяю, - мне необходимо это: иначе я умру с тоски.... Если ты мое письмо получила днем раньше, не удивляйся этому, потому что это произошло случайно. Я в тот вечер очень скучал и отправился на вокзал к отходу почтового поезда и бросил прямо в почтовый вагон. А если бы я бросил в городе, то оно уже в тот поезд не попало бы, а попало бы в поезд только сутки спустя. Пришла просто фантазия так сделать, и письмо ты получишь днем раньше. Прощай, покойной ночи! Что же, видела меня тогда во сне и ссорились? 14 мая. Дорогая моя! на этой прошлой неделе по случаю я два раза танцевал у одних знакомых. Выдают дочь, и я, приходя к ним вечером, заставал несколько пар молодых людей, сам начинал изображать молодого человека и танцевать, чтобы среди общего веселья моя фигура не производила впечатления кислого состояния духа: над такою

фигурою могли бы посмеиваться, как Аполонка Свистунов в «Дядюшкиной квартире» над фигурою своего приятеля. Завтра, оказывается, царский день и мне будет невозможно совершить переезда в квартиру, так что придется переезжать уже послезавтра (в Среду – 16-го). Прощай пока! Сейчас иду на экзамен, чтобы присутствовать при истязании бедных студентов по греческому языку. Затем останется еще 4 экзамена (28-го, 2-го, 6-го и 7-го).... Виделся с пиковою дамой; просила в первом же письме, которое буду посылать тебе, передать тебе свое почтение, или поклон, - что и делаю теперь, чтобы не забыть. Сегодня мне предстоит порядочная возня с размещением мелких вещей, которые нужно уложить так, чтобы дорогой ничего не разбить, не сломать и вообще не попортилось..... Окончить возню с укладкою мебели и всяких мелочей; книги прибраны: читать и писать нечего, потому что с работами, какие были, несколько разделался, остается беседовать с тобою, моя дорогая, - милая моя. (фрагмент вырван, поэтому дальше три строки идут обрывки фраз). (Возможно – Начну с того), что сообщу свой адрес. Киевнская (Воздвиженская) улица дом № 28. Теперь я буду (_____) ближе к Академии и к реке, в которой думаю купаться, хотя это и не так близко, как у Вас в Карачеве. Жара в Киеве стоит страшная, хотя только на солнце, а в тени бывает так холодно, что можно весьма опасно простудиться. Ночью при открытых окнах спать нельзя: необходимо или закрывать их, или спать под зимним одеялом. Дождей уже не было целую неделю, а потому сухо так, что дышать трудно. Единственное спасение от душного знойного воздуха в садах, которые освежают физически, и (если можно так выразиться) нравственно. Сегодня ночью очень плохо спалось: читал новую книгу Вестника Европы. Когда-то был очень хороший журнал. Теперь же стал очень тенденциозен: беллетристика a la Emile Zolas, а статьи публицистического характера с вечными довольно прозрачными намеками на дикость русской жизни. Сегодня такой прекрасный прохладный вечер, что, кажется, не ушел бы всю ночь из сада, если бы только было с кем разделить наслаждение лунною ночью. Деревья точно бриллиантами осыпанные дождевыми каплями (после обеда прошел сильный прибывший пыль дождь), сверкают при ярком лунном свете (вырвано; возможно: который) здесь имеет какую-то особую (вырвано; возможно: имеет для) нашей с тобою родины прелесть: точно громадный шар электрического, но не режущего глаза света катится над землею (впрочем, теперь это только полушарие). Будут ли такие лунные ночи с тяжелым сухим воздухом, когда я приеду, моя дорогая. Прощай, желаю тебе уснуть и встать с чувством отдохнувшей бодрой на всё хорошее и для борьбы против всего дурного силы, и с уверенностью, что около тебя всегда твой Аф (или Ф). Крепко целую тебя... Голубка моя! Отчего сегодня (среда 16-го мая) нет от тебя письма? Я не знаю, что и думать. Я перебрался в новую квартиру, думал, что на новоселье получу от тебя письмо и однако не получил: я искал его в Академии; думал, что ты по привычке написала старый адрес искал и на старой квартире, - нет нигде! Что это значит? Теперь я не буду спокоен, пока не разъяснится дело: - Отправив тебе письмо днем раньше, я ожидал, что и получу, может быть, днем раньше, - а вот оказалось, что не получил и в день, который обыкновенно я провожу в радости, получая, читая твои письма и составляя ответ на них. Больше писать не могу: прости, покойной ночи! Сегодня так переутомился с переездом и разысканием твоего письма, что совершенно потерял силу думать, писать, да и вообще что-нибудь делать. Твой Аф. 17 мая. Проспал ночь, как убитый, и, вставши, - первую мысль моею была

мысль о тебе, - сел писать. Напиши мне письмо по новому уже адресу, не забудь, - что мне очень трудно отыскивать твои письма, если они отправлены не так, как следует. Боже! а что если мое предыдущее письмо к тебе не дошло?! Там было много такого написано, что другим читать совершенно не следует. Да и странно было бы ему не дойти: я собственноручно опустил его в ящик почтового вагона в прошедшую среду (9 мая). Отчего бы оно могло не дойти? Да я думаю, что ты не утерпела бы и, не получая моего письма, начертила бы хоть несколько строк с вопросом: почему нет ответа от меня? С беспокойством ухожу в библиотеку и ожидаю двух часов пополудни, когда академический рассылный принесет корреспонденцию..... Прощай пока. Крепко целую..... И сегодня нет письма на Академию; посмотрю, не будет ли вечером на старой квартире? Я положительно не могу рук ни к чему приложить. Буду ждать еще: если я сегодня не отправлю тебе письма до 6-ти часов вечера, то ты его в субботу не получишь; или же получишь, но тогда я должен снова пропутешествовать на вокзал, чтобы опустить письмо в почтовый ящик..... Благодаря тому, что твое письмо не пришло ко мне, теперешнее мое письмо отличается сумбурным характером. Если тебе не было времени написать мне, то отчего ты не написала несколько хоть строк открытым письмом с извещением, что другое письмо придет тогда-то? А теперь я просто не знаю, что и думать: являются тысячи предположений о разных несчастиях и неприятностях, которые всегда возможны. Является только одно успокаивающее предположение, что ты с окончанием классных занятий выехала куда-нибудь из Карачева, - и письмо мое ждет тебя там, ждет, разумеется, и ответ, который я должен получить. Прости, что я так много обеспокоен по-видимому пустяками. Для меня это не пустяк: я теперь живу перепискою с тобою, - не будь ее, я не знаю, что и делал бы. Это письмо я принимался писать по крайней мере раз десять. Откликнись, отзовись, - и я буду вновь спокоен, вновь примусь за дела: я теперь хожу, как безумный: сегодня купил в лавке табаку и еще кой-чего; деньги заплатил, а покупку забыл взять. Что же дальше будет?! Сегодня (18 мая, пятница) тоже нет письма с почты; отправил поэтому открытое письмо, которое ты получишь в воскресенье (20 мая). Если пропало мое письмо, то еще можно объяснить тем, что оно было тяжелее, чем обыкновенно (три листа); но пропажу твоих писем можно объяснить или тем, что у Вас в Карачеве есть любитель чтения женских писем, или тем, что тот же господин любит собирать почтовые марки без клейма. Прошу тебя: посылай письма в штемпельном конверте и запечатывай их, как это делаю я, - и мое письмо еще ни одно не пропало!

19 мая. Воображаю, - моя милая, моя дорогая, - как ты обеспокоена сегодня тем, что не получила моего письма. Ты думаешь небось, что позабыл я о тебе, что не позаботился написать. Не думай, моя радость этого никогда. Я помню, я забочусь и результаты моей заботливости ты увидишь на деле. Я ежечасно думаю о тебе. Теперь прости! Не буду братья за перо до тех пор, пока не получу в ответ твоего письма. Прощай мысленно жму твои ручки, целую крепко и желаю тебе всего хорошего. Да! Скверно я проведу праздник Троицы, благодаря какому-то шелопаю не доставившему твоего письма ко мне или моего к тебе (?)...... 23 мая. Спасибо тебе, моя дорогая за письмо! Получил в новой квартире: это мне подарок на новоселье. Несомненно теперь, что твои письма пропадают в Карачеве, и я думаю, что опять письмо пропало, потому что захотели поинтересоваться тем, о чем может карачевская барышня

переписываться с профессором. Я ужасно недоволен этим обстоятельством и буду стараться наказать беззаконника. А пока он еще не наказан, то исполни мой совет о штемпелёванных конвертах и проси адрес подписывать кого-нибудь из братьев. Свидетельствую всем почтение, всех целую: я сегодня готов перецеловать весь мир. Новая квартира очень мне нравится. Твой А.

P.S. Напиши о себе поподробнее и об Оле.

Письмо № 25 от Аф. Ив. Булгакова к В. М. Покровской.
24 мая – 29 мая 1890 г. Киев – Карачев. На 8 страницах.
Отрывки публиковались в книге Е. Земской, с. 46-47.

К письму дан комментарий Н. Булгаковой-Земской в тетради: «Последнее письмо из Киева перед свадьбой. Говорится, что они родственники, но могут жениться, без разрешения, т. к. не кровные».

Киев, Подол. Видны корпуса Киевской Духовной Академии. Открытка конца XIX в.

В прошедшем письме я писал тебе, моя голубка, что очень доволен новой квартирой: не знаю, как она покажется тебе. Хозяева, кажется, тоже порядочные люди. Я теперь живу чисто бобылем, хотя и в семейной квартире. Обедать хожу к хозяевам (я почти никогда не ужинал и не ужинаю, со времени переезда в Киев, а особенно с того времени, как Папе запрещено ужинать), вечером чай пить тоже приглашают к себе; а утром прислуга их пронесит мне заваренный хозяйкою чай и чайник горячей воды, - и ... так я своего почти ничего не имею и ничего не покупаю; мне почему-то нравится такое житье-бытье: кажется потому, что свободно можно

отдаваться своим соображениям и планам относительно будущего нашего житья-бытья; ничем не стесняясь можно думать о тебе. Кстати: сколько раз ни приходилось мне говорить о прислуге, все хозяйки советуют привезти прислугу с собою с родины. Особенно одна, родом из Орловских говорит, что ей на первое время было очень трудно понимать язык здешних баб. В особенности, - говорят, - нехороша прислуга в нравственном отношении. Поэтому советуют привезти пожилую женщину, конечно опрятную в стряпне и мытье белья, словом жившую в приличном доме.

Дом на ул. Воздвиженской, 28, в котором родился М. Булгаков. фото 1990-х годов

Передай Маме слова эти (и поцелуй её от меня крепко). Ты пишешь, что не можешь два раза в письме повторять одно и то же; а просил бы тебя хоть существенную часть письма, пропавшего на почте, воспроизвести для меня. Я, кажется, мог бы написать вновь такое же, напр. письмо, как письмо 9-го мая. Потому что я пишу, всегда сообразуясь с тем, что получаю от тебя. Следовательно, мне стоит только взять письма, на которые я отвечаю, - и вновь получится письмо, подобное предшествующему. Разумеется, ускользнут отдельные выражения; разумеется, не будут повторены те факты, которые имеют только временное значение. Но общая часть письма, особенно того содержания, которое имеет значение раз навсегда, останется неизменною. Прощай пока: нужно идти в библиотеку Академии. Я писал тебе, что начну купаться в Днепре: но оказывается невозможно: последнюю неделю стоят такие холода, что приходится думать не об охлаждении или освежении, а о том, чтобы хорошенько согреться. 28 мая. Сегодня у нас торжественный экзамен в Академии с Митрополитом во главе. Утомил нас старик порядочно, да верно и сам утомился. Приехал к нам в половине первого и просидел на экзаменах до половины третьего, а потом за обедом в квартире Ректора до 5 часов: я вернулся домой с шумящей головой уже в ½ шестого и проспал до половины 8-го. Интересного из своей жизни тебе могу сообщить только то, что теперь я при чтении беллетристики получаю совершенно не то наслаждение, которое получал прежде. Мне открылся какой-то новый совершенно мир, новая сторона человеческих отношений, о которых я

прежде только подозревал, пожалуй, но которых не видел. А теперь, благодаря тебе, моя голубка, поэзия получила для меня особенный смысл, особое значение. Вообще я чувствую себя как-то по новому, как будто переродившимся или перерождающимся. Пожелай мне от души, от всей души, чтобы это перерождение проходило в лучшую сторону. Да я, впрочем, и не допускаю, чтобы под твоим влиянием что бы то ни было могло быть в другую сторону. Не подумай, что я хочу тебе говорить комплименты: мне подсказывает это мое нравственное чувство, - и я считал бы себя несчастнейшим человеком, если бы ошибся в показаниях этого чувства. А как еще много у нас не переговорено с тобою?! И как много вопросов, данных мною тебе, ты оставила без ответа? Но я писать уже теперь не буду, потому что скоро-скоро уже то время, когда мы будем иметь возможность говорить с тобою непрерывно, - и не письменно, а лично задавать друг другу вопросы и получать на них ответы. Прости, моя дорогая!

Киев, 1890 г.
24 мая.

Въ прошедшій вечеръ я писалъ тебѣ, моя голубка, что очень доволенъ новой квартирой; незнаю, какъ она покажется тебѣ. Позжева, начнется, тоже пора-дожное люди. Я теперь живу чисто божественно, хотя и въ семейной квартирѣ. Обѣдать хочу къ Калеванъ (я почти никогда не ужиная и не ужинаю собре-мени переклада въ Киевъ, а особенно въ то время-ны, какъ Бланъ дарацко ужиная.) Вечеромъ чай пить тоже приглашаютъ къ себѣ; а утромъ при-

Это письмо ты должна получить 2-го июня, и кажется, что оно будет последним. Я буду стараться получить отпуск 7-го и девятого (суббота на следующей неделе) постараюсь приехать к тебе! Если же почему-нибудь будет нельзя, то напишу. Крепко целую..... впрочем ты, моя голубка, не ленись ответить на него: ведь в среду, 6 июня я еще буду в Киеве, и если не получу твоего письма, то буду терзаться и в Киеве, и в дороге, и в Орле. 29 мая. Сколько раз приходилось и читать, и слышать в разговоре, что ужасно страшно бывает вступать в новую жизнь, т.е. начинать жизнь семейную: я почему то не могу представить себе причины этих страхов. Отчего это зависит, я положительно отказываюсь объяснить. Я почему то так тягочусь одиночеством, что положительно в иные минуты с ума схожу от этого одиночества; я чувствую потребность говорить с кем-нибудь, мыслить вслух, но так, чтобы мысль твою кто-нибудь слышал, чувствовал и сочувствовал, - вот в эти то минуты и чувствуешь всю тяжесть своего одиночества. Ведь голые стены только вокруг тебя, да равномерный стук часов, наводящий тоску на-душу. Вот когда душа рвется к тебе, моя дорогая, вот когда хочется видеть тебя, слышать твое «да» и видеть, что это «да» светится в твоих глазках. Что бы я не отдал тогда, чем бы не пожертвовал за момент такого свидания с тобою... Прости пока, желаю тебе покойной ночи, моя дорогая, желаю тебе также и сегодня увидеть во сне так, как видел тебя вчера. Нужно теперь

приготовить отчеты за прошлый год и составить списки студентов, а то ректор воспротивится моему отъезду раньше срока, т.е. раньше окончания мною этих дел...

30 мая. Вот уже никак не ожидал такого скандала! Лег спать в ½ двенадцатого, - теперь уже заканчивается четвертый, а я еще, как говорится, и одним глазом не заснул; 4 ½ часа проворочаться с открытыми глазами, - ведь это ужасно, не правда ли?! Впрочем, все это время думал о тебе и о нашей будущей жизни. Так что если не увидел тебя во сне, то, по крайней мере, не расставался мысленно с тобою. Интересно было бы знать для подтверждения теории (видеть во сне другого значит, что он в это время о тебе думает), видела ли ты меня во сне в эту ночь (с 29-го на 30-е).

Сегодня ожидаю твоего письма ко мне и поэтому до прихода почтальона буду в хорошем настроении духа; но будет двойной скандал (бессонница первый), если еще раз пропадет твое, моя голубка, письмо. Я не знаю, что тогда будет со мною. Пока прощай... Жду, крепко целую... Ну слава Богу! получил твое письмо и немного легче стало на душе. Я тебе уже прежде (осенью, в одном из самых первых писем) писал, что тебе легче все-таки должно быть в часы скуки, потому что около тебя есть люди, с которыми можно делить и радость и горе, если не вполне то хоть отчасти, а мне действительно не с кем. Относительно разрешения на брак я тебе давал знать не с тем, чтобы убеждать Папу своего или твоего не требовать разрешения: в Орловской губернии нельзя без этого обойтись. Я это писал собственно для тебя, потому что когда я заговорил с тобою о браке, то ты все твердила, что мы – родня с тобою. Я буду просить разрешения: это мне стоит только 80 копеек (не думай, что я дорожу ими настолько, что считаю нужным упомянуть), но дело вот в чем: Архиерей может заставить меня покраснеть, когда скажет: «Как же это Вы не знаете, что браки подобного рода Синодом разрешены уже 20 лет тому назад». Впрочем все это пустое, теперь у тебя по крайней мере, есть возможность отговорок от навязчивых кумушек, которые всегда сомнительно «покивают головами своими», когда приходится чесать язычки по поводу родственных браков. Когда я приеду, я уже тебе написал, более подробно напишу тогда, когда сам определенно об этом узнаю. Теперь же знаю только то, что меня ректор отпустит или 7-го, тогда я 8-го буду в Орле, а 9-го.... или же меня задержит он до конца советов, которые растягиваются после экзаменов приблизительно на неделю. В последнем случае я извещу тебя еще раз, а в первом вместо ответного письма постараюсь приехать сам.... Открытые письма хорошо посылать тем, что они никогда не пропадают, - а писать в них можно все в таком тоне и такими выражениями, что это понятно будет только тому, кто и кому пишет и пишут. Немножко обидно мне показалось, что изо всех моих слов, которые я пишу тебе, ты веришь только многому. Почему же это не всему? Разве я когда-нибудь дал повод к тому, чтобы что-нибудь сказанное мною оказалось не верным? Ну, да ладно! Когда приеду я посчитаюсь за это с тобою. Кстати и любящие братцы сообщат мне то, что они когда-то собирались сообщить. Под председательством Миши откроем суд; я обвинитель. В адвокаты допускается **Кэтти**, - так это и знай и приготовься к защите. Ну прощай, моя радость. Заболтался. До скорого свидания. Поклон пиковой даме передам, когда увижу. Она очень редко встречается со мною теперь, да и вообще я отстал как-то от знакомств за делами. Поцелуй от меня Папу и Маму; передай поклон

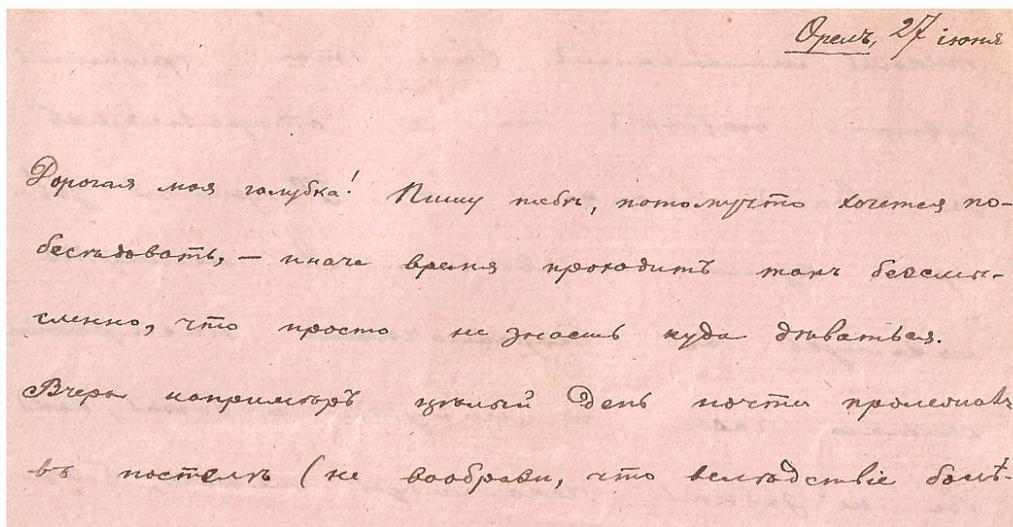
братьям по мере того, как они будут приезжать. На сокращение брачных церемоний я совершенно согласен. Только хотелось бы подольше пробыть вне Киева. Твой А.

Письмо № 26 (с конвертом) Аф. Булгакова к В. М. Покровской.

27 июня 1890 г. из Орла в Карачев. Предсвадебное.

Конверт со штемпелем и печати с датами 27 и 28 июня 1890 г.

Не публиковалось.

Дорогая моя голубка! Пишу тебе, потому что хочется побеседовать, - иначе время проходит так бессмысленно, что просто не знаешь куда деваться. Вчера, например, целый день почти пролежал в постели (не вообрази, что вследствие болезни, а так себе: жарница невозможная, - в самом минимальном костюме обливаешься градом пота); чтение никакое не идет в голову; писать негде пристроиться с удобствами, которые необходимы для того, чтобы из письма что-нибудь вышло. Нужно еще кое-что приготовить к свадьбе, а идти в город, - и помыслить трудно. Зато отоспался за всё недоспанное в прошлом время. Вечером вчера однако, выбрался в город и посмотрел, между прочим венчальные свечи. Напиши мне, какие ты хочешь иметь с большим ли бантом и цветком или с большим цветком и бантиком маленьким. Если ты пришлешь завтра ответ, то я отправлюсь за твоим заказом к Куприной завтра, куплю и свечи..... Я почему-то нахожусь в безразличном настроении, считаю часы и минуты и боюсь, как бы не забыть чего-нибудь такого, без чего нельзя обойтись во время свадьбы: это будет порядочным скандалом. Главное: будет стыдно, что раз в жизни не можешь обойтись без того, чтобы чего-нибудь не перепутать и не упустить из виду. Дома у нас теперь настоящее нашествие галлов по случаю приготовлений; воображаю, что происходит у вас. Напиши мне, пожалуйста, вот о чем. Перед свадьбою девицы прикалывают шаферам цветы. Есть у Вас они или их нужно привезти с собою? Этим я пока и ограничиваюсь в своих вопросах. Писать о чем-нибудь серьезном, кажется, нет нужды: увидимся, переговорим; главное уже переговорено. Мне кажется, что ты уехала с недовольным против меня чувством, и я нахожусь в неизвестности относительно того, верно ли мое предположение, или нет. Если верно, то прости меня за то, что я мог сказать или

сделать тебе обидного; я постараюсь загладить в будущем все свои грехи; я привыкну вести себя в отношении к тебе так, что не будет причин к недовольству мною..... Дядя Николай Ферапонтович шлет мне и тебе поздравление; на свадьбу приехать не может; просит чтобы ты прислала ему свою парную карточку..... Будь здорова, по возможности легче принимай к сердцу то, что может представиться неприятного, особенно в тех случаях, когда видишь, что тебя не понимают, когда у тебя являются резкие порывы ответить на это непонимание недовольством. Выходит в итоге только новое затруднительное для обеих сторон непонимание, соединенное с чувством недовольства одной против другой. Ломать голову над будущим некогда, да и совершенно бесполезно, потому что в редких случаях его можно исполнить по-своему. Но к нему всегда можно относиться по-своему. Прости, до скорого свидания; дай Бог, чтобы оно было приятно. Станет тяжело, - вспомни обо мне, - вспомни, что я всегда помню о тебе. - Твой Ф.

А. И. Булгаков и В. М. Покровская 1890 г.
Архив Литературно-мемориального музея М. Булгакова в Киеве

Знакомство

Свадьба Афанасия Ивановича Булгакова и Варвары Михайловны Покровской состоялась 1 июля 1890 года. В Приглашении на свадьбу говорится о бале в честь новобрачных в собственном доме Покровских в 8 часов и о венчании в Казанской церкви в 6 часов вечера.

Подробностей практически нет. Только из переписки накануне свадьбы становится ясно, что провести ее было запланировано скромно. В последнем письме перед свадьбой А. Булгакова (№ 26) говорится об ужасной жаре, которая стоит в Орле, о последних хлопотах: *«Вечером вчера однако выбрался в город и посмотрел между прочим венчальные свечи. Напиши мне, какие ты хочешь иметь с большим ли бантом и цветком или с большим цветком и бантиком маленьким. Если ты пришьешь завтра ответ, то я отправлюсь за твоим заказом к Куприной завтра, куплю и свечи»*. И дальше: *«Напиши мне, пожалуйста, вот о чем. Перед свадьбою девицы прикалывают шаферам цветы. Есть у Вас они или их нужно привезти с собою?»* И в конце последнего письма (№ 25) из Киева в Карачев перед отъездом в Орел А. Булгаков пишет: *«На сокращение брачных церемоний я совершенно согласен. Только хотелось бы подольше пробыть вне Киева. Твой А.»*

Фотографий жениха и невесты в день свадьбы нет, нет парного портрета, только портретные фото молодых с подписями «невеста», «жених», которые были опубликованы в книге Е. А. Земской «Михаил Булгаков и его родные». Здесь публикуется другое фото жениха.

История отношений началась задолго до свадьбы. Первое знакомство состоялось в 1886 году, когда Варя Покровская была еще гимназисткой, а Афанасий Булгаков – выпускником КДА. Причем первая встреча не обещала романтических отношений. Воспоминания об этом есть в письмах обоих:

«Воскресло в памяти и время первого знакомства с Вами, и отдельные случаи того, как мне приходилось видаться с Вами то в Брянске, то в Карачеве. Припомнилось и то, как мы рассматривали вместе альбом Ольги Михайловны и Владимира Ивановича²⁹ и т.д.... Припомнил я и слова, сказанные одним из Ваших братьев «на цензуре» про Вас, - слова: «И любит и любима». Что было за тем, я с трудом припоминаю. Помню только, что в этот период я писал сочинение, печатал его, ездил в Киев, переехал туда совершенно жить, словом помню, что в этот период я старался перестать думать о Вас и около 3 лет не был в Карачеве и Брянске. <...> было время, когда я боролся с собою, – и особенно трудна эта борьба была для меня осенью 1888 года. <...> Конец всякой борьбы и всяким недоумениям наступил, – только что я вновь приехал на родину, и вновь представилась возможность увидеть Вас совершенно в прежнем виде, т.е. свободною, веселою, хотя значительно

²⁹ Ольга Михайловна – старшая сестра Варвары Покровской; Владимир Иванович Попов – ее муж.

выросшую в общественном отношении (прежде я знал Вас ученицею, теперь встретил девушку-учительницу, такую же взрослую и умственно и нравственно, как моя сестра Лена); радость, чистый восторг были следствием этой последней встречи на каникулах. Я хотел, чтобы время нашего свидания тянулось как можно дольше, несмотря на то, что в планы моей каникулярной прогулки входило объехать чуть не половину северной России. Вы уже знаете, чем окончились все мои планы и предположения: большую часть своих каникул я провел около Вас. Судите сами теперь, что я должен был пережить и перечувствовать, когда Вы стали откладывать свое решение до неопределенного времени: плохо я провел по тому и осень 1889 года; но только уже совершенно по другой причине, чем осень 1888 г.»³⁰

В ответном письме³¹ Варвары Покровской есть интересное признание:

«Этим летом и осенью я выдержала борьбу. От чего происходила эта борьба, рассказывать долго: здесь играли роль и мои отношения к тебе, и мои отношения к другим. <...> теперь борьба эта уже кончена, и для меня все ясно. Знай и ты, что все мои симпатии принадлежат тебе, мой дорогой, мой милый! Вспоминается мне сейчас, каким странным чувством начиналась моя симпатия к тебе, чувством почти враждебным, желанием показать, что я знать тебя не хочу. Тебе это странно? А мне сейчас это смешно.<...> Я спросила: «всегда ли ты помнил меня?». И получила в ответ, что был период (осень 1888 года в особенности), когда ты, если не забыл меня совершенно, так и не помнил или не старался помнить. Причину этому ты ясно не сказал, но я поняла твои намеки так, что причина этому была другая привязанность – так я поняла тебя?»

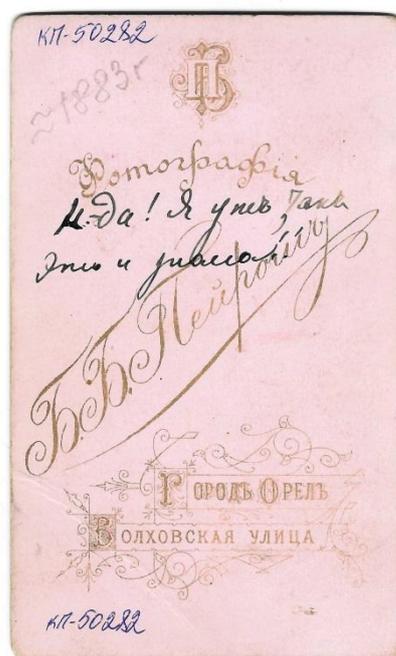

Фото Варвары Покровской-гимназистки, на обороте которого спустя годы Варвара Михайловна Булгакова написала: «М-да! Я уж так это и знала»

³⁰ Письмо АИБ № 11.

³¹ Письмо № 1 ВМП от 5 февраля 1890 года.

И в следующих за этим письмом ответных строках А. Булгаков признается:

*«<...> я думал, что ты никогда не ответишь мне взаимностью, что ты не согласишься быть моею, когда на каникулах получил твой неопределенный ответ. Мне показалось тогда, что ты смотришь на меня с сожалением и боишься огорчить меня категорическим ответом. <...> Ты писала мне в одном из предыдущих писем, что твое чувство ко мне началось почти враждебным против меня настроением. Но ведь этого враждебного настроения тогда, т. е. на прошлых каникулах уже не было? Да! Оно было когда-то раньше! А когда, - я совершенно тоже не знаю; я только помню, что мы постоянно грызлись друг с другом (говоря по-иностранному пикировались «*pous avons pous riqie*»). Мне всегда хотелось тебя убедить в справедливости своих слов, и я злился, когда это не удавалось».*³²

Итак, первая встреча состоялась в 1886 году, потом в 1888 году у Афанасия Булгакова была другая привязанность, по его словам, не вытеснившая из памяти милый сердцу образ. Из содержания второго письма Аф. Ив. ясно, что в течение учебного года 1888-1889 они дважды встречались: «<...> чувство, которое побудило меня: два раза приехать к Вам на каникулы прошлого года (разумею учебный год), начать с Вами переписку». Во время учебного года каникулы были Рождественские и Пасхальные. В тот год Варвара Покровская служила в Брянской гимназии. В ее апрельском письме есть воспоминание о совместных летних (1889 г.) прогулках в окрестностях Брянска.³³

Из письма (№ 11) самого Аф. Ив. следует, что каникулы 1889 года он провел почти все время рядом. Но как? Каким образом? Некоторый свет на эти события проливают Записки Шурочки³⁴ – младшей сестры Варвары Покровской: «При моем переходе из 3-го в 4-й класс на каникулах приехал к нам из Киева дальний родственник – доцент Киевской академии. Это было очень веселое лето. Огромной компанией ездили в Брянск на неделю справлять именины сестры и зятя³⁵, и оттуда в Бел.[ые] Бер.[ега], где безобразничали так, что надо только удивляться, как монахи допускали это, но зато весело было очень. Ночей буквально не спали и ели почти впроголодь, так как провизии на такую огромную компанию хватало очень на немного и все-таки все были веселы, бодры и неутомимы. Оттуда опять все в Карачев. Но тут уж и я заметила, что отношения приезжего знакомого и сестры не такие обыкновенные и простые, что они оба как-то постоянно заняты только друг другом и в прогулках все отстают. Но особенно мне памятна ночь в Брянске на балконе, когда мы все досидели до солнечного восхода, я видела, что сестра как-то растеряна, а вместе с тем и вся сияет. Но я только все это заметила, а вывода сделать никакого не сумела. Осенью я видела, что сестра получает письма, кроме своей обычной переписки, потому что всегда волновалась, схватывала письмо и уходила читать к себе в комнату. Но все-таки я узнала почему-то, что эти письма из Киева. На Святках опять приехал Аф. Ив. И под Новый Год, во время шампанского они были объявлены женихом и невестой. Помню, что это был очень веселый ужин и потом много безобразничал Миша, но на меня эта новость особенного

³² Письмо АИБ № 14.

³³ Письмо ВМП № 8 (20 апреля 1890 г.).

³⁴ Земская Е. Михаил Булгаков и его родные. Записки Шурочки Бархатовой. С. 37.

³⁵ Именины Ольги 12 (24) июля и Владимира 15 (28) июля.

впечатления не произвела. Свадьба была отложена до лета и пока, кроме домашних, никому не объявляли новости. К Пасхе опять приехал Аф. Ив. Как раз в Страстную пятницу к самой приборке мама не знала, куда его выпроводить из комнат. Они оба были довольные, сияющие и в семье особенное носилось настроение праздничное, но мне и Любе³⁶ Аф. Ив. не особенно нравился и мы больше от него удирали».

Теперь понятно, что в лето 1889 года, возможно на том самом балконе, в ночь перед рассветом состоялось признание и предложение руки и сердца, но Варвара Покровская не дала окончательного ответа и предложила вести переписку... И вот эти письма, из которых сохранились не все, она хранила потом долгие годы после ранней смерти мужа, а уже спустя двадцать лет после смерти самой Варвары Михайловны их перечитывала ее дочь Надежда Булгакова-Земская и пронумеровала, систематизировав по датам.

В 60-е годы в своих воспоминаниях о Михаиле Булгакове она скажет, что отца дети знали мало, – он все время работал. И эта предсвадебная переписка родителей стала для нее тоже своеобразным знакомством с прошлым и многое прояснила.

Потом ее дочь Елена Андреевна Земская, учитывая проделанную матерью систематизацию всего архива Булгаковых и Покровских, уже в конце своей жизни опубликует книгу «Михаил Булгаков и его родные». Но, к сожалению, переписка перед свадьбой опубликована не полностью. Поэтому мы восстанавливаем историю знакомства и вспыхнувших чувств Вар. Мих. и Аф. Ив., выстроив их переписку как диалог (с учетом конвертов, письма которых не сохранились).

Переписку предложила вести Варвара Покровская. Об этом говорится в письме Аф. Ив. (№ 2):

« <...> сказали, что хотите вести переписку, чтобы познакомиться со мною больше. Я и тогда писал, и теперь повторяю, что переписка для этого плохое средство. Скажу Вам откровенно, что я именно таков, каким Вы меня знаете, и в гостях, и дома (у родных), и в письмах, и в своей квартире <...> не с тем, чтобы похвастаться хорошим отзывом, которого Вы и проверить не можете теперь, а только подкрепить ту долю хорошего мнения о себе, которая в Вас есть, и ослабить те дурные черты, которые – я думаю – Вы тоже старались подметить <...> Я думаю, что переписка наша, и причина, побудившая нас к ней, уже не секрет для домашних Ваших: Вы говорили о ней Маме своей, и она – вероятно – поделилась с Папою, которым я шлю поклон и привет».

Письма самой Варвары Покровской до помолвки не сохранились, но отосланные к ней строки писем Аф. Ив. дают нам некоторые интересные сведения:

«<...> что удерживает Вас от окончательного ответа? Вы хотите отложить его до личного свидания со мною <...> уже наступают рождественские каникулы, в которые без всяких затруднений можно получить отпуск и приехать к Вам. Я с удовольствием, с радостью полечу к Вам, если Вы захотите этого, если Вы дадите мне надежду на то, что ответ Ваш будет утвердительный. Но было бы жестоко с

³⁶ Люба – племянница Шурочки, дочь старшего сына Покровских – Василия.

*Вашей стороны требовать от меня, чтобы я приехал к Вам за получением отрицательного ответа. Я сказал Вам всё, что давно хотел уже сказать. Вы не поверите, как это трудно: у меня от волнения рука едва держит перо».*³⁷

Перед важным в своей жизни шагом девятнадцатилетняя девушка задумывается о многом, ее письма к Аф. Ив. направляют и его мысли в то же русло:

*«Я вполне согласен, что поспешность в действиях бывает причиной многих неприятных последствий, а в настоящем случае более всего: здесь поспешность просто преступна. Но вместе с тем в настоящем случае меньше чем где-нибудь возможна полная осмотрительность и предусмотрительность <...> По этой причине я откладывал так долго возможность переговорить с Вами: я старался испытать себя, испытать жизнь в Киеве и только 4 почти года спустя после школьной скамьи сделал то, что другой на моём месте сделал бы может быть гораздо раньше. Мне кажется, что я буду счастлив с Вами; но Вы будете ли счастливы, это решать не мне; я, разумеется, все силы и старания приложу для этого. Но для этого мне нужно знать, в чём Вы полагаете своё будущее счастье, чего Вы ждёте от жизни. <...> возможно ли будет осуществление Ваших мечтаний о счастье в тех условиях или рамках, в которые я поставил бы Вас в Киеве»*³⁸.

Письма перечитываются не один раз. Дни отправки и получения, а за этим дни, когда пишется ответ и получение ответа высчитываются, не дают покоя. Письма составляют основу существования:

*«Нельзя говорить с Вами лично, начал говорить письменно: достал из кармана всю пачку Ваших писем ко мне (они всегда со мной) и стал их перечитывать (не знаю уже в который раз)».*³⁹

*«Однако как мы избаловали друг – друга перепискою! Представь: я сегодня все утро (до обеда) просидел дома, даже в церковь не пошел, прислушиваясь к малейшему шороху за входною дверью в ожидании твоего письма. Я был уверен, что ты, моя радость, не отложишь ответа своего дальше, как на второй день по получении моего письма, которое ты должна была получить в среду на прошедшей неделе, а следовательно ответа я должен ждать с воскресною почтой».*⁴⁰

С первого сентябрьского послания Аф. Ив до декабрьских писем тон меняется: настойчивость и обреченность в случае отказа преобладают, а затем сменяются надеждой и воспоминаниями о вместе проведенном времени. После Рождественской встречи и помолвки радость переполняет содержание его писем и доверительность все время растет. В переписке затрагивается круг важных вопросов, находятся общие интересы, увлечения. Любое событие, описанное в письме, дает новую тему для разговора в письме.

«Из некоторых неполных намеков твоего письма видно, что в общей истории нашей внутренней жизни до наших последних свиданий совершенно одинакова. Я

³⁷ Письмо АИБ № 2.

³⁸ Письмо АИБ № 3.

³⁹ Письмо АИБ № 11.

⁴⁰ Письмо АИБ № 14.

пережил борьбу (в чем она состояла, это описывать долго); ты тоже пережила борьбу и тоже не хочешь описывать ее на бумаге. Надеюсь при будущем свидании рассказать тебе всё, как можно яснее, надеюсь, что и ты сдержишь свое обещание. Впрочем я не хотел бы вовсе, чтобы такого рода разговоры походили на то, что мы испытываем жизнь друг друга <...>.

*Тебе только, - тебе одной, - я рассказывал всё это. Предупреждаю и тебя, что всё, что ты ни пишешь, ни говоришь, я никому не прочту, ни расскажу».*⁴¹

*«Самый факт получения твоего письма привел меня уже в хорошее настроение, а когда с жадностью прочел его содержание, то веселость приняла довольно опасные для того дивана, на котором я сидел, размеры.- Вновь мне приходится просить тебя, чтобы ты писала не стесняясь всякую свою мысль. Голубонько моя кохана! Никогда я не осмею ничего, никогда не задумаюсь сказать тебе правду, или то, что думаю. Если какая мысль мне покажется странною или несоответствующею тому представлению, которое у меня к тебе составлено, то я прямо попрошу тебя объяснить мне свою мысль....Надеюсь и от души желаю я видеть всю твою душу. Ведь она чиста, ясна, как майский день, как ясны твои глазки. Ах как я люблю смотреть в них! И как хотелось бы мне взглянуть на них разок – другой и поцеловать их! Я сам боюсь, что моя душа не так чиста, как ты себе ее представляешь: я хочу сказать, что она не всегда настойчиво заставляет меня делать то, что хотелось бы; что я иногда поддаюсь тому, чему не нужно было бы поддаваться, но я рассчитываю, что найду в тебе строгого критика моих душевных движений и происходящих от меня деяний».*⁴²

Следует отметить, что родители будущего писателя умели образно описывать события и передавать свои чувства на бумаге. Их письма – прекрасный образец эпистолярного жанра. Такие же насыщенные, словно живые беседы, будут письма не только М. Булгакова, но и всех их детей в дальнейшем.

Переписка становится и своеобразной поддержкой друг друга в жизненных испытаниях. В конце января Афанасий Иванович приезжает к заболевшему отцу в Орел. Тревога о здоровье отца вознаграждается хотя и коротким, но все же еще одним свиданием с невестой. Потом после Масленой недели случился приступ астмы у отца Варвары. Мудростью, сочувствием и уважением к главам семейств наполнены строки письма Афанасия Ивановича к невесте.

Письма целый год связывали души, вызывали на откровенный разговор, были способом признаний.

Практически в одновременно составленных письмах сквозят схожие настроения и чувства, словно на одной нити уже держатся две судьбы:

«14 марта. Дорогой мой! Сажусь сейчас писать тебе и думаю: как хорошо, что есть у меня человек, с которым можно поговорить, с которым хочется всегда

⁴¹ Письмо АИБ № 12.

⁴² Письмо АИБ № 14.

поговорить, и который сам снисходительно прочитает мои письма, иногда писанные под влиянием минуты, иногда наполненные почти детской болтовней. Пишешь ты, что чувствуешь, что я в своих письмах посылаю частичку души своей. Да я и сама теперь все яснее чувствую, как все глубже и глубже привязываюсь к тебе, как все ближе и ближе становишься ты мне, как мои мысли постепенно сходятся все к одному и тому же предмету и какое одностороннее направление получают. Теперь о чем бы я не стала думать, все сходится к одному центру, все рассматривается и чувствуется по отношению только к одному чувству.

Не для того только, чтобы утешить тебя, писала я, что счастлива твоей любовью, а потому, что это действительно так: теперь это служит содержанием моей внутренней жизни. Случаются иногда минуты, когда находишься среди людей, с которыми не имеешь ничего общего, иногда же возмутишься за что-нибудь против них, и почувствуешь себя одинокой, но сейчас же скажешь себе: нет, есть человек, который дает мне право не считать себя одинокой, у которого я могу найти поддержку, когда буду в ней нуждаться. Правда, далеко он! Но неужели не чувствует он, как точно нити какие привязывают меня к нему, неужели не поймет этого? Нет, быть этого не может. И тогда так легко станет на душе, снова возвратится бодрость, энергия, уверенность в себе.

Посмотришь на этих людей и усмехнешься про себе думая: «нет мне до вас никакого дела, ни на что все мне не нужны, мне и без вас хорошо». Дурно, эгоистично, не правда ли? Ведь ты строг к другим, следовательно будешь таким и ко мне. Но кончу пока».⁴³

15-19 марта 1890 года. Киев – Карачев⁴⁴

«Крепко, крепко целую тебя, моя радость! Едва оторвался от разных обязательных и необязательных работ, чтобы черкнуть тебе две-три строки, потому что ты сегодня получила мое письмо, читаешь его, - мысленно беседуешь со мною: захотелось и мне сделать то же (писать и беседовать)...

А теперь вот что буду писать. У нас так тепло, что приходится ходить в том костюме, который я обыкновенно ношу летом. А что же будет летом? Я прихожу в ужас, когда приходится отвечать на этот вопрос. Днепр вскрылся, некоторые дни шел лед, а теперь только изредка плывут льдины, среди которых уже и теперь началось шныряние маленьких пароходиков, барж, лодок и тому подобных орудий плавания по водам. Трава в садах и городских скверах начинает принимать темно-зеленый весенний оттенок, хотя дорожки еще грязноваты для прогулок; на солнечных сторонах улиц приходится пускать в ход разные parasols и parapluies, чтобы не «взопреть, как мыши» (а не правда ли? Хорошая выходит «смесь французского с нижегородским»?) Люблю я Киев весной, только всегда страшно тоскую в одиночестве, когда видишь всюду веселые лица, всюду слышишь

⁴³ Письмо ВМП № 5.

⁴⁴ Не публиковалось.

оживленный говор и чувствуешь, что никуда-то ты не можешь главы приклонить; что вся эта смеющаяся, гомонящая толпа чужда тебе и не имеет до тебя никакого дела. Уйти хочется куда-нибудь; но куда? Она всюду тебя настигнет. Скроешься в комнату, и туда сквозь окно проскользнет радостный луч весеннего солнышка, а в открытую форточку влетит звук того же веселого смеха и говора, который так характерно звучит весною и ни в какое время больше. А ты сидишь и пред глазами мелькают строки, буквы, цифры, часто не оставляя в голове никакого впечатления..... Скверно тогда на душе бывает».⁴⁵

Порой в своих письмах Аф. Ив. сетует на свою судьбу. А в ответ читает:

«если ты в самом деле мало радостей видел в жизни, это только лишний повод к увеличению симпатии к тебе».⁴⁶

После свидания во время Пасхальных каникул, письма становятся еще более откровенными. Это было уже третье короткое свидание в течение переписки:

7 апреля 1890 г. Орел – Карачев.

«Дорогая моя голубка, радость моя! Благополучно я добрался до Орла, где нашел все в сравнительном тоже благополучии. Как я чувствовал себя, трудно представить. Мне было и приятно и вместе с тем как-то больно. Приятно было переживать воспоминаниями дни, проведенные с тобой, больно было потому, что надолго придется расстаться с тобою. Ты спрашивала: буду ли я о тебе думать; теперь могу тебе сказать, что я все время думал непрерывно о тебе и о всем, переговоренном с тобою. Думаю и теперь, буду думать и дальше. Теперь направление моих мыслей в отношении к тебе стало несколько не такое, каким было раньше. Безграничная вера в тебя заменила мне все прежние страхи и сомнения, которые были навеяны отчасти глупыми разговорами глупых сплетников, любящих вмешиваться во все, не имеющее к ним никакого отношения. Ты простишь меня, - разумеется, - за эти страхи и сомнения. Вот хотя мы и давно знакомы, но сравнительно мало знаем друг друга, и сближаясь, - естественно, - должны были обнаружить некоторую недоверчивость друг к другу. Эта недоверчивость высказывалась и с моей и с твоей стороны.... От души желаю, чтобы и ты пришла к тому же радостно-спокойному состоянию духа, которое даст возможность оставшееся время разлуки дожить тебе без горя и страданий, без скуки в надежде на невозмутимое счастье, которое, - я в это непоколебимо верю, - начнется для нас с того времени, как мы станем жить вместе. Ты хочешь, чтобы я любил тебя душою. Мне кажется, что никому никогда я не отдавал своей души так полно и так всецело, как тебе. Я говорил тебе, что поддался было кокетству одной девицы в запрошлом году. Но скажу тебе, что она никогда не могла вполне изгнать из моей души памяти о тебе, - верь мне в этом безусловно. А теперь твой образ замещает все мое внутреннее существо: теперь в душе моей нет места никому...»⁴⁷

⁴⁵ Письмо АИБ № 15.

⁴⁶ Письмо ВМП № 11.

⁴⁷ Письмо АИБ № 18.

Есть в этой переписке будущих родителей М. Булгакова и замечательный юмор:

«Все таки думала и думаю о тебе, оттого ты и видел меня во сне. Ты же никогда, никогда не думаешь обо мне, потому что я редко вижу тебя во сне; а иногда увижу во сне и поссорюсь....»

И в конце письма: *«Сегодня постараюсь увидеть тебя во сне и не буду ссориться. Желаю тебе всего хорошего, мой милый. Твоя В.»*⁴⁸

И ответы Аф. Булгакова:

*«Ты со мною ссоришься во сне? Отлично, значит, меньше будем ссориться наяву!»*⁴⁹

*«Что же, видела меня тогда во сне и ссорились?»*⁵⁰

Так знакомые-незнакомцы, не смотря на расстояние, редкие встречи, всевозможные препятствия, неожиданные превратности судьбы, с помощью букв, точек, запятых, вопросительных и прочих знаков препинания, связали свои судьбы, сделали жизненно важный выбор, как это случилось за сорок лет до их свадьбы с Оноре де Бальзаком и Эвелиной Ганской, эпистолярный роман которых длился целых десять лет.

Книги

Перечитывая письма будущих родителей Михаила Булгакова, невольно ловишь себя на мысли, что в этой семье не случайно родился смысленный мальчик, который уже в четыре года бегло читал, а впоследствии стал всемирно известным писателем. Все дети Булгаковых любили читать, бережно относились к книгам, называя их «папины сокровища».⁵¹ В своих воспоминаниях о Михаиле Булгакове его сестра и первый биограф Н. А. Булгакова-Земская скажет: «В семье все очень много читали».⁵²

Книги для Афанасия Булгакова и Варвары Покровской до свадьбы составляли часть жизненного пространства, о них говорили, обсуждали написанное, читали вслух, мыслили и совершали поступки, невольно сравнивая свои жизни с литературными героями. Наконец, умели точно и образно выразить на бумаге и, конечно же, в разговоре свои мысли и чувства.

Безусловно, в семье Булгаковых отношение к книгам, и восприятие мира во многом шло от мамы – первой Воспитательницы в семье. Скорее всего, это она придумала для своих маленьких детей такое сказочное и приключенческое выражение, которым называли книги: «папины сокровища»! Разрисованные красками, тушью, чернилами, вишневым соком изразцы печи в романе «Белая гвардия» – тоже дань терпению и маминой выдумке

⁴⁸ Письмо ВМП № 11.

⁴⁹ Письмо АИБ № 23.

⁵⁰ Письмо АИБ № 24.

⁵¹ Н. А. Булгакова-Земская «Дневник» с. 925.

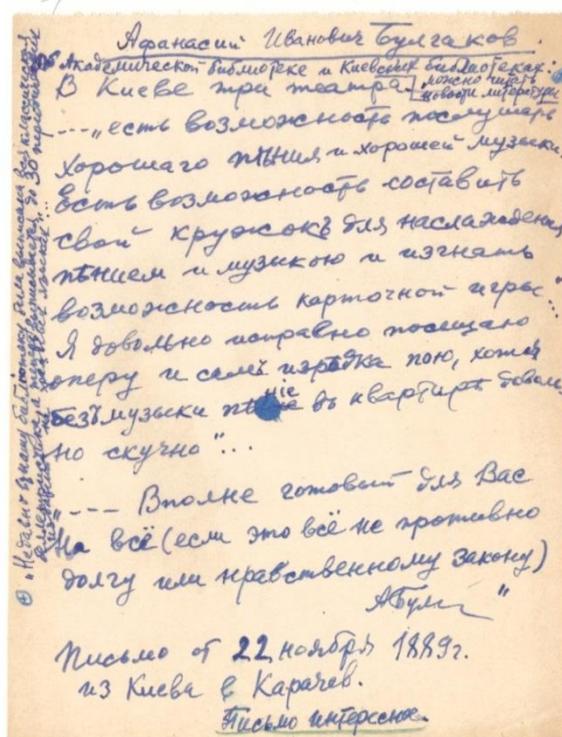
⁵² Н. А. Булгакова-Земская. Письмо к К. Паустовскому. Цит по: Е. Земская «Михаил Булгаков и его родные». 2004. М., с.85.

поощрять рисование букв-«закорючек» своих маленьких детей. Для героев романа эти надписи на печке привычны так же, как теперь наши сообщения в гаджетах.

К сожалению, переписка перед свадьбой родителей сохранилась не вся. Но и эти 26 писем будущего отца и 11 писем⁵³ будущей мамы-«светлой королевы»⁵⁴ дают немало сведений о месте книг в жизни преподавателя Киевской Духовной Академии и преподавательницы прогимназии. Варвара Михайловна Покровская 5 февраля 1890 года (письмо № 1) сетует: «Стол завален массой книг, которую принесли мне, и которые надо прочитать, и я читаю в день по пяти строк, есть работа, которую нужно было кончить, и которая все-таки не кончена <...>».

В ответном письме от 13 февраля 1890 года (письмо № 13): Афанасий Иванович Булгаков пишет: «Составлял лекцию, и так надоело возиться с разными книгами на всевозможных языках, что бросил и решил поговорить с тобою, моя радость».

Еще до помолвки, в письме 22 ноября 1889 года (письмо № 3) Афанасий Булгаков описывает Варваре Михайловне свою жизнь в преподавательской среде, которую она может с ним разделить в будущем: «...жизнь в Академическом кружке (впрочем, их несколько даже) идет полнее, чем где-нибудь. Есть возможность читать новости литературы почти со всего света (у нас в библиотеку выписывается все выдающееся по всем отраслям знаний), можно проникнуть в университетскую библиотеку и ходить читать в публичную. Недавно в нашу библиотеку была выписана вся классическая беллетристика, а теперь выписывается до 30 периодических изданий на разных языках».

Комментарий 1960-е г.г. Н. Булгаковой-Земской к письму отца от 22 ноября 1889 г. Архив музея М. Булгакова в Киеве.

⁵³ Нумерация писем в данной статье даётся по Н. А. Булгаковой-Земской. Этой же нумерации в выборочной публикации писем придерживалась в Е. А. Земская.

⁵⁴ «Мама, светлая королева...», - образ матери в романе «Белая гвардия» М. Булгакова, дань памяти и уважения Варваре Михайловне Булгаковой.

На Рождественских каникулах состоялась помолвка. И после этого события тон писем становится более доверительным. Так, Варвара Покровская, после шуточного ответа по поводу интереса к ее персоне «киевских дам» (по выражению Афанасия Булгакова), в письме от 22 февраля 1890 года (письмо № 3), пишет: «Это время мы проводим самым скромным образом, но вместе с тем приятно; сидим постоянно дома, но совсем не чувствуем себя в одиночестве. Зоря⁵⁵ иногда читает вслух, а я с мамой сидим с работой в руках».

Или в письме от 15 марта Варвары Покровской (письмо № 5) читаем: *«Пришла домой, попыталась взять работу, дв.[оюродный] бр.[ат]*⁵⁶*. начал было читать, как получила твое письмо, которое и ждала сегодня....»*

О круге чтения этого периода сохранился листочек, на котором Надежда Булгакова, перечитав письма родителей, выписала: «Читаем Щедрина⁵⁷ ... Почти ничего Крестовского⁵⁸ не читала...». К сожалению, не сохранилось письмо А. Булгакова, в ответ на которое пишет свое мартовское письмо В. Покровская, поэтому неизвестно, о каком произведении В. Крестовского идет речь. Вероятнее всего, это роман «Петербургские трущобы». Но вот о впечатлении от прочитанного Афанасием Ивановичем дают представление следующие строки этого же письма Варвары Михайловны (13, 14, 15 марта 1890 г., письмо № 5): *«Ты пишешь, что под влиянием чтения, настроился мрачно: я этого сочинения не читала, да и вообще почти ничего Крестовского не читала. Мы все это время читаем Щедрина⁵⁹, и я под влиянием этого чтения настраиваюсь на особый лад».*

Этот «особый лад» после чтения произведений известного сатирика Михаила Евграфовича Салтыкова, печатавшегося под псевдонимом Николай Щедрин, конечно, не только отражался на характере, но и на восприятии жизненных реалий Варварой Покровской. И дальше следует небольшой рассказ о парадоксальности бытия и ее отношения к этому: *«Ездили с мамой в Орел... К нашему удовольствию погода эти два дня стояла прекрасная. Едем с вокзала в Орле, когда только что приехали, и я не могу налюбоваться прекрасным теплым вечером и с наслаждением вдыхаю в себя воздух. Наконец одной показалось недостаточно наслаждаться, захотелось поделиться своим настроением, обращаюсь к маме и говорю: “ах, мамочка, какой чудный вечер, как весной пахнет, потяните в себя воздух, пожалуйста!” - “Нет, уж покорно благодарю: у меня зубы то недавно болели”. Этот ответ так не соответствовал моему настроению и так рассмешил меня, что я всю дорогу смеялась».*

Веселый нрав, присущий Варваре Михайловне, будет создавать ту домашнюю атмосферу, которая сформировала будущего писателя-сатирика. Именно так называл себя Михаил Булгаков. Относиться к жизни с юмором – особый дар. И этот дар был у обоих его родителей. Как видно из содержания писем Афанасия Булгакова и Варвары Покровской, все

⁵⁵ Зоря (Захар) – младший брат Варвары Покровской.

⁵⁶ Николай, двоюродный брат Варвары Покровской, тоже был преподавателем в прогимназии в Карачеве.

⁵⁷ Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин (1826-1889) — русский писатель, журналист, редактор журнала «Отечественные записки», печатался под псевдонимом Николай Щедрин.

⁵⁸ Крестовский Всеволод Владимирович (1839-1895) – поэт, прозаик, публицист, литературный критик, переводчик. Его роман «Петербургские трущобы» был одним из самых популярных в России в XIX веке.

⁵⁹ В 1933 г. М. Булгаков по просьбе редакции "Литературного наследия" ответил на две анкеты о творчестве Салтыкова-Щедрина: «начал знакомиться с произведениями Щедрина, будучи, примерно, в тринадцатилетнем возрасте, причем, эти произведения мне чрезвычайно понравились. В дальнейшем я продолжал их читать и перечитывать, постоянно возвращаясь к ним». Тексты обеих анкет были опубликованы: Творчество Михаила Булгакова. Исследования. Материалы. Библиография. Кн. 1. Л.: Наука, 1991.

жизненные испытания воспринимались ими оптимистично, они были уверены, что могут пережить всевозможные трудности и быть счастливыми при любых обстоятельствах.

Составление лекций и написание научных статей – непрерывная, почти ежедневная работа преподавателя КДА, Аф. Ив. Булгакова. Это работа и дома за письменным столом, и в библиотеках, с массой книг и периодическими изданиями, причем на разных языках: *«Commencement (так ставят вначале летописи) 25 февраля. Как я счастлив сегодня, моя дорогая, моя милая голубка! Во-первых, окончил составлять лекции для III курса и разгромил средневековую католическую нравственность (конечно на бумаге, а словесно буду громить в аудитории), а во-вторых получил твое письмо<...> Ну прощай пока моя радость! <...> уже час [ночи]; а я сегодня непрерывно просидел за столом письменным; вечером с 7 часов до часу, да утром с 8 до 11, да после обеда с 4-х до 6-ти: рука уже утомилась, и спать хочется. Целую тебя и желаю увидеть хороший сон»* (письмо 25 февраля 1890 г., № 14).

«Три дня, – ровнехоньким счетом, – не брался за перо, моя дорогая голубка, чтобы писать тебе. Какая этому причина? А вот она: не было возможности сидеть дома... 16-го с 10 часов утра до 2 пробыл в библиотеке, утомился порядочно, а вечером хотелось почитать тех газет, из которых я знакомлюсь с заграничною религиозною жизнью, и которые мне дают материал для моих статей, которые я теперь przygotowляю к печати. Провозился довольно таки долго» (письмо 19-го марта 1890 года, № 15).

Варвара Покровская, учительница прогимназии, в отличие от постоянно загруженного изучением книг и статей по специальности преподавателя КДА, может себе позволить наслаждаться чтением художественной литературы. Накануне в печати вышел новый роман Эмиля Золя «Человек-зверь»⁶⁰: *«День, начавшийся ненормально⁶¹, и весь прошел как-то странно. Я, как пришла из прогимназии, так все читаю “Человек-зверь”, потом после обеда заснула, от чего у меня по обыкновению заболела голова, но походила немного по воздуху, (к счастью дождь перестал), и она прошла. Потом опять читала, пока не получила твоего письма, и начала его читать»* (письмо 28 и 29 апреля 1890 г. из Карачева в Киев, № 9).⁶²

Из содержания письма Афанасия Булгакова (4 мая 1890 года, письмо № 22) следует, что им этот роман тоже прочитан и даже обсужден с коллегами и знакомыми в «академическом кружке»: *«одной внешней стороной»* (твои слова) или растительной жизнью (так я называю эту сторону) мы жить и не будем: я такую жизнь называю жизнью животного, жизнью того “зверя в человеке”, который описан в последнем романе Золя, напиши мне, какое он на тебя произвел впечатление? А потом я тебе по поводу его расскажу один анекдот».

Первые переводы романов цикла Эмиля Золя «Ругон-Маккары» начали выходить в России в «Вестнике Европы». В 1872 г. были опубликованы переводы 2-х первых томов "Ругон-Маккаров", причем публиковались они с купюрами по цензурным соображениям. Именно этот литературно-политический ежемесячник упомянут в переписке: *«Сегодня ночью очень плохо спалось: читал новую книгу Вестника Европы. Когда-то был очень хороший журнал. Теперь же стал очень тенденциозен: беллетристика a la Emile*

⁶⁰ «Человек-зверь» — семнадцатый роман саги о Ругон-Маккарах французского писателя Эмиля Золя. Опубликован в 1890 году. Переводы произведений Золя печатали «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Русский вестник» и другие издания.

⁶¹ В письме идет речь о втором приступе астмы у отца – Михаила Васильевича Покровского.

⁶² Письмо полностью опубликовано в книге Е. Земской «Михаил Булгаков и его родные». С. 60-63.

Zolas, a статьи публицистического характера с вечными довольно прозрачными намеками на дикость русской жизни» (письмо 14 мая 1890 года, № 24).

Чтение и знакомство с новыми вышедшими литературными произведениями – страстное увлечение обоих. Отсюда желание поделиться мыслями и чувствами по поводу прочитанного. Обоим необходимы не только «книги по специальности», но и литературные произведения. Интересно, что Афанасий Иванович отмечает влияние Варвары Михайловны в этом избирательном чтении: *«Интересного из своей жизни тебе могу сообщить только то, что теперь я при чтении беллетристики получаю совершенно не то наслаждение, которое получал прежде. Мне открылся какой-то новый совершенно мир, новая сторона человеческих отношений, о которых я прежде только подозревал, пожалуй, но которых не видел. А теперь, благодаря тебе, моя голубка, поэзия получила для меня особенный смысл, особое значение. Вообще я чувствую себя как-то по новому, как будто переродившимся или перерождающимся. Пожелай мне от души, от всей души, чтобы это перерождение проходило в лучшую сторону»* (письмо Аф. Булгакова 28 мая 1890 года, № 25).

В первых же письмах, которые должны были дать «возможность познакомиться поближе», как это сформулировала Варвара Покровская в ответ на предложение руки и сердца Афанасием Булгаковым, адресаты словно изобретают «свой язык», на котором легко и непринужденно ведут друг с другом беседу. Призваны на помощь литературные персонажи, юмор и незаурядная способность выражать на бумаге свои чувства:

«Вы несколько раз задавали вопрос: Что будет, если из нас кто-нибудь забудет о другом? Я говорил и теперь повторяю, что я не знаю, что будет со мною, если Вы забудете меня. Мне кажется, что я тогда махну на все рукою, перестану идти вперед и буду тащить тихонько свою жизнь, как тащил ее до настоящего времени. “День за день, нынче, как вчера” – писал Грибоедов в комедии Горе от ума. Прибавил он и слова: «к перу от карт и к картам от пера, и положенный час приливам и отливам».

И тут же добавляет:

«Правда, к картам я не особенно склонен, но почему знать, что эта склонность не вкоренится от отсутствия в жизни определенной цели. Теперь у меня есть цель; от Вас будет зависеть, чтобы эта цель осталась и навсегда моею целью. Я уже не настолько молод, чтобы надеяться на другую привязанность или любовь; да и характер у меня не такой, чтобы менять свои привязанности...» (письмо А. Булгакова 11 января 1890 года, письмо № 8).

Но, конечно, главное чтение в этот период составляют письма к друг другу. Ожидание ответа сказывается на состоянии и работоспособности влюбленного Афанасия Ивановича: *«Думал было окончить одну статью, начатую в Киеве, но не могу почти читать и писать; думал было говеть, – не могу стоять внимательно в церкви. Всё потому, что от тебя ничего не получил до сего времени. Здорова ли ты? или ты, может быть, занята домашними мелкими делами»* (29 марта 1890 года, письмо № 17).

Или прочитанное настолько прекрасно, что он восторженно отмечает:

«30 апреля. Твое прошедшее письмо произвело на меня такое впечатление хорошее, что я целую неделю нахожусь как будто в каких эмпиреях, выражаясь гоголевским языком⁶³ (письмо № 21)».

Конвертов от этих писем сохранилось мало, но они, подписанные им или ею, нетерпеливо надорваны по малому краю справа или слева. Некоторые письма и конверты измяты. И не время здесь причиной – этим письмам уже 130 лет! Их иногда носили в кармане перед тем, как прочесть. И вот, казалось бы, обычная жизненная ситуация, а описывается, как настоящее приключение:

«22 апреля. Нужно рассказать тебе, как я получила твое письмо вчера, мой дорогой! Вчера мы были приглашены на одни торжественные именины. Я ждала твоего письма и хотела получить его, а потом отправиться туда, куда, между прочим, шла, скрепя сердце. Но как я ни старалась протянуть время, все-таки пришлось отправиться, не получив твоего письма. Но, к моему счастью, дорогой встретились с почтальоном. Я приказала кучеру остановиться, позвала почтальона, и спросила про заказное письмо, которое должна была получить от Коли (хороший предлог перед мамой остановить почтальона), но конечно при этом получила и твое письмо, которое должна была держать целых шесть часов в кармане, не имея возможности прочитать его. На именинах мы пробыли до трех часов. Было ни скучно, ни весело; ... но погода была такая очаровательная, когда мы возвращались домой; утро собиралось сменить ночь, но луна еще светила, и только стук экипажа, в котором мы ехали, раздавался среди тишины. Как приехала, так поспешила прочитать твое письмо, и уже потом легла спать с грустной мыслью, что на другой день надо отправиться в прогимназию к обеду» (письмо ВМП № 8).

В письме № 9 (28-29 апреля 1890 г.) в ответ на упреки Афанасия Ивановича, она объясняет: *«...Ты упрекаешь меня, что видно я не интересуюсь твоими письмами, если могла в продолжении часов не читать письма. Но пойми же ты, что я не смогла прочитать его, потому что мы были в большом обществе, и не могла уйти в отдельную комнату, не обратив на себя внимания, да и за мной кто-нибудь мог последовать. Да и мне приятно было сознавать, что у меня в кармане лежит что-то очень приятное для меня, а здесь никто не подозревает об этом, разговаривая со мной. Написала тебе, что отвечать сегодня не буду, чтобы в день твоих именин ты не получил известия довольно неприятного о болезни Папы, чтобы этот день не принес тебе даже очень маленькой неприятности, а тем больше через меня. Но, прости, мой милый. Твоя В.»*

Все прочитанное анализируется, подсказывает новые темы для переписки. На одном из писем отца Надежда Булгакова-Земская сверху оставила пометку: «Интересное» (письмо 16 декабря 1889 года, № 5). К сожалению, ответное письмо Варвары Покровской не сохранилось, но тема была вселенская:

«Я повторяю почти Ваши слова, высказанные в предыдущем письме, и сам почти повторяюсь. Это происходит от впечатления, которое на меня произвел рассказ из жизни русских эмигрантов в Женеве⁶⁴. Что такое Женева была и что она теперь, а также чем она служит для русских, я думаю, Вы отчасти знаете, а подробнее я Вам лично сообщу, - если, разумеется, Вы захотите этого. В очерках,

⁶³ В поэзии – воздушные, неземные пространства, а в шутовском и ироническом смысле – предаваться мечтам, жить в отрыве от реальной действительности. Хлестаков: «Ну просто, брат, находишься в эмпиреях». Н. В. Гоголь «Мертвые души».

⁶⁴ Женеву называли «центром русской революции».

прочитанных мною, представлен кружок людей составивших себе «идеалы» и стремящихся общими силами достигнуть их, но не признающих того, что сила всякого общества, всякого союза (хотя бы и семейного) состоит в согласии. Плачевно их существование! А почему? Потому что допущена основная ошибка. Она состоит в том, что идеалы не создаются для каждого отдельно: один для всех идеал; что к нему можно только более или менее приближаться, а достигнуть его никогда нельзя; что, наконец, достижение его, приближение к нему возможно только при больших усилиях, при трудной работе соединенных плотно человеческих общин; причем каждый отдельно должен помнить, что он может погрешать, ошибаться и постоянно должен быть готов с охотой исправлять свои погрешности, ошибки. – Ни одной из упомянутых истин герои прочитанных мною очерков не признают, – и в результате появляется то, что всем их обществом может управлять первый попавшийся человек, но с твердою волею, с неустанною энергиею. Они даже не замечают этого, пустить им пыль в глаза очень нетрудно, потому что они утратили способность отличать пыль от золотого песку: у них нет для этого надлежащего пробного камня, хорошего критерия, – именно: они забыли настоящий идеал, а создали свой. Поправить свою ошибку они не способны, они те неисправимые грешники, о которых я упомянул раньше, не могущие из горделивого самолюбия признать своих ошибок. Главное, что они утратили веру в других, и многие не верят самым близким. Отсутствие искренности, подозрительность ко всему и ко всем окружающим добывает их...»

В переписке накануне свадьбы (письмо 7 мая 1890 года, № 23), обсуждая приготовления и сроки, Афанасий Иванович упреждает возможные кривотолки окружающих в связи с дальним родством Покровских и Булгаковых, ссылаясь на закон, принятый уже давно, и снимающий всякие преграды для венчания. Очень подробно приводит он в своем письме все ссылки на законодательные источники: «в 1870 году 12 января издан был указ Св. Синода, который говорит, что не нужно брать в этих случаях разрешений. Пусть он поищет этот указ и прочтает его. Потом пусть он найдет 18 № «Церковного Вестника» за 1899 год (прошлый) и там, в статье по затруднительным вопросам из пастырской практики прочтает вот что: жениться двум двоюродным братьям (я и Владимир Иванович) на двух родных сестрах (ты и Оля) нет законных препятствий. То что на этой странице подчеркнуто, ты и покажи Папе. Видишь, как хорошо я знаю Законы!»

Интересно, что составляя свои записки, Надежда Булгакова однажды записала, что при поступлении в университет Михаил Булгаков выбирал между юридическим факультетом и медицинским.

Для вступающих в брак будущих родителей писателя Михаила Булгакова литература любого жанра и направления была не только источником познания, поводом обсуждения и центром любой беседы, но и мерилom понимания своей природы, сущности личностной.

Сетуя однажды (22 апреля 1890 года, письмо № 20) на свою судьбу, Афанасий Иванович на сочувствующий ответ своей невесты в другом письме (7 мая 1890 год, письмо № 23) уже уточняет: «Неудачником» я себя не считал и не считаю потому, что не признаю таких существ на свете. Этот тип создан, кажется литературою, но в нем очень мало естественного. Я с тобою и об этом поговорю, потому что, пускаясь в литературное суждение по такому сложному вопросу, было бы очень неудобно не думать: это предмет для целой литературной статьи!»

Сохранилось тридцать семь писем будущих родителей Миши Булгакова.

В этих мелко исписанных страницах упоминается и любимый им с девятилетнего возраста роман Николая Васильевича Гоголя «Мертвые души», и сатирические произведения Салтыкова-Щедрина, которыми зачитывались в семье Покровских. Также приводится цитата из комедии Александра Грибоедова «Горе от ума», обговаривается и новый роман Э. Золя из цикла «Ругон-Маккары». Участники переписки ссылаются на книги по истории, философии и богословию, в частности о католицизме средних веков, даже приводятся фрагменты документов Святейшего Синода. Названы два периодических издания: «Вестник Европы» и «Церковный Вестник» и «до 30 периодических изданий на разных языках» в библиотеке Киевской Духовной Академии, и все «новости литературы почти со всего света», «все выдающиеся по всем отраслям знаний», наконец «вся классическая беллетристика». Таков круг чтения Варвары и Афанасия, то, что называют они в своей переписке «внутренней жизнью».

Музыка

Афанасия Булгакова киевские знакомые дамы, зная, что он помолвлен, начали буквально атаковать расспросами, он делится с невестой: «... когда я сделал предложение тебе? Как? У **пианино** или в другом каком месте? **Играешь** ли ты? **Поешь** ли ты?» (письмо 13 февраля 1890 года, № 13).

1 июля 1890 года в г. Карачеве состоялось венчание, а после молодожены отправились в Киев, где накануне свадьбы, на улице Воздвиженской, 28 (новая нумерация: Воздвиженская, 10) снял квартиру будущий глава семейства. Именно в этой квартире родился первенец – Михаил. В этой квартире всегда звучала музыка.

Вскоро после приезда молодоженов в Киев, в письме, датированном 11 августа 1890 года, брат Варвары Михайловны Захарий пишет: «*По получении твоего письма Папаша, между прочим, взялся за мысль отправить вам пианино в Киев; Мамочка против этого ничего не имеет, но только сильно опасается, как бы вы вместо пианино не получили инструмента немного получше балалайки. Я сам этого отчасти боюсь. Поэтому весь домашний синклит решил предоставить это дело на ваше благоусмотрение: как вы решите, так и будет (радуйтесь и веселитесь, как дорожат здесь вашим мнением!)*».

Пианино благополучно было доставлено, оно переезжало с Булгаковыми во все съемные киевские квартиры, а потом переехало в Новосибирск с сестрой Михаила Булгакова Варварой Афанасьевной, когда она отправилась за мужем, Леонидом Карумом, в ссылку.

Первый биограф Михаила Булгакова, сестра Надежда, в 60-е годы, упорядочив все документы, фотографии, составляет «План моих заметок о семье». Тонкая ученическая тетрадь в клеточку. Всего 3 листа в тетради, остальные вырваны. В правом верхнем углу на обложке тетради название, в первом пункте «Плана»: «Отец и мать». Среди всего перечисленного, о чем собиралась написать, конечно, «Ученье, музыка. Спектакли». И далее: «Сказки матери. Музыка. Шопен по вечерам. Рукописные ноты мамы. Пение отца. Скрипка. Детские песни у пианино (сборники этих песен)».

Об этих «песнях у пианино» очень трогательно вспомнил в своем последнем письме к Надежде Булгаковой от 29 января 1967 года И. П. Воскресенский⁶⁵: *«Часто вспоминаю, как вы, бывало, мальчики и девочки собирались возле п'янино и под аккомпанемент Мама пели разные детские песенки. А через несколько лет все три девочки торжественно спели: "Мама, мама, купите нам кук-лу, кук-лу, мы будем ее любить..." В Буче я очень любил слушать шумное веселое пение всей вашей компании молодежи».*

Среди тезисов этих «Планов» есть строки о елке и сочельнике, которые, конечно, не обходились без домашнего музицирования. И отдельной строкой упомянут «Марш Черномора»⁶⁶ и музыка из «Травиаты»⁶⁷.

Музыка, опера были общими любимыми увлечениями не только всех детей семейства, а и влюбленной пары Татьяны Лаппа и Михаила Булгакова.

В первом же письме (11 сентября 1889 года), после лета, в которое Афанасий Булгаков сделал предложение Варваре Покровской, есть строки: *«Большинство времени я провожу дома над работою: до сих пор не выбрался послушать даже новой оперы»⁶⁸, которая, – по отзывам слышавших ее, – прелестна. При первом удобном случае пойду слушать, хотя бы для этого пришлось пожертвовать своим нервным спокойствием (оперное пение сильно действует на нервы, – разумеется, – не такое, как мы слышали в Б-ске)».*

Посещение оперы, театров, домашние концерты и спектакли – так проводит досуг молодой преподаватель Киевской Духовной Академии.

В письмах Афанасия Булгакова до помолвки часто упоминаются музыкальные события его киевской жизни:

«Есть три театра»⁶⁹, посещение которых, правда, дорого обходится, однако изредка есть возможность послушать хорошего пения и хорошей музыки. Есть возможность составить свой кружок для наслаждения пением и музыкою и изгнать возможность карточной игры; впрочем довольно об этом. Я довольно исправно посещаю оперу и сам изредка пою, хотя без музыки пение в квартире довольно скучно...» (письмо 22 ноября 1889 г., № 3).

«В театр не хожу потому, что рассчитываю в следующий сезон больше наслаждения получить, когда буду посещать его с тобою, моя дорогая, когда буду

⁶⁵ В этой тетради Н. Булгакова о Воскресенском: «И. П. Воскресенский – второй муж матери Мих. Афана. (отчим), большой и искренний друг всех ее детей».

⁶⁶ «Руслан и Людмила» — опера Михаила Ивановича Глинки в 5 действиях. Либретто Валериана Ширкова, Константина Бахтурина и Михаила Глинки при участии Н. А. Маркевича, Н. В. Кукольника и М. А. Геденова по одноименной поэме Александра Пушкина с сохранением стихов подлинника.

⁶⁷ «Травиата» — опера Джузеппе Верди в 3 действиях, 4 картинах на либретто Франческо Мария Пьяве по мотивам романа Александра Дюма-сына «Дама с камелиями».

⁶⁸ Это была опера П. И. Чайковского "Евгений Онегин" (1889).

⁶⁹ Кроме оперного театра (это было старое здание, стоявшее на месте теперешнего, построенного в 1901 г. по проекту Виктора Шретера), был еще летний театр (с 1834 г.) в Дворцовом парке, и летний театр в парке Шато-де-Флер (с 1864 года).

иметь возможность не только слушать, но и делиться с тобою своим удовольствием: я сам уже достаточно для нынешнего сезона перебивал в театре.» (письмо 9 февраля 1890 г., № 12).

Далее в этом же письме идут новости о здоровье его отца: *«Папа уже ходит по комнатам. Я чуть не запрыгал от радости, и теперь нахожусь в таком веселом настроении, что готов танцевать...»*

Выражение *«готов танцевать от радости»* имеет и буквальный смысл, так как Афанасий Иванович действительно умеет танцевать:

«За это время произошло кое-что такое, что необходимо и тебе знать. Я в тот же день был на вечере у одного из наших профессоров (милое семейство!) который (т.е. вечер) был очень оживлен, и я довольно много танцевал (даже мазурку-котильон и всякую другую чушь); окончил гулять, возвратился домой и лег спать уже в 6 утра (единственный раз за нынешний сезон!)» (письмо 13 февраля 1890 года, № 13).

«14 мая

Дорогая моя! на этой прошлой неделе по случаю я два раза танцевал у одних знакомых. Выдают дочь, и я, приходя к ним вечером, заставал несколько пар молодых людей, сам начинал изображать молодого человека и танцевать, чтобы среди общего веселья моя фигура не производила впечатления кислого состояния духа: над такую фигуру могли бы подсмеиваться, как Аполошка Свистунов в “Дядюшкиной квартире”⁷⁰ над фигурой своего приятеля». (письмо 10 мая 1890 года, № 24).

Афанасий Иванович в одном из писем спрашивает о том, как сыграл свою роль брат Варвары Михайловны Захар, который участвовал в любительском спектакле «Дядюшкина квартира» на Рождественских каникулах 1889-1890 г.г. в Карачеве.

Из Киева в Карачев вместе с письмами посылались в качестве подарка и ноты:

*«Буду с нетерпением ожидать ответа на это письмо, в которое я вкладываю тетрадь обещанных тебе “Песен без слов” Мендельсона Бартольди».*⁷¹ (письмо 9 февраля 1890 г., № 12).

В ответ на посылку нот Варвара Покровская пишет:

*«Получила твоё письмо и твою посылку, мой милый, и благодарю тебя очень за ноты и за карточки»*⁷². <...>

⁷⁰ Иван Мясницкий – псевдоним Ивана Ильича Барышева (1852-1911). Был очень популярен. Его называли главным соперником Чехова. «Дядюшкина квартира». Шутка в 3-х действиях. (Сюжет заимствован) 1887 г.

⁷¹ Якоб Людвиг Феликс Мендельсон Бартольди (1809-1847), один из крупнейших представителей романтизма в музыке, его называли «Моцартом девятнадцатого столетия». Песни без слов (*Lieder ohne Worte*) — фортепианные пьесы, всего 8 тетрадей по 6 пьес в каждой.

⁷² Одна из фотографий, отправленная тогда Варваре Покровской, хранится в музее Михаила Булгакова в Киеве. См. выше.

*Еще вчера просмотрела немного ноты, и осталась очень довольна: мне всегда нравилась музыка Мендельсона. Теперь у меня **образовался порядочный запас нот, которые надо разыграть, чем конечно я очень довольна*** (письмо 14 февраля 1890 г., № 2).

Всего несколько писем. Но в них есть и шутка о домашнем пении Афанасия Ивановича, и сведения о музыкальных вечерах киевлян, на которых исполнялись популярные танцевальные мелодии. Есть краткое упоминание о совместном посещении оперы в Брянске и сведения о новой опере в Киеве («Евгений Онегин» Петра Ильича Чайковского), и любовь обоих к музыке Мендельсона, и даже ария⁷³ из оперы «Аскольдова могила» Алексея Николаевича Верстовского:

*«...мы в самом веселом настроении возвратились. Только **лентяй порядочный мой дв. братец. Хотел разучить из твоих нот “Скоро, скоро месяц ясный” и до сих пор не разучил, а мне там так нравится аккомпанемент. ...***» (Письмо № 7 ВМП).

«Из твоих нот», – возможно сборников, отосланных и подаренных, было несколько!

А потом в семье Булгаковых подарить ноты на именины или под Новый год стало традицией.

Каток

Вспоминая киевскую юность Михаила Булгакова, его сестра, Надежда Булгакова-Земская, в письме к К. Паустовскому писала: «А зимой – каток. Гимназист Булгаков, в кругу зрителей, демонстрировал “пистолет” и “испанскую звезду”». На страницах своего Дневника 1909 года она увлеченно пишет о катке, о катании с близкими, о встречах на катке со своими подругами по гимназии, которые катали в кресле младшую сестру.⁷⁴ И младший брат Николай Булгаков в письмах к Наде в 1913 году пишет: «Я катаюсь уже довольно сносно», «Мама решила купить мне хорошие коньки, так как я катаюсь уже хорошо».⁷⁵

Из предсвадебной переписки будущих родителей М. Булгакова строки о катке и коньках, которыми увлекались Варвара Михайловна и Афанасий Иванович, вызывают особый восторг не только по поводу их активной формы проведения досуга зимой, но и объясняют, откуда у их детей появилось это увлечение.

В письме № 1 ВМП:

⁷³ Ария Неизвестного «Скоро, скоро месяц ясный» из романтической, историко-бытовой оперы, написанной композитором в 1835 году, по одноименному роману М. Н. Загоскина.

⁷⁴ Надежда Булгакова. Дневник. С. 9.

⁷⁵ Земская Е. А. «Михаил Булгаков и его родные». М. 2004. с. 198, 199.

*«Приехал Зоря из Брянска, и я хотела расспросить у него все, что он нашел нового и интересного там. Сейчас же после чаю он утащит меня **на каток**, где было назначено большое гуляние. Мороз сегодня порядочный, так что **я пошла в шубе и не надела коньков**, впрочем **шуба была надета после мамочкиных слов: “пожалей ты себя хоть немного”**. Да я и сама бы не захотела **кататься в кофточке** в такой мороз. Все-таки я порядочно замерзла, и сейчас моя рука не особенно твердо держит перо....»*

В ответном письме № 12 (письмо с комментарием НБ) Аф Ив пишет:

*«На масленицу я каждый день хожу на каток, выбирая часы, наиболее свободные для себя и притом такие, в которые бывает **меньше публики**: я люблю **кататься и думать**. При публике же это невозможно: можно налететь на кого-нибудь и поранить ногу или что-нибудь подобное».*

Продолжение этого же письма:

«10 февраля

Как хорошо я заснул сегодня! Вероятно от физической усталости (я около 2 ½ часов катался на коньках) и от радости, что получил твое письмо...»

Письмо № 2 ВМП

*«Когда я прочитала, что ты катаешься на коньках, то мне ужасно захотелось **покататься с тобой**; сама я последние дни не каталась».*

Письмо № 13 Аф. Ив.

*«По поводу моего катания на коньках (с точки зрения некоторых несколько легкомысленного для людей **важной** персоны развлечения) некоторые знакомые говорят, что я праздную свою холостую жизнь. Я вовсе не считаю этого развлечения легкомысленным, отношу его к **усиленному моциону, который необходим при моих работах за письменным столом**. Я более глупой и легкомысленной считаю игру в карты, за которую многие проводят ½ или 2/3 ночи. Может и твоим семейным необходимо иметь такой усиленный моцион, как коньки. Притом в большинстве случаев я катаюсь в одиночестве (2 раза только при публике). А как бы мне хотелось побегать с тобою.»*

Письмо № 3 ВМП 22 февраля

*«Еще до Святков у нас образовался небольшой кружок на катке любителей этого катанья, и мы очень весело проводили там время; в этом кружке играю не последнюю роль и я; но потом, особенно после твоего второго приезда (в Январе), я **стала все реже и реже посещать каток**, и выслушивала упреки в том, что расстраиваю наш кружок. В последний раз в Воскресенье прошлое каталась и так устала, потому что целую неделю до этого не каталась; а теперь опять такая погода, что о катке и думать нельзя: снег идет по целым дням. Но теперь и весна недалеко».*

И много лет спустя, 23 февраля 1909 года, Надежда Булгакова в своём Дневнике написала, что вечером поехала «кататься, так «Дніпро» уже оттаивает. Скоро весна, лишь бы скорей».⁷⁶

Каток в усадьбе Меринга. 1880-е годы. Фото Н. Прахова (из коллекции Музея истории Киева)

В первой части романа «Белая гвардия» описание спуска Мышлаевского в гимназии: «покатился по лестнице с такой быстротой, словно поехал на коньках» – это еще и воспоминания автора о киевской юности.

Пасхальные письма

Перед пасхальными каникулами, опьяненный весенним преображением Киева, влюбленный в далекую и «прекрасную свою невесту», Афанасий Булгаков посылает письмо (15-19 марта 1890 г.), в котором выказывает желание заехать к ней в гости в Карачев на Пасху, когда приедет к родным на каникулы в Орел.

Через несколько дней – 23 марта, так и не дождавшись ответа, он с Орловского вокзала по приезде посылает открытку.

Проведя в неведении почти неделю, 29 марта, в Карачев посылается письмо, из содержания которого понятно, что он находится в Орле, у своих родных, и ответа так и не получил: *«Если не сегодня, ни завтра не получу от тебя письма, то приеду ночью с пятницы»*

⁷⁶ Дневник. С. 12.

на субботу, т.е. утром в субботу. Если же получу письмо, то приеду вечером в первый день Пасхи, хотя мне очень *хотелось бы провести пасхальную ночь с тобою, моя радость*».

В тот же день, то есть 29 вечером, двадцатилетняя Варвара Покровская отвечает на встревоженное письмо своему жениху, что тотчас же отправила свой ответ и никто в доме не понимает, почему письмо пропало!

Вот они, – козни дьявола, нарушившие спокойствие в канун великого праздника.

Но они встретились! И перед отъездом из Орла в Киев, Афанасий Булгаков отправил 7 апреля письмо невесте, в котором призывает к *«радостно-спокойному состоянию духа, которое даст возможность оставшееся время разлуки дожить тебе без горя и страданий, без скуки в надежде на невозмутимое счастье, которое, – я в это непоколебимо верю, – начнется для нас с того времени, как мы станем жить вместе. Ты хочешь, чтобы я любил тебя душою. Мне кажется, что никому никогда я не отдавал своей души так полно и так всецело, как тебе»*.

На следующий день, перед отправкой поезда, он посылает открытое письмо, причем на трех штемпелях стоит дата 8 апреля, а он подписывает: 9 апреля. Предстояла разлука до лета! Он был взволнован прошедшей встречей.

Из сохранившихся в архиве семьи Булгаковых писем, следующее датировано 15 апреля 1890 г., в котором будущая мать Михаила Булгакова рассуждает о своих чувствах: *«Душою я называю весь внутренний мир человека, все то, что составляет его духовную жизнь; а сердце составляет только часть души, только известную сторону этого внутреннего мира. Я не отделяю сердца от души, не дроблю ее, как ты выразился, сердце входит в состав души, я только думаю, что одни сердечные ощущения не составляют всей внутренней жизни человека, что есть еще другие духовные силы кроме сердца, так напр[имер] та высшая сила, которая может взять верх над движениями сердца»*. И далее: *«любит человек главным образом сердцем. Но все-таки я различаю – любить только сердцем или любить всею душою. Любить сердцем, мне кажется, можно человека и сам не знаешь за что, человека, с которым не согласен во взглядах, человека, которого иногда убеждения не нравятся, у которого видишь даже недостатки, и все-таки тянет к нему. Любить человека всей душой значит находить в нем то, что хотел бы видеть в человеке, находить поддержку своим взглядам; только к этому человеку и пойдешь в тяжелые минуты, у него и будешь искать душевной пищи, когда внутри станет ощущаться какая-то душевная пустота. Человек, которого любишь всей душою, будет казаться родным по духу, у него будешь находить отголосок своего внутреннего я, сам поймешь каждое движение его души и будешь надеяться, что и твои душевные движения будут понятны. А любить только сердцем можно человека и не сродного по духу. Сердцем можно влюбиться, увлечься, а душой – полюбить, привязаться. Любовь всею душой заключает и любовь сердечную, но она еще сильнее и глубже ее, наполняет всю духовную жизнь. Не знаю, может быть такой любви в жизни и не встречается, ведь я рассуждаю “теоретически”»*.

Летом 1889 года, приехав на каникулы к родным, тридцатилетний Афанасий Булгаков, уже три года проводя в должности профессора (преподавателя) Киевской Духовной Академии, принимает решение объясниться с ничего не подозревающей юной преподавательницей гимназии. В ответ юная Варвара, славившаяся своим ироническим

отношением к дальнему родственнику – двоюродному брату мужа своей старшей сестры Ольги, – отвечает искренне, что ей нужно время, чтобы хотя бы узнать человека. Их переписка начинается с сентября, в учебный период. Во время рождественских каникул, в святки, объявляется их помолвка. И еще полгода шла переписка, вплоть до самой свадьбы.

Только короткая встреча на пасхальных каникулах, за которой в письме от 15 апреля идет рассуждение: *«Я же со своей стороны разделяла это мнение и была довольна отсрочкой, но не потому, чтобы, как ты пишешь, заняться какими-то необыкновенными приготовлениями, а потому, что я хотела воспользоваться этим временем, чтобы поразмышлять хорошенько. Тот шаг, который я собираюсь сделать, казался и кажется мне очень решительным, перед которым можно задуматься. Я старалась проверить себя, способна ли я буду связать свою жизнь с жизнью другого. Отдать себя на всю жизнь другому человеку – это слишком много, и нужно было проверить все свои чувства к этому человеку. Впрочем это я сейчас так гладко рассуждаю, а в то время у меня внутри трудно было разобраться, и я не могла так спокойно и благоразумно рассуждать. И время сделало то, что я от него хотела, и я привыкла к мысли о перемене своей жизни. И как видишь я много думала о внутренней стороне, теперь нужно подумать и о внешней, но на это времени потребуется гораздо меньше. Ты напрасно думаешь, что у нас идут чрезвычайные приготовления, мне сделают только самое необходимое, и ничего лишнего, деньги бросать на вещи бесполезные нет и возможности. Да ты мог заключить и из разговора со мной, что ничего особенного не затевается; да из-за этого и время не стоило оттягивать. И твой взгляд на это был для меня маленькою неожиданностью».*

В ответ следует письмо, датированное 22 апреля 1890 г., которое начинается со слов: **«Тридцать один год прожил я на белом свете (вчера был день моего рождения)...
Вспомнил я об этом, моя милая, и как-то грустно, грустно стало на душе! Что я сделал за это время для себя; что для других? Способен ли я вообще что сделать, да и нужен ли я?»**

Это переписка будущих родителей автора «Мастера и Маргариты». Высшая сила берется во внимание перед принятием важного шага в своей судьбе – перед свадьбой. Этим письмам, находящимся сейчас в музее Михаила Булгакова в Киеве, 130 лет. Они многое объясняют.

Цветы

Теперь, через 130 лет, перечитывая предсвадебную переписку родителей М. Булгакова, становится ясно, что любовь родителей к природе передалась и детям. Не случайно в 1901 году был куплен дачный участок в Буче, чтобы дети росли на природе, понимали её и любили.

Тема пробуждающейся природы поднимается в письмах молодой Варвары Покровской – это ее мартовские, апрельские и майские послания (см. Письма ВМП № 4, 5, 7,

8 (не публиковалось), 11). В них отражается не только ее талант радоваться и наслаждаться простым циклом течения жизни, умение отдыхать на природе и чувствовать красоту, но и умение довольствоваться скромными человеческими потребностями. Она, описывая наблюдения и перемену своего настроения от приходящей весны, новые заботы и работу с братьями в семейном саду, как бы заражает своего адресата, и в ответ получает довольно подробные описания киевской весны (см. Письма АИБ № 20, 21):

«снаружи кипит, бьет ключом весна, снуют люди, полным светом смотрит месяц с вершины голубого купола»⁷⁷ <...> Грудь свободна, недостает только той, кому можно высказать свой восторг <...> жизнь бьет ключом: слышен говор в ботаническом саду (он около университета); в глубине раздается песня молодых студенческих голосов. А месяц? Месяц...»⁷⁸

Невольно напрашивается сравнение с описанием киевской весны у Михаила Булгакова: «весна и грохот в залах, гимназистки в зеленых передниках на бульваре, каштаны и май, и, главное, вечный маяк впереди – университет, значит, жизнь свободная, – понимаете ли вы, что значит университет? Закаты на Днепре, воля, деньги, сила, слава».⁷⁹

Но, конечно, больше всего поражает сравнение небес с куполом у обоих.

И еще: В. Покровская пишет, что «любовалась видом, который при свете луны казался особенно привлекательным» (письмо № 5, 15 марта). В тексте есть интересные детали, подробности: она сидела «на лавочке, что стоит недалеко от моего дома, над горкой».

Прогулки по городу с членами семьи, с друзьями, в одиночестве, любование далями с высоких киевских холмов – традиционное проведение досуга киевлян – отразилось на мироощущении Михаила Булгакова, побудило найти удивительный образ, неповторимое описание родного города и вылилось в незабываемые строки в романе «Белая гвардия»: «Как многоярусные соты, дымился и шумел, и жил Город. Прекрасный в морозе и тумане на горах, над Днепром».⁸⁰

Письма из Карачева шли в Киев по адресу: улица Рейтарская, дом 9. Это совсем недалеко от собора Святой Софии. В письме Афанасия Ивановича накануне Пасхи дана яркая картина звуковой палитры города: «Сегодня ожидание пасхи и звон (особый, пасхальный в Киеве) <...>» (письмо АИБ № 23, 7 мая 1890 г.). Этот особый пасхальный киевский звон запомнившийся многим киевлянам, ассоциируется с описанием собора и площади перед ним в романе «Белая гвардия», но только там он превращается в набат тревоги, а не ожидание праздника, становится вестником трагедии разрушения жизненных устоев.

В письмах невесты и жениха прослеживаются также ирония по поводу своих романтических настроений в связи с весной, а также незаурядный юмор:

⁷⁷ Булгаков М. Собр.соч. в 5 т. Т. 1. с. 411.

⁷⁸ Письмо АИБ № 20 сохранилось не полностью: нет окончания. В кн. Е. Земской «Михаил Булгаков и его родные» опубликован только отрывок с. 45.

⁷⁹ Булгаков М. Собр.соч. в 5 т. Т. 1. с. 359.

⁸⁰ Булгаков М. Собр.соч. в 5 т. Т. 1. с. 252.

«Не могу удержаться, чтобы не начать говорить про погоду. Дурной признак, когда люди начинают говорить про погоду: это значит, что им нечего сказать друг другу, или у них есть такой предмет для разговора, которого они желают избежать, и чтобы разговор не навелся на этот предмет, начинают говорить о погоде. Но в данном случае, надеюсь, что ты согласишься со мною, мой милый, это не так: невольно начинаешь говорить про погоду, потому что она представляет новое явление». (письмо ВМП № 5)

«мне вспомнились наши прогулки там, и в особенности одна, полная тропических приключений <...>» (письмо ВМП № 8).

«С каким удовольствием я погуляла там, хотя комары уже сильно обижают». (письмо ВМП № 11)

«Сейчас по поводу дня рождения Васи идем в рощу за ландышами. Послала бы тебе букет, да далеко». (письмо ВМП № 11)

«Погода на дворе стоит прекрасная. Тепло, даже очень; пыли нет, потому что перепадают дожди; Киев весь почти покрыт зеленью: городское общество на всякой даже маленькой пустоши устраивает скверы, для чего существует в городе особая так называемая скверная компания (так ее называют фельетонисты местных газет, когда хотят уколоть за какое-нибудь скверное распоряжение)» (письмо АИБ № 23).

«Пикников у нас общих не устраивают, так как семейные люди уезжают на дачи, а в Киеве остается один мужской персонал, которому не до пикников (во время экзаменов)» (письмо АИБ № 23).

«24 мая.

Я писал тебе, что начну купаться в Днепре: но оказывается невозможно: последнюю неделю стоят такие холода, что приходится думать не об охлаждении или освежении, а о том, чтобы хорошенько согреться.» (письмо АИБ № 25)

И ещё немного о характере молодой Варвары Михайловны:

«Ты может быть, мой милый, думаешь, что я нахожусь в хорошем настроении потому, что я пользуюсь частыми развлечениями и удовольствиями. Совсем нет. Наоборот, я веду самую скромную жизнь и у меня все время занято делами. Причины же моего веселого настроения находятся во мне самой», – пишет В. Покровская. И продолжает: «Как видишь, мои развлечения очень скромны, и ты можешь пользоваться подобными же в Киеве, даже может быть в лучшей обстановке». В этом письме от 3 мая 1890 года (письмо ВМП № 11), ещё описывается незапланированная прогулка в рощу, которая не только стала прекрасным времяпровождением в день именин Афанасия Ивановича, но и отодвинула на второй план все домашние дела к неудовольствию Мамочки⁸¹:

⁸¹ Анфиса Ивановна Покровская.

«Нужно отдать мне справедливость – я две секунды думала: сначала мелькнула мысль, что я не смогу бросить все, но представление о роце встало в такой соблазнительной форме, что я махнула рукой... Но когда мы объявили мамочке, ожидающей нас, чтобы идти, куда хотели раньше, что получили приглашение в роцу и намерены принять его, она от изумления не смогла вымолвить слова, а когда хотела образумить меня, я уже в ватерпруфе⁸² и шляпе направлялась мимо нее к двери, успев только на ходу крикнуть, что даю слово, что в восемь часов буду дома, и тогда успею сделать, что мне нужно было. Я могла только вообразить взгляд, который сопровождал меня, но боялась оглянуться, и через четверть часа мы уже шли веселой компанией по дороге в роцу».

Характером Михаил, видимо, пошел в маму. Впоследствии он напишет в рассказе «Богема»⁸³ о том, что «в 1913 г. женился вопреки воле матери».

Надежда Булгакова в своих воспоминаниях о Михаиле Булгакове отметила то, что «Красоты киевской природы <...> на всю жизнь отложились в памяти у писателя Михаила Булгакова».⁸⁴ Цитируя произведения брата о Киеве, она приводит некоторые строки, в которых названа практически вся киевская флора⁸⁵. Простор, зелень, природа, «роскошь в природе», - летние страницы жизни семьи на даче дополняют ее воспоминания деталями, например, о «цветнике, который развела мать, очень любившая цветы», о каштанах, посаженных матерью.

В своих выписках при разборе архива семьи Надежда Афанасьевна перечислила еще некоторые моменты, которые не вошли в воспоминания, и, к сожалению, так и не были растекстованы ею в дальнейшем подробно:

«Первые лета в «дикой» девственной Буче
Раскорчевка леса под фруктовый сад – работа отца
Гербарии
Цветы
Цветник. Уход за цветами детей. Дикий вьющийся виноград и каприфолии. Мамина грядка – мамины цветы.
Букеты⁸⁶ («точно веники»). Желтая и белая акация
Мамин дуб. Клубника и земляника»

В далеком Кламаре, под Парижем, профессор Николай Булгаков тоже будет сажать вокруг дома «мамины цветы»: «Вечерний запах петуний, табака, жимолости пробуждает с невероятной четкостью воспоминания детских и отроческих лет» (письмо 10 октября 1961 г.).⁸⁷

⁸² Непромокаемый плащ: waterproof (англ.).

⁸³ Булгаков М. Собр.соч. в 5 т. М. 1989. т.1. с. 469.

⁸⁴ Устное выступление 30 января 1967 г. в музее Л. Н. Толстого в Москве. Цит. по кн. Е. А. Земской «Михаил Булгаков и его родные», с. 75.

⁸⁵ Из романа М. Булгакова «Белая гвардия» и пьесы «Бег».

⁸⁶ Так же, во множественном числе, в письме ВМП № 8: «у меня уже букеты черемухи в комнате».

⁸⁷ Земская Е. А. «Михаил Булгаков и его родные». М. 2004. с. 246.

У Михаила Булгакова есть одна симпатичная записка к жене⁸⁸ о цветах в квартире: «Проходя в размышлениях из кухни к себе, остановился в средней комнате. Хорошо! Как во сне – такую должна быть одна из тех 8 комнат, которые мы с тобою должны были бы иметь. Делают это цветы. Верю в твой вкус и энергию. Устрой дачу на юге. А? 8 комнат – невозможно. Ну, а 4? Попробуй. А?

Твой... Целую».

Фото семьи Булгаковых 1914 года. В гостиной комнате.
Андреевский спуск, 13, кв. 2

Так было и в квартире Булгаковых на Андреевском спуске в Киеве. Рассматривая фотографии гостиной комнаты, видишь горшки с фикусами, монстерой, юккой и другими комнатными цветами. И хотя киевская квартира со всеми удобствами состояла из семи комнат, кухни и веранды, восьмой, под библиотеку, Михаилу явно не хватало, – как профессору Преображенскому в повести «Собачье сердце».

Подарки к именинам

Это было «давно, когда «женщины носили смешные, пузырчатые у плеч рукава» (строки из романа Михаила Булгакова «Белая гвардия»). Даже представить сложно теперь, как в тот день 29 апреля, пережив накануне неделю, «полную треволнений», да еще и очередной приступ болезни отца, двадцатилетняя девушка-учительница спешит на вокзал, чтобы успеть к отходу почтового вагона. И на маленьком конвертике половинного формата ставят штемпель почтового вагона, и письмо на розовой бумаге успевает вовремя.

1 мая 1890 года, ко дню своих именин, адресат получает трогательные слова поздравления. Киев, Рейтарская улица, дом № 9. Спустя много лет их дочь, Надежда, разбирая семейный архив, сделает пометку на конверте, и в тетради, в которой упорядочит

⁸⁸ Записка к Елене Сергеевне Булгаковой. Собр.соч. в 8 т. С-Пб. 2002. Т. 8. с. 427.

все сохранившиеся письма семьи, напишет: «*поздравительное ко Дню Ангела: св. Афанасий 2.05*». Афанасий по-гречески означает «бессмертный».

Спустя много лет, это письмо опубликует их внучка Елена Андреевна Земская в своей книге «Михаил Булгаков и его родные. Семейный портрет»:

«Мой милый! Мой дорогой!

Поздравляю тебя с днем твоего Ангела, желаю всякого счастья в жизни, всего лучшего, что только ты сам пожелаешь себе. Хотелось бы пожать тебе руки в этот день, но хотя братья уверяют, что у меня очень длинные руки, все таки они не смогут протянуться за несколько сот верст. Папа, мама и все поздравляют тебя, желают всего хорошего. Я написала тебе письмо в ответ на твое, но ты его получишь на другой день после этого. В хороший месяц ты именинник, желаю тебе, чтобы у тебя и на сердце был в этот день май. Думай в этот день, что есть на свете человек, который искренне расположен к тебе, желает всего лучшего для тебя, любит тебя, и этот человек – твоя В.»

Вслед за этим письмом Афанасий Булгаков получил еще одно, в котором двадцатилетняя Варвара Покровская описывает события 28 и 29 апреля и отвечает на его мучительное осознание того, что, возможно, он не сможет обеспечить всем необходимым свою будущую семью:

«у меня есть надежда, что мы можем кое что дать друг другу <...> Боишься ты, что наши запросы от жизни не одинаковы, и я вполне понимаю тебя, потому что этот вопрос уже давно беспокоит меня. Если ты действительно можешь удовлетворяться малым в жизни, то ты будешь счастливый человек, да и должен быть уже, если держишься такого взгляда. Я вполне разделяю твой взгляд, что чем меньше будешь желать, тем скорее будешь удовлетворен... Мне кажется, что если человек сам много дает другим людям, то и в ответ может потребовать себе многого. Был у меня случай в жизни, я говорила тебе, милый, когда я не удовлетворилась тем, что мне давали, когда мне показалось не тем, что я хотела бы, и я решила совсем отказаться, чем удовлетвориться вполовину. (Может быть я многого требовала, и никогда не получу того, что мне хотелось бы). Теперь при вступлении в мою новую жизнь я хочу только согласия стремлений, внутреннего спокойствия и конечно взаимного сочувствия симпатии. Впрочем это совсем не мало, в этом все, потому что при этих условиях, как я тебе уже давно писала, остальное все можно согласить. – При вступлении в совместную жизнь зачем отказываться от своих идеалов <...> ты пишешь, что твои убеждения честны и нравственны, такие же и мои, как мне кажется, а ведь честность и нравственность для всех одна. Я утешаю себя мыслью, что если будет у нас различие в привычках, в мелочах жизни, то в этом можно будет сделать взаимные уступки; и это тем легче будет сделать, чем больше симпатии будет между нами. Отчего твои взгляды всем казались странны? Неужели ты не находил людей, которые сочувствовали бы тебе? Мне же приходилось несколько раз встречать сочувствие своим взглядам; конечно я высказывалась немногим, да может быть и потому, что высказывалась тем, которые я чувствовала, поймут меня. Я стараюсь в жизни держаться такого взгляда: что если я уже не могу сделать много добра людям, так буду по крайней мере стараться делать как можно меньше зла. – Ты пишешь, что иногда говорил себе, что людям нет до тебя никакого дела, и тебе они не нужны. Случалось и мне испытать такое настроение, но только настроение. Это бывает тогда, когда не встречаешь в людях сочувствия себе, своим стремлениям, тогда оскорбленный в

своих лучших стремлениях, замыкаешься в себе. Но относиться всегда так к людям нельзя».

И в конце письма: *«Написала тебе, что отвечать сегодня не буду, чтобы в день твоих именин ты не получил известия довольно неприятного о болезни Папы, чтобы этот день не принес тебе даже очень маленькой неприятности...»*

В комментарии к этому письму сестра и первый биограф писателя Надежда Булгакова написала:

«Припадок астмы у отца Мих. Вас. <...> на меня нашло какое-то необыкновенное спокойствие, м.б. потому, что я уже видела этот припадок и знала, что делать». – оказывает необходимую первую помощь – «старалась известными мне средствами <...> облегчить его, и все это с необыкновенным хладнокровием». Так же держала себя в дальнейшем в своей семье, когда случались чрезвычайные происшествия с кем-нибудь из детей или близких.

Из написанных черными чернилами не очень разборчивым почерком строк вырисовывается образ жизнелюбивой, деятельной, рассудительной, но в то же время веселой и озорной девушки.

Последнее сохранившееся письмо этого периода от Варвары Покровской своему жениху датировано **3 мая 1890 года**. И в нем она описывает, как неожиданно для себя отметила его именины, гуляя с близкими в роще. Пришла после пяти уроков домой утомленная, после обеда села писать письмо брату, должна была собраться идти по делу с мамой и младшей сестрой... Как **«две секунды думала: сначала мелькнула мысль, что я не смогу бросить все, но представление о роще встало в такой соблазнительной форме, что я махнула рукой»**, и как моментально одевшись, «прошествовала» в непромокаемом плаще и шляпе мимо изумленной Мамочки, боясь увидеть ее взгляд, и **«успев только на ходу крикнуть, что даю слово, что в восемь часов буду дома, и тогда успею сделать, что мне нужно было»**. И дальше честно признается: **«Я могла только вообразить взгляд, который сопровождал меня, но боялась оглянуться, и через четверть часа мы уже шли веселой компанией по дороге в рощу. С каким удовольствием я погуляла там, хотя комары уже сильно обижают»**. Именно так: **комары не кусают, а обижают!** И дальше: **«Но, желая сдержать свое слово, я старалась быть дома в восемь, и действительно в половине девятого предстали пред смягчившиеся очи мамы»**. День именин Афанасия Ивановича выпал на среду, и в этот день родные поздравляли её: **«В этот день Коля, Митроша и Евг.[ения] Ив.[ановна]. с лукавым выражением лица поздравляли меня с именинником (мамочка поздравила, как следует), но я так просто и серьезно приняла их поздравления и поблагодарила, что их улыбочки не достигли своего назначения. Ну, прощай пока, мой милый. Надеюсь, ты хорошо провел свои именины!»**

«... чтобы у тебя и на сердце был в этот день май». Ровно через год у молодого семейства родился первенец – Михаил.

Забота

В своем выступлении-воспоминании о Михаиле Булгакове «Жизнь в Киеве» 30 января 1967 года в музее Л. Н. Толстого Надежда Булгакова об отце сказала: «Отец был

внимателен, заботлив».⁸⁹ И далее, рассказывая о семье, отметила: «В доме была требовательность, была серьезность, но мне кажется, я могу с полным правом сказать, что основным методом воспитания детей у Афанасия Ивановича и Варвары Михайловны Булгаковых были шутка, ласка и доброжелательность». И, продолжая воспоминания, утверждала, что, конечно, дети ссорились, иногда дрались, «но доброжелательность, шутка и ласка – это то, что выковало наши характеры».⁹⁰

Затем ее дочь, Елена Андреевна Земская, в своей книге о Михаиле Булгакове, публикуя некоторые письма своего дедушки, написала, что письма «проникнуты ласковым отношением к жене и детям».⁹¹

Здесь хотелось бы отметить истинно педагогические качества обоих родителей Булгаковых – такт и уважение к личности, как таковой.

Деликатность прослеживается даже в отношении капризов, не поддающейся власти человека погоды, и отмечается в письмах обоих.

В письме 11 сентября 1889 г.⁹² Афанасий Иванович о погоде в Киеве сообщает в Карачев: «Я здоров, если не считать маленькой простуды, которую схватил при резких переменах погоды: стоят холода и дожди».

В ответном письме (2 ноября 1889 г.)⁹³, получив сообщение о подобном недомогании у Варвары Покровской, проявляет беспокойство: «Я очень беспокоился, дорогая моя, не получив от Вас ответа на своё письмо, – ответа, который я почему-то привык ожидать ровно через две недели <...> и благодарю, что дождался таки его. Что было с Вами? Отчего Вы заболели? Берегитесь, особенно при теперь наступающих быстрых переменах погоды, при резких переходах, - от комнатного нагретого воздуха к воздуху открытому, уличному, при переменах блюд горячих и холодных <...> не сердитесь на меня за мой совет».

Это «беспокойство», с припиской не сердиться за совет – лучшее проявление заботы, констатация того, что человек, его состояние здоровья и прочие события жизни не безразличны!

Такт и деликатность проявляет Афанасий Иванович, рассчитывая на свидание в Карачеве и, учитывая возможное настроение домашних: «если намерены ещё откладывать свое решение, то не просили бы меня приезжать на Рождество в Орел и Карачев. Я рад буду провести с Вами времени сколько угодно, но предупредите об этом по крайней мере своих, а меня известите как они к этому отнесутся. Может быть мой приезд без определенной цели (так будет в их головах) им будет неприятен».⁹⁴

Оба спешат, высчитывая время письма в пути, поздравить друг друга с днем Ангела:

*«1 декабря 1889 года Киев-Карачев
Дорогая Варвара Михайловна!*

От всего сердца поздравляю Вас с днем Вашего Ангела и желаю Вам прежде всего здоровья, а потом всего, всего хорошего, – словом желаю Вам исполнения всех Ваших желаний. Ваших домашних поздравляю с именинницей. Шлю всем приветствия и поклоны. Написал бы больше, да боюсь, что письмо опоздает к отходу почтового поезда: я ошибся днем при расчёте маршрута этого письма. Впрочем для

⁸⁹ Цитируется по книге: Е. Земская. Михаил Булгаков и его родные. М. 2004. С.75.

⁹⁰ там же. С. 79.

⁹¹ там же. С. 42.

⁹² Письмо № 1 АИБ.

⁹³ Письмо № 2 АИБ.

⁹⁴ Письмо № 3 АИБ.

*поздравительного письма достаточно и того, что написано. С нетерпением ожидаю ответа на свое последнее письмо к Вам, которое Вы получили ли? Шлю тысячи поцелуев по Вашему адресу и с нетерпением жду возможности увидеть Вас. Преданный Вам А Булг.
1889 г.»⁹⁵*

Весною, в конце апреля, Варвара Покровская отослала своё короткое поздравление с Днем Ангела.⁹⁶ И в это же время составляла длинное письмо, которое отправила позже, потому что в нем были нерадостные сведения о болезни отца семейства Покровских.

*«29 апреля 1890 г.
Мой милый! Мой дорогой!
Поздравляю тебя с днем твоего Ангела, желаю всякого счастья в жизни, всего лучшего, что только ты сам пожелаешь себе. Хотелось бы пожать тебе руки в этот день, но хотя братья уверяют, что у меня очень длинные руки, все таки они не смогут протянуться за несколько сот верст. Папа, мама и все поздравляют тебя, желают всего хорошего. Я написала тебе письмо в ответ на твое, но ты его получишь на другой день после этого. В хороший месяц ты именинник, желаю тебе, чтобы у тебя и на сердце был в этот день май. Думай в этот день, что есть на свете человек, который искренне расположен к тебе, желает всего лучшего для тебя, любит тебя, и этот человек –
твоя В.»*

В ответном письме, начатом Афанасием Ивановичем тоже 29 апреля 1890 года, есть такие строки относительно этого маленького послания Варвары Михайловны:

«2 мая. Сейчас получил твое письмецо в маленьком конвертике и очень был недоволен его внешним видом (маленьким объемом); но зато содержание письма вполне искупило его величину. Благодарю, от всей души благодарю за поздравление и слова любви и ласки, написанные там (ведь это в первый раз ты пишешь в такой форме). Крепко целую тебя и твои ручки, моя милая, моя хорошая, незабвенная: никогда не забуду я этого счастливого момента и постараюсь быть достойным этого счастья».⁹⁷

Вся переписка будущих супругов проникнута не только беспокойством о здоровье друг друга, но и о здоровье близких, о настроениях в семьях в связи с болезнями обоих глав семейств – сначала в конце января 1890 года заболел Иван Авраамиевич Булгаков, а потом Михаил Васильевич Покровский.

В февральском послании⁹⁸ Афанасий Иванович просит:

«Прошу тебя во имя нашего общего счастья беречь свое здоровье. Я впрочем не хочу сказать, что для этого нужно непременно кутаться: это конечно вредно; но я хотел бы, чтобы никогда ты против требований организма не шла и не обманывала себя. Холодно ему – одень его; жарко – охлади; но никогда не подвергай резким переменам. Переход от тепла к холоду останавливает обращение крови (простуда); обратное действие – заставляет приливать кровь к голове.... Впрочем до завтра (уже 2 часа ночи!).....».

⁹⁵ Письмо № 4 АИБ.

⁹⁶ Письмо № 10 ВМП.

⁹⁷ Письмо № 21 АИБ.

⁹⁸ Письмо № 12 АИБ.

В конце этого письма:

«Прощай, моя голубка <...> Береги, – повторяю, – себя от простуд. Мне невыносимо будет узнать, если ты вновь заболеешь. Весь твой АБ».

В последний день масленицы случился приступ астмы у отца Покровских, о чем сообщается в письме к жениху: «спешу поблагодарить за заботливость о моем здоровье, выраженную в твоём письме <...> заболел Папа. Дело в том, что в субботу вечером с ним *сделался приступ астмы* <...> Эти дни Папа чувствует себя хорошо, но вообще теперь за его здоровье всегда нужно опасаться. Как видишь, в этом мало утешительного. *Рада я очень, что здоровье твоего Папы поправляется*».⁹⁹

В ответ от Афанасия Ивановича она получает не только живое участие, сочувствие и сопереживание, но и массу полезных советов, которые, кстати, он просит передать не прямо, а через старших членов семьи: «нам нужно уменьшить количество (до возможного *минимума*) пищи (и употреблять только по совету докторов). Никакие *питья*, содержащие спирт (водка, вина, пиво, квасы даже) не должны быть употребляемы (мой Папа давно уже не пьёт водки, наливки; но пивал, – хотя редко, – вино), это должно быть соблюдено до последней точности. Как можно больше ходить (не быстро сначала, а потом быстрее и быстрее) и как можно меньше ездить необходимо. Чтение, только слушать, хотя медленно, и по возможности меньше писать. ***Мои советы ты, пожалуйста, не передавай ему прямо и в острой живой форме, а прочти эту часть письма Маме*** (которую прошу поцеловать от меня крепко), а она передаст их Папе..... Да! Было позабыл. Припадок его болезни случился от резкого перехода к тяжелой масличной пище. Такой переход вреден и для молодых, а для людей его лет положительно должен быть возбранен..... Это письмо я пишу уже давно понемногу. Остается прибавить еще несколько слов по твоему адресу. ***Я рад, что твоя грусть и мрачное настроение имеют временный характер: я уверен, что ты больше веселого и счастливого нрава и открытого характера***, а потому и приписываю твою грусть и мрачные выражения всегда какому-нибудь органическому перевороту».¹⁰⁰

Зима 1890 года, начавшаяся помолвкой, омрачилась беспокойством и тревогой о здоровье близких. Но это только сблизило обоих. «18 февраля. – Получил твое письмо, моя дорогая, порадовался тому, что мог доставить тебе удовольствие, и взгрустнулось мне при неприятной весте о болезни твоего милого папы. Видно уже судьба наша с тобою такая, что вместе с первыми днями радости приходится переживать и дни горя тяжкого. Будем делиться и тем, и другим; тогда (повторяю еще раз) и радость будет живее чувствоваться, и горе не так тяжело будет одолевать, как если бы пришлось переносить его в одиночестве. Не грусти, моя голубка, моя бесценная подруга! Организмы моего и твоего папы очень одинаковы, и жизнь их проходила почти одинаково (у твоего было больше деятельности вне дома, у моего больше домашнего горя). Взрастить и воспитать по столько детей, как они взрастили, дело нелегкое. Рано бы им еще болеть такими тяжкими болезнями (они ведь еще не старики: особенно мой), но природа берет свое. Наше дело поблагодарить их за то, что они сделали нам и успокоить их хоть теперь, когда силы значительно подорваны. Я всё это говорю к тому (и своим дома говорил), чтобы домашние берегли своих отцов, всячески облегчая их труды и охраняя их домашнюю жизнь от тревог».¹⁰¹

Сочувствие принималось с благодарностью, а советы не воспринимались как назидательность. 22 февраля 1890 года Варвара Покровская пишет: «Очень благодарю тебе

⁹⁹ Письмо № 2 ВМП.

¹⁰⁰ Письмо № 13 АИБ.

¹⁰¹ Письмо № 13 АИБ.

за участие, которое ты принимаешь в болезни Папы. Папа, конечно, шлет тебе благодарность за это и за твои пожелания. И Мама, и он, а также Зоря шлют тебе поклоны. Милый мой! Не огорчайся, пожалуйста, моими некоторыми письмами. Я так счастлива твоею любовью, что скоро забываю всякие огорчения, если даже они изредка и случаются, и у меня так хорошо на душе. Если тебе когда-нибудь придется почувствовать себя одиноким, то знай, что мои мысли всегда около тебя. Прощай, мой дорогой! Желая тебе всего хорошего. Твоя В.»¹⁰²

В следующем письме¹⁰³ тоже присутствуют строки о здоровье близких: «Здоровье Папы хорошо сравнительно, что очень влияет на состояние расположения духа всех. Вчера (вставка НБ: 8 марта) вместе с твоим письмом получила и собственноручное письмо Митроши. Он также составляет предмет дум всех нас. С другим глазом его сделана операция, и теперь он видит раньше оперированным, но только с помощью очков может читать и писать, но и это много значит. Я была очень рада этому письму, а тем больше потому, что имела возможность убедиться, что он сможет читать и писать с помощью раньше оперированного глаза, хотя правда почерк его не так тверд и правилен и сразу выдает слабость зрения».

Поездка в Орел по личным делам Покровских не могла пройти без визита к Булгаковым. Варвара Покровская спешит сообщить в Киев о свидании с родными Афанасия Ивановича: «Папу твоего нашли поправившимся, он даже вел шуточные разговоры. Мама твоя была очень добра ко мне, жалко, что не было дома Ферапонта, я хотела видеть его, но зато все сестры были дома, и я теперь познакомилась с самой последней твоей сестрой».¹⁰⁴

Забота, беспокойство, безразличие проявляются в характерах обоих Булгаковых не только в отношении друг к другу, но и в кругу близких. Так появляется в переписке тема младшей сестры Варвары Михайловны – Шурочки:

«После ужина только хочу сесть, что-то написать тебе, как Шура с самым негативным выражением лица объявляет, что у нее «задачи не выходят» или перевод с незнакомыми словами. Делать нечего, садись и провозившись с нею, ложишься спать, чувствуя приятное утомление, что сейчас же засыпаешь крепким сном».¹⁰⁵

Далее в переписке намеками описывается участие в судьбе детей вдовы ее старшего брата Василия:

*«6 мая. Сегодня была в обедне, а оттуда зашла к Евгении Ивановне: нынче день рождения Васи. У меня с нею теперь новая забота. Надо ей Васю отдать в прогимназию, и он должен будет в конце мая держать экзамен в 1 й класс. Он учился в училище, но все таки надо править его знания. Мне самой совсем некогда заняться с ним, и я его поручила Митроше. Занятия у него в училище кончились, и поэтому он по утрам может ходить к Митроше. Сегодня я ему обещала, если он сдаст экзамен, что он будет на моей свадьбе и попадет со мною к венцу, но не иначе как в форме прогимназии. Он весь день просидел и дал мне слово, что сдаст. А как же я рада была, если же к тому времени удалось устроить ее детей».*¹⁰⁶

И самое важное в отношениях Булгаковых – понять и узнать причину любого волнения, а потом постараться принять негативные стороны жизни, например, пропажу писем на почте, и успокоить друг друга при первом же свидании: *«Мне это очень неприятно. Неприятно и потому, что письмо мое пропало, и потому, что это доставило тебе беспокойство.... Я не смогла отнестись равнодушно к твоему письму от 19 марта;*

¹⁰² Письмо № 3 ВМП.

¹⁰³ Письмо № 4 ВМП.

¹⁰⁴ Письмо № 5 ВМП.

¹⁰⁵ Письмо № 8 ВМП.

¹⁰⁶ Письмо № 11 ВМП.

оно очень обеспокоило и взволновало меня. Я с нетерпением ждала твоего следующего письма, чтобы узнать причину твоих волнений; и получив твое открытое письмо, на другой же день послала тебе письмо. Я уже писала тебе в том письме, как бы я хотела знать причину твоего настроения, выразившегося в письме 19-го марта, хотела бы знать про какие дела, беспокоящие тебя, ты пишешь? Эти вопросы и теперь беспокоят меня и я жду, не дождусь свидания с тобой. Жалею тебя, голубчик мой, что ты пережил неприятные дни в ожидании моего ответа, вследствие каких причин, не знаю, к тебе не попавшего».¹⁰⁷

Юмор

Переписка – это очень личное общение, не допускающее привлечения третьих лиц. Письма хранились, и в случае размолвки возвращались адресату или должны были быть уничтожены. В противном случае, письма становились предметом шантажа и наживы. Публикация писем считалась допустимой только по прошествии многих лет.

Публикуя эту переписку родителей, мы, конечно же, учитываем и тот факт, что прошло 130 лет. Надеемся, что авторских прав и личной собственности эта публикация не нарушает, поскольку письма стали музейными экспонатами. Мы учитываем и то, что хранились эти письма и не были опубликованы первым биографом Михаила Булгакова, сестрой Надеждой, и только частично опубликованы ее дочерью по прошествии более века, из соображений частного характера.

Но вокруг имени Михаила Булгакова, к его 130-летию накопилось так много всяких фантазмагорических домыслов, предположений и теорий, что эта публикация должна прояснить многое не только о самих родителях, но и о подробностях жизни семьи в Киеве.

Итак, поговорим о слухах, вернее – сплетнях, которыми 130 лет назад была окружена молодая пара будущих родителей Михаила Булгакова, и как они к ним отнеслись. Ведь именно так – достойно и с юмором – будет относиться впоследствии к нападкам на свое творчество и Михаил Булгаков.

22 ноября 1889 г. Афанасий Иванович пишет Варваре Покровской:

«Я должен предупредить Вас, что мои поездки к Вам уже обратили внимание посторонних; и в Орле по крайней мере, язычки уже работают на наши с Вами счёт. Кто причиною этого, я не знаю....

..... Скажите мне, как Вы относитесь к этому говору; не будет ли он для Вас источником каких-нибудь неприятностей. Я этого совершенно не хотел бы.

... ужасное дело эти язычки; вернее, впрочем, было бы сказать «ужасное безделье», потому что чужие косточки перемываются обыкновенно от безделья. Это особенность русского человека: он когда в обществе, редко говорит о предметах (потому что мало о них имеет знаний), а обыкновенно говорит о людях. А так как круг событий в жизни очень беден, однообразен, то разговор скоро исчерпывается; без разговора же жить скучно, вот тут то и начинается сплетня. Впрочем в больших городах она не такой принимает опасный характер, как в маленьких, где каждый почти каждого знает. Впрочем, должен Вам сказать, что Киев в этом отношении можно отнести к числу маленьких, потому что в нем, если угодно, помещается несколько маленьких городков... наш Академический кружок есть мирок еще более специальный и узкий, а потому материал для работы язычков и здесь так же велик, как и в любом кружке маленького города. Но, - повторяю, - сплетня здесь не принимает столь опасного характера, особенно, когда на нее не обращаешь внимания. Я, напр., не успел приехать в Киев, как послужил причиною для

¹⁰⁷ Письмо № 6 ВМП.

многих сплетен, но так как отнесся к этому равнодушно, то по крайней мере до меня они перестали доходить, а это дает возможность чувствовать себя спокойно....»¹⁰⁸

После помолвки, которая не была официально объявлена, а состоялась в тесном семейном кругу Покровских, после того, как этой новостью Афанасий Иванович поделился в своей семье, тем не менее, оба подвергаются расспросам ближайшего окружения. Но ведут себя очень предусмотрительно и советуются друг с другом относительно стратегии собственного поведения в дальнейшем. Причем не обходится здесь без юмора по поводу любопытства посторонних:

«13 февраля¹⁰⁹

<...> благодаря некоторому обстоятельству, все бывшие на вечере знали, что я женюсь (на моей милой, хорошей, дорогой, – прибавлю от себя; – Варе); меня поздравляли и расспрашивали о тебе очень подробно. Особенно пиковая дама! Вот это обстоятельство и привело меня в некоторое смущение. Я не позволил себе без некоторого с твоей стороны разрешения говорить о тебе всё подробно. Ответь мне: могу ли я отвечать на все вопросы, которые мне предлагают относительно тебя?...

Спрашивают: кто ты? Откуда? Какого происхождения? Какого роста? Какого дородства? Какие у тебя глаза? Какие губы? Смеешься ли громко или тихо? Говорлива или молчалива? Просят показать твои фотографии; что ты делаешь? Сколько тебе лет? И много других вопросов. Я никак не ожидал такого судейского расследования о твоих внешних и внутренних качествах: я думал, что все удовлетворятся ожиданием возможности видеть тебя лично. Пиковая дама спросила: когда я сделал предложение тебе? Как? У пианино или в другом каком месте? Играешь ли ты? Поешь ли ты? Я на одни вопросы ответил: “Увидите сами!” На другие сказал: “Отвечу после” и т.д. Так прошу тебя: ответь мне, что я должен отвечать на подобную чушь, вызванную дамским любопытством (а может и чем-нибудь большим). Ведь у меня на все подобные вопросы может быть только один ответ: “Она такова, какой я никогда, нигде лучше не встречал”. Но понятное дело, что таким ответом не удовлетворишь не только никаких дам, но даже червонных и бубновых..... Прости, моя голубка!»

В ответном письме¹¹⁰ серьезно, великодушно и благородно дается ответ и сообщается об интересующихся подробностями относительно жениха:
22 февраля 1890 г.

«Ну, попался ты, бедный мой, в руки к Киевским дамам! Теперь они не оставят тебя в покое. В этом случае одно могу посоветовать тебе: воздержись, пожалуйста, от описаний моих внешних и внутренних качеств, потому что велико будет разочарование милых дам, когда они увидят меня после твоих описаний. Я не выдержу и снисходительной критики их, а что касается до строгой критики пиковой дамы, то я заранее пасую перед нею. Судя по вопросам, которые тебе предлагают, можно заключить, как велика любознательность Киевских дам! Воображаю себя в положении, когда буду подвергнута их строгому разбору: хотя я не особенно трусливая особа. Меня здесь также поздравляют, здесь проявляется любопытство относительно тебя, и особенно сильно оно со стороны моей сослуживицы, другой классной наставницы. На ее вопросы “хорош ли ты? умен ли?

¹⁰⁸ Письмо № 3 АИБ.

¹⁰⁹ Письмо № 13 АИБ.

¹¹⁰ Письмо № 3 ВМП.

сильно ли любишь меня?» я только посмотрела на нее и засмеялась: последнего вопроса совсем не следовало делать. На днях как-то, когда мы были с нею вдвоем в комнате, она посмотрела на меня и вдруг сказала: “Вы будете очень счастливы”. И мне так захотелось поверить ее словам, так захотелось, чтобы они исполнились. Иногда мне самой рисуется мое будущее таким светлым, хорошим, и так легко становится на сердце».

По поводу своей будущей женитьбы даже близкому другу Владимиру Позднееву А. И. Булгаков в письме 25 февраля 1890 года сообщает немного:

«Здравствуй дорогой мой жених! Конечно поздравляю тебя и конечно желаю от души тебе всякого счастья и благополучия. Можешь поздравить и меня: я тоже женюсь и тоже не на месте своей службы, т.е. не в Киеве. Кто моя невеста и когда моя свадьба, - я тебе пока не могу сказать: первого, - потому что избегаю вообще распространяться о невесте своей (милой девице, воспитаннице одной из Орловских гимназий), второго, - потому что день моей свадьбы еще не назначен, так как я не могу так располагать своим временем, как ты. Женихом я стал недавно, т.е. получил в ответ согласие невесты, хотя уж давно знаком с нею. Но теперь о сплетнях. Троицким я никогда писем не писал, кроме поздравительных своей куме: в этих письмах как о твоей, так и о своей женитьбе не говорил ни слова. Кратировым писал о своей женитьбе, но тебе просил не говорить, потому что рассердился на тебя за то, что ты, будучи в Орле не заехал к нам, где и я был одновременно с тобою. За это я во второй свой приезд не зашел к вашим. Поздравь от меня Павла Федоровича и пожелай ему всякого счастья и благополучия. Поклонись всем знакомым, особенно Сергею Павловичу и его жене. Прощай! Писать больше нет времени. Итак мы два года пробыли вместе, два года прожили врозь и оба одновременно пришли к мысли жениться. Дай бог, чтобы нам не пришлось об этом пожалеть. Скажи сплетникам, что моя невеста вовсе не бедная, хотя нельзя ее назвать и богатой. Твой Афанасий».¹¹¹

И ещё о расспросах и обещаемых объятиях, в которых, скорее всего, не задушат: «я как-то задал вопрос пиковой даме, - “А как отнесутся дамы к тебе и как примут тебя”? Она ответила: “Будьте уверены, что Ваша покорная слуга примет ее с распростертыми объятиями”. Итак, впредь для тебя обеспечены объятия пиковой дамы. Будь уверена, что она тебя в них прилаская не задушит. Скажу тебе, что для тебя обеспечены объятия еще одной трефовой, одной или 2 червонных и несомненно 2 бубновых (по цвету волос). Недавно одна девица задала мне вопрос: “А на кого из общих знакомых дам похожа Ваша невеста?” Я по обыкновению затруднился отвечать на этот вопрос. Но сидевший тут же один из товарищей сослуживцев и видевший твою последнюю фотографию в моей квартире, ответил, смотря на нее: “На Вас!” Этот ответ привёл девицу в необыкновенное оживление. В присутствии всей честной компании она сделала такое заключение (по женской логике): “Если Ваша невеста лучше всех виденных Вами, то значит: я – вторая за нею”! Да? Логично! Ну прощай, моя первая, несравненная ни с кем, моя хорошая невеста! Крепко, крепко целую тебя. Мне хотелось бы любить тебя ещё больше, чем теперь люблю. Да я не знаю, как это сделать и чем выразить».¹¹²

¹¹¹ Машинописная копия письма из архива Н. А. Булгаковой-Земской.

¹¹² Письмо № 14 АИБ.

Но в ответе¹¹³ его невесты сквозит внутренняя недопустимость судить других людей, терпеливое и снисходительное отношение к недостаткам, в том числе и собственным, стремление не выпячивать своих достоинств и абсолютное нежелание «перевернуть мир». Никаких амбиций со стороны Варвары Михайловны в новом для нее обществе не обещается:

*«Что это ты так, мой милый, вооружился **против Киевских дам**? У всяких людей есть свои недостатки в большей или меньшей степени, есть и у дам, конечно, и как видно из твоего письма, есть и у Киевских дам и даже большие; но все-таки ты не прав, по-моему, говоря, что не желаешь иметь снисхождения к их недостаткам. Мне кажется, что для того, **чтобы строго судить поступки** других людей, нужно самому стоять очень высоко, а какой человек с уверенностью может сказать, что он совершенно чист и «высок душой»? Впрочем, не могу не согласиться с тобой, что иные поступки и взгляды могут возмущать до глубины души. В своих письмах ты точно готовишь меня к борьбе при вступлении в общество Киевских дам. Со своей стороны могу сказать, что я не собираюсь ни преклоняться перед их «совершенствами», ни блистать своими «талантами», а тем больше последней претензии у меня никогда не было (впрочем самой о себе трудно судить), да и много нужно иметь талантов при такой претензии!»*

Но таланты у обоих, безусловно, были. Причем, среди прочих, самый важный талант – любви. Окружение, безусловно, не могло не отметить этого:

*«Что я буду хорошим семьянином, на это указывали даже те из дам киевских, которые постоянно спорят со мною по вопросам семейной жизни. Особенно в этом отношении странную показала одна из здешних девиц, которая когда то много ругалась со мною и в глаза называла нигде не годным человеком, а однажды наговорила мне таких вещей, что я просто хотел прекратить знакомство; но подумав, я не хотел обижать этим ее семью. – Недавно мне говорят: **“Она о Вас прекрасного мнения и видит в Вас будущего хорошего семьянина”**. Я изумился этому. Но оказалось, что это правда».*¹¹⁴

Уют

На момент соединения судеб Варваре Покровской шел двадцатый год, Афанасию Ивановичу исполнилось тридцать один. Она преподавала, и, по её собственному выражению, «не даром ела свой хлеб» уже два года, а он был на преподавательском поприще уже шестой год. В 1885-1887 гг. он преподавал греческий язык в Новочеркасском духовном училище. И в 1887 г. А. Булгаков стал доцентом Киевской духовной академии.

Последние четыре года перед свадьбой, живя и работая в Киеве, он знакомился с бытом киевских коллег, выбирал друзей и обустроивал свой быт: «Квартиру я нанял со столом у своего же профессора».¹¹⁵ Далее в этом же письме пишется о том, что он занят «устройством своей жизни»: «куплены кровать, тюфяк, рукомойник (25 рубл.), письменный стол (50 рубл.), сапоги (5 рубл.), суконный сюртук (25 р.), а еще нужно: тарелок, самовар, 1/2 дюжины стульев, заплатить за квартиру, внести в братство, в Археологическое общество и т. д. и т. д. (расходам нет числа!)». В письме № 12 (30 мая 1888 г.) сообщается, что адрес у него

¹¹³ Письмо № 4 ВМП.

¹¹⁴ 22 Письмо № 22 АИБ.

¹¹⁵ Яблоков Е. А. Я читаю о человеке все...(Письма А. И. Булгакова к В. М. Поздневу). Октябрь № 11. 2002. Письмо № 9. 1887 г.

Подвальный переулок, дом А. Розова. Профессор Алексей Васильевич Розов преподавал в Киевской Духовной Академии.

Но адрес, на который в 1889 году писала Варвара Покровская в Киев, был другой: Рейтарская, 9. Выходит, как минимум дважды до женитьбы Афанасий Булгаков менял адрес места жительства, и, конечно же, пережив очередной переезд, налаживал свой быт.

Семейная жизнь киевского круга знакомых не однажды наталкивала его на мысль, что он затянул с женитьбой. В письмах к невесте есть об этой «борьбе с собой» в 1888 году. Об этом – о своем нерадостном одиночестве – он пишет в 1888 году и близкому другу юности Владимиру Поздневу: «А по части «моего» предмета¹¹⁶ можешь пропеть выходную арию из “Русалки”».

Евгений Яблоков в публикации отмечает, что 8 апреля 1890 года Афанасий Иванович телеграммой от всей семьи Булгаковых поздравляет Владимира Позднева с законным браком, а 10 апреля в следующем послании к другу сетует: «Мои дела относительно женитьбы клеятся очень плохо, а главное, потому, что я не обладаю способностью устраивать свои дела так практично, как их устраивают люди, вкусившие Петербурга. Нет, брат! Верно, не жить мне с своим верхоглядством в этом мире, а лучше бежать куда-нибудь в пустыню: там и я буду счастливее, да и другим не буду мешать быть счастливыми».¹¹⁷ Далее следует любопытный комментарий автора: «Эти «удрученные» строки вряд ли стоит принимать всерьез, поскольку писавший их, судя по всему, уже и сам ходил в женихах: всего через три месяца, 1 июля 1890 г., Булгаков женится на двадцатилетней учительнице Варваре Покровской (свадьба состоялась в Карачеве Орловской губернии – родном городе невесты)». Книга Е. А. Земской «Михаил Булгаков и его родные», вышедшая два года спустя после публикации статьи Е. А. Яблокова (октябрь 2002 года), была дополнена точной датой помолвки – наступающий новый год, то есть с 31 декабря 1889 на 1 января 1890-го года.

Отношение к устройству своей жизни, к дому, к быту, к семье, ответственность перед друзьями, близкими – все это есть уже в письмах молодого Афанасия Ивановича к другу юности Владимиру Поздневу. В письмах к Покровской даны заверения о том, как важны эти составляющие жизни для него и как он ценит это в других: «Родной дом я всеми силами постараюсь заменить тебе, да связи с ним и родственные привязанности никогда и не прервутся: за это я ручаюсь».¹¹⁸ И далее в этом же письме (4 мая 1890 г. Киев – Карачев) перед свадьбой: «... я тебе обещаю не простое сочувствие, а глубокое чувство, не простую симпатию, а душевную, горячую любовь, которая будет господствовать над всею жизнью».

К сожалению, письмо к невесте, в котором он пишет о поиске новой квартиры для них обоих, не сохранилось. Но есть ответ на него, из которого ясно, что его действиям, опыту и вкусу абсолютно доверяют. Свою жизнь молодая Варвара Покровская полностью отдавала ответственному человеку, в надежные руки, что и значит буквально – выходила замуж, становилась рядом – за мужем: «Теперь насчет **практических вопросов**, которые ты предлагаешь мне. Прежде всего хочу сказать тебе, что **в отношении квартиры** я не желаю выражать тебе никаких **претензий, требований и желаний**, и могу сказать одно, что **полагаюсь в этом совершенно на тебя. Какую ты выберешь, такая будет хороша**, а тем больше, что я могу сказать за глаза; на счет цены ты также больше меня знаешь, так как знаешь, дорога ли жизнь в Киеве. Мне кажется, что 360 р. пожалуй дорого сравнительно со

¹¹⁶ В ссылке у Евгения Александровича Яблокова говорится, что «неясно, о каком «предмете» идет речь, – возможно, уже о Варваре Покровской, будущей матери Михаила Булгакова». Да, действительно, их знакомство состоялось летом 1886 года. Теперь же, из переписки с невестой, как и она, мы понимаем, что это была «другая привязанность».

¹¹⁷ Там же. Письмо АИБ № 14.

¹¹⁸ Письмо АИБ № 22.

всем доходом, и очень можно нанять дешевле. Да вообще ты не очень хлопочи со всем этим; если тебе кажется неудобным нанимать заранее, то можно приехать и в гостиницу, это ты можешь сделать по своему усмотрению. Сегодня я в особенности не расположена решать всякие практические вопросы». ¹¹⁹ Как же прекрасно, что молодая женщина может позволить себе не решать «всякие практические вопросы»!

Хлопоты же перед свадьбой буквально захлестывают Афанасия Ивановича. Разбирая переписку, Надежда Булгакова помечает письмо № 24 словами: «О перемене квартиры. Длинное письмо перед свадьбой. 10 мая 1890 г. Переписаны отрывки»:

*«Какая страшная возня с переменою квартиры, это просто ужас! Каждую книжонку, каждую поганенькую (извини за выражение) вещичку приходится передержать в руках, да иногда еще по несколько раз пока им найдешь место, а потом каждую их них вновь нужно разложить, расставить и все это самолично, потому что не на кого больше поверить.
<...> Я пишу тебе еще до переезда в квартиру, а перееду, - займусь установкою вещей, - тех, которые есть, кой чего подкуплю (смотря по своим маленьким ресурсам). Сделаю гардины на окна, т.е. занавесы, прикажу вымыть те, которые у меня есть, если только прачки согласятся приготовить все это к моему отъезду. Видишь, опять взялся за материальные заботы, - потому что не могу бросить того дела, которое начал, пока его не окончу. Да притом, - повторяю, - мне необходимо это: иначе я умру с тоски».* ¹²⁰

Дальше в этом же письме:

«Сегодня (14 мая) мне предстоит порядочная возня с размещением мелких вещей, которые нужно уложить так, чтобы дорогой ничего не разбить, не сломать и вообще не попортилось <...> Окончить возню с укладкою мебели и всяких мелочей; книги прибраны: читать и писать нечего, потому что с работами, какие были, несколько разделался остается беседовать с тобою, моя дорогая, - милая моя».

Благодаря этому письму, из которого ясно, что «Завтра оказывается царский день (15 мая) и мне будет невозможно совершить переезда в квартиру, так что придется переезжать уже послезавтра (в Среду – 16-го). Прощай пока!». Так установлен день переезда на Воздвиженскую, дом № 28, где родился Михаил Булгаков. И еще одно обстоятельство: «Теперь я буду <...> ближе к Академии и к реке, в которой думаю купаться, хотя это и не так близко, как у Вас в Карачеве. Значит, река была недалеко и от дома Покровских в Карачеве.

Итак, «16 мая

Я перебрался в новую квартиру....

Сегодня так перетомился с переездом и разысканием твоего письма, что совершенно потерял силу думать, писать, да и вообще что-нибудь делать».

Дальше в письме следует дата 17 мая:

«Прости, что я так много обеспокоен, по-видимому, пустяками. Для меня это не пустяк: я теперь живу перепискою с тобою, – не будь ее я не знаю, что и делал бы.

¹¹⁹ Письмо № 8 ВМП (не публиковалось).

¹²⁰ Отрывки публиковались в кн. Земской.

Это письмо я принимался писать по крайней мере раз десять. Откликнись, отзовись, - и я буду вновь спокоен, вновь примусь за дела: я теперь хожу, как безумный: сегодня купил в лавке табаку и еще кой-чего; деньги заплатил, а покупку забыл взять. Что же дальше будет?! ...»

«Купил табаку», – об этой папиной привычке никто не писал.

Только 23 мая получив письмо от невесты, он пишет в этом же письме, продолжая его, о своей несказанной радости:

*«23 мая. Спасибо тебе, моя дорогая за письмо!¹²¹ Получил в новой квартире: это мне подарок на новоселье. Несомненно теперь, что твои письма пропадают в Карачеве, и я думаю, что опять письмо пропало, потому что захотели поинтересоваться тем, о чем может карачевская барышня переписываться с профессором. <...> я сегодня готов перецеловать весь мир. **Новая квартира очень мне нравится**».*

В следующем (25 письме) сообщается:

*«В прошедшем письме я писал тебе, моя голубка, что **очень доволен новой квартирой**: не знаю, как она покажется тебе. Хозяева, кажется, тоже порядочные люди. Я теперь живу чисто бобылем, хотя и в **семейной квартире**. **Обедать хожу к хозяевам** (я почти никогда не ужинал и не ужинаю со времени переезда в Киев, а особенно с того времени, как Папе запрещено ужинать) **вечером чай пить тоже приглашают к себе**; а утром **прислуга их приносит мне заваренный хозяйкою чай и чайник горячей воды**, - и ... так я своего почти ничего не имею и ничего не покупаю; мне почему-то нравится такое житье-бытье: кажется потому, что свободно можно отдаваться своим соображениям и планам относительно будущего нашего житья-бытья; ничем не стесняясь можно думать о тебе. Кстати: сколько раз ни приходилось мне говорить **о прислуге**, все хозяйки советуют привезти прислугу с собою с родины. Особенно одна, родом из Орловских говорит, что ей на первое время было **очень трудно понимать язык здешних баб**. В особенности, - говорят, - **нехороша прислуга в нравственном отношении**. Поэтому советуют привезти пожилую женщину, конечно опрятную в стряпне и мытье белья, словом жившую в приличном доме».*

В этом последнем письме из Киева перед свадьбой есть и такие строки:

*«29 мая. Сколько раз приходилось и читать, и слышать в разговоре, что ужасно **страшно бывает вступать в новую жизнь**, т.е. начинать жизнь семейную: я почему-то не могу представить себе причины этих страхов».*

И в самом конце письма практичный и скромный профессор пишет своей невесте: *«На сокращение брачных церемоний я совершенно согласен».*

В этих письмах Афанасия Ивановича Булгакова есть замечательные строки: «Сделаю гардины на окна, т.е. занавесы».

В воспоминаниях Леонида Карума сказано, что не было у Булгаковых никаких штор, в смысле портьер, – были просто занавески.

Но эти занавески на окнах в первом романе Михаила Булгакова «Белая гвардия» превратятся в образ уютного дома. Трогательный и беззащитный Лариосик скажет, что в квартире Турбиных он «оживает душой», что в ней «тепло и уютно, в особенности

¹²¹ Это письмо от В. М. Покровской не сохранилось.

замечательны кремовые шторы на всех окнах, благодаря чему чувствуешь себя оторванным от внешнего мира... А он, этот мир... согласитесь сами, грязен, кровав и бессмыслен».¹²²

Беспокойство

Теперь, когда прошло 130 лет, невозможно представить, что эта свадьба могла не состояться. И не родился бы в большой многодетной семье первенец Михаил, не бродил бы юношей в сумерках по родному городу Киеву и не пережил бы вместе с домочадцами события Первой мировой войны и киевские события 1918-1919 годов; и не написал бы ни «Белую гвардию», ни «Мастера и Маргариту».

Тревог у профессора Киевской Духовной Академии по поводу и без повода было в душе предостаточно: то письма приходят с большим перерывом, то вообще пропадают на почте! Даже после помолвки, которой был отмечен начинающийся новый 1890 год, он волнуется, перебирая в памяти вопросы своей невесты: «Я живу Вашим расположением и буду жить им в надежде, что оно не изменится. А изменится (не обижайтесь предположением моим: оно так естественно в человеке, которого судьба никогда не баловала), так, - говорю, - если изменится Ваше расположение ко мне, то что будет? Вы когда-то задавали этот вопрос. Отвечу Вам теперь вот что! Никогда Вы не увидите моего горя, как бы оно велико не было. Я за других еще могу скорбеть при других, а своей судьбы и своего несчастья пред другими (а следовательно и пред Вами, мое сокровище!) оплакивать не стану. Но ведь этого не будет? Да? Прощайте – до свидания! Крепко, крепко це...» (текст обрывается: оторван кусочек страницы снизу очень аккуратно).¹²³

Тема доверия друг другу тоже волнует обоих, тоже обсуждается: «Я верю тебе и всегда верил, потому что не вижу причины для того, чтобы тебе было необходимо говорить мне неправду. А если я задавал себе вопрос и отвечал на него, что будет если..... и т.д., то только потому, что ты задала мне этот вопрос и действительно повторила его несколько раз. Такого вопроса я не мог не обсудить и оставить без ответа. Повторяю вновь: я верю тебе и буду верить и уже не повторю тебе своего вопроса: сам его тоже решать не буду, потому что по два по три раза не решаю одного и того же вопроса, когда он решен. Я «своего чувства» не отравляю этим вопросом, потому что твое слово для меня дороже всяких собственных решений: мне кажется, что на бумаге и в серьезном разговоре таких слов на ветер не бросаешь. – Писать я буду часто и от тебя жду писем также часто. Пиши о всех мелочах, которые тебя так беспокоили, и которые мы в две головы решим гораздо лучше; не думай, что я не хотел делиться с тобой своим горем, и что я не чувствовал в этом потребности. Я боялся делиться им, потому что ты сама говорила, что неосновательно часть горя своего сваливать на шею другому. ... А если ты этого требуешь и будешь требовать действительно, то я начну думать, что и сама поделюсь со мною всяким своим горем, всякою своею радостью. Тогда я согласен: я ведь был такого убеждения, что и первое переносится легче, и вторая чувствуется живее, когда ими поделюсь с другими. На мужа и жену я смотрю, как на равных, а потому не согласен, что мелочи жизни должны лежать преимущественно на женщинах: они (т.е. мелочи) насколько возможно равномерно должны распределяться между обоими, а потому, - я очень хочу, - чтобы ты не одна терзалась ими, а чтобы сваливала их и на меня. Прости, моя дорогая, моя бесценная, за несколько резкий и решительный тон письма».¹²⁴

¹²² Михаил Булгаков. Собр.соч. в 5 т. с. 359.

¹²³ Письмо № 9 АИБ.

¹²⁴ Письмо № 10 АИБ.

Спустя полгода после начала переписки, оба признаются, что постоянно думают друг о друге:

«14 февраля. Оказывается, что я теперь почти не могу сосредоточиться во время Богослужения, к которому хожу в качестве говеющего: постоянно приходит на мысль то то, то другое, что необходимо сказать тебе, или о чем уже приходилось говорить».¹²⁵

И дальше в этом же письме:

«15 февраля. Радость моя, моя дорогая! Скажи, что приводит тебя в грустное настроение, и почему тебе кажется, «что я не так понимаю тебя и свои отношения к тебе, что я не так о тебе думаю, как это на самом деле» (эти слова твоего прошлого письма очень меня обеспокоили). Как я могу еще иначе думать о тебе и как понимать свои к тебе отношения? Я люблю тебя страстно, горячо; я верю тому, что и ты меня любишь; я уважаю тебя. И всё это будет продолжаться до тех пор, пока ты останешься для меня тем, чем ты для меня была до этого времени, т.е. милою подругою, которая любит меня, верит мне, уважает меня и которая готова делить со мною и радости, и горе, и труды, и отдых. Ты на это согласилась, ответила мне, что так будет всегда». Я верю, спокоен и уже не решаю этого вопроса. Что же тебя тревожит? Скажи мне, поделись своею тревогою. Может быть я помогу тебе рассеять твои сомнения, прогоню тревогу и заставлю светло улыбнуться навстречу будущему. Воспроизведи часть своих грустных мыслей, которые одолевали тебя над тою вышивкою, у которой я постараюсь когда-нибудь выведать и остальную часть. Если ты мне не ответишь на это, то я тоже стану тревожиться и грустить, видя такую недоверчивость с твоей стороны».

«16 февраля. – И сегодня **не получил твоего письма**, хотя, кажется, по времени пора получить <...>»

«17 февраля. И сегодня **нет твоего письма!** Что это? Я начинаю бояться чего-то».

29 марта 1890 года, вокзал Орел – Карачев.¹²⁶

«Ждал, ждал я от тебя письма, голубка моя дорогая, измучился, не зная причины твоего молчания и решил написать тебе. По приезде в Орел, я на вокзале же написал тебе открытое письмо и сам опустил его в почтовый ящик. Я думал, что по получении его ты ответишь мне. Ужели ты его не получила?»

И накануне самой свадьбы что-то случилось, или только показалось:

«Мне кажется, что ты уехала с недовольным против меня чувством и я нахожусь в неизвестности относительно того, верно ли мое предположение, или нет. Если верно, то прости меня за то, что я мог сказать или сделать тебе обидного; я постараюсь загладить в будущем все свои грехи; я привыкну вести себя в отношении к тебе так, что не будет причин к недовольству мною».¹²⁷

Летом 1897 года Афанасий Иванович, уже глава семейства и отец четверых детей, так же нетерпеливо ждет известия из Карачева, куда к родным поехала его жена с детьми. Надо отдать ему должное, потому что во всех шести письмах этого периода видно, что от волнения его спасает юмор и трудолюбие.

¹²⁵ Письмо № 13 АИБ.

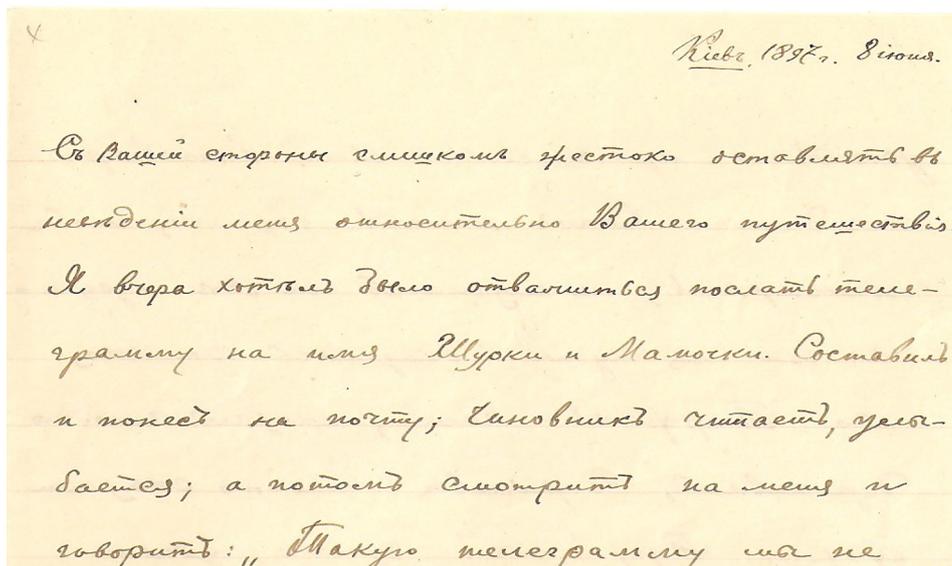
¹²⁶ Письмо № 17 АИБ.

¹²⁷ Письмо № 26 АИБ.

Письма Варвары Михайловны Булгаковой лета 1897 года, к сожалению, не сохранились.

Письма А. И. Булгакова к жене 1897 года

Письмо № 27 А.И.Булгакова к жене
8 июня 1897 г. Киев – Карачев.

«С Вашей стороны слишком жестоко оставлять в неведении меня относительно Вашего путешествия. Я вчера хотел было отважиться послать телеграмму на имя Шурки и Мамочки. Составил и понес на почту; чиновник читает, улыбается; а потом смотрит на меня и говорит: “Такую телеграмму мы не можем передать. – Почему? – Да потому... потому... обратитесь в другое место!... Да почему же? – спрашиваю; молчит и смотрит на меня с инквизиторским взглядом. А потом буркнул: Да содержание, знаете ли немного странное”, – Какое содержание! На моем листе было написано: “Карачев. Бархатову. Ответьте, получена ли Вами моя семья; отправлена 4 июня. Булгаков”». Посмотрел на чиновника минуты две, я ничего от него не добился и решил уйти домой. Что делать, как узнать о путешествии своей благоверной с чадами. Стал читать газеты, чтобы посмотреть, не случилось ли где крушения на ее пути: оказалось только, что Тевфик-паша¹²⁸ сказал что-то державам, державы что-то сказали ему... Тфу! ты! думаю, ужели нет более интересных предметов для письма и разговоров. Плюнул на газеты и решил изругать маляров, которые третий день мажут, мажут и никак не могут придать потолкам надлежащей белизны. Пришел, они окончили работу и просят на чаек (pour boire или Drink-Geld)¹²⁹. Плюнул и на них и не ругавшись (чему удивился даже сам) ушел в свою комнату; впрочем теперь у меня нет своей комнаты. Я разделяю комнаты с мебелью и Хламом. На месте твоего ковра (бухарско-хивинского) стоит мой письменный стол, на месте тумбочки книги и газеты, тумбочка в святом углу, на месте твоей кровати сундук, столик с нотами, а на гвоздике над кроватью скрипка. Мишкину постель замещает другой сундук с картонами, картонками и карточками, а рядом с печкою

¹²⁸ Ахмед Тевфик Окдай, также известный как Ахмед Тевфик-паша — последний Великий визирь Османской империи (1845-1936).

¹²⁹ Франц. и англ.: «напиться, пропить деньги».

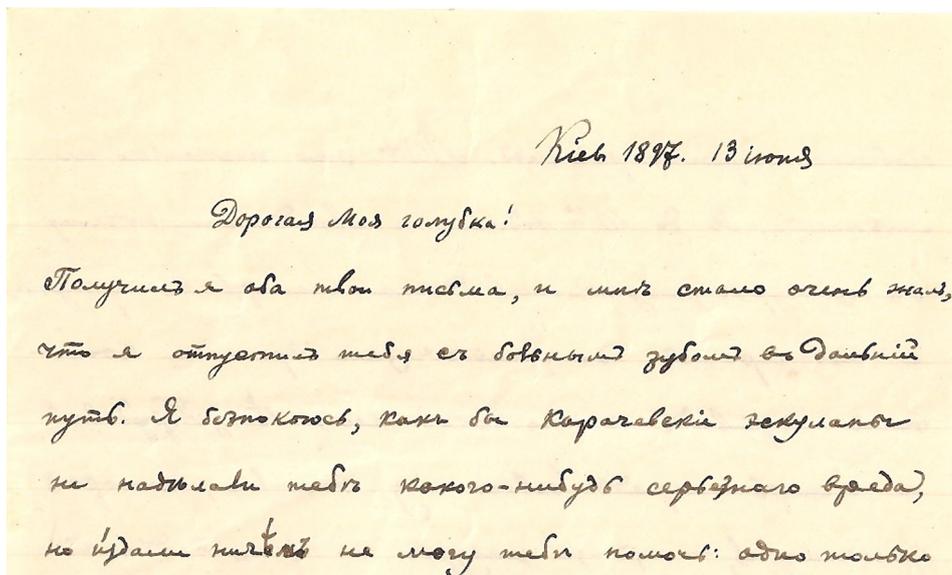
кушетка, на которой я успокаиваюсь в объятиях... не думай, что какой-нибудь красавицы, для этого она слишком неудобна, нет! в объятиях Морфея, когда для этого наступает хоть какая-нибудь возможность. Приезжал ко мне француз, но дома меня не застал и оставил записочку «дышащую простотою чувств и сердца», которую и прилагаю тебе для доказатель[ства] того, что он еще жив и по-видимому благодушен. Крепко целую тебя, Мамочку и всех, находящихся в доме, не исключая и Катьки с Пелагеєю. Сейчас продолжать письмо нет времени: завтра или послезавтра напишу подробнее.

Любящий тебя весь твой.

Афанасий».

Письмо № 28 А. И. Булгакова к жене

13 июня 1897 г. Киев – Карачев.

«Дорогая моя голубка!

Получил я оба твои письма, и мне стало очень жаль, что я отпустил тебя с больным зубом в дальний путь. Я беспокоюсь, как бы карачевские эскулапы не наделали тебе какого-нибудь серьезного вреда, но издали ничем не могу тебе помочь: одно только в моих силах, - это утешить тебя, что у меня все идет пока благополучно. Ремонт парадных комнат близится к концу. Завтра будут красить в последний раз полы. Потолки все перебелили, французову комнату переклеил: она теперь похожа на контору, или станцию железной дороги, - такие я выбрал обои - однообразный серенький рисунок, - полы уже загнутовали во всех трех комнатах; я живу пока в твоей спальне, а в передней и детской сложена мебель гостиной и французовой комнаты. Ремонт меня не тяготит, я только хочу, чтобы к вашему прибытию все хорошенько очистилось, просохло и устоялось, а потому не особенно тороплю рабочих. Мне это нисколько не мешает. Я до 10:00 ходил в Академию, почему в цензуре запустил дела: теперь хожу туда, а по вечерам до настоящего времени готовил перевод к июльской книжке «Трудов», а теперь переделываю ту статью, которая залежалась, - из-за цензуры и прошлогодних библиотечных работ, - с 1893 года. По особым обстоятельствам она приобрела в настоящем году особый интерес, и я надеюсь на ней порядочно заработать. В Академии год учебный закончился. Сережа кончил курс 33 кандидатом из 45-46 человек; при таких условиях в Киеве ему трудно найти подходящее место по духовному ведомству, потому что в Киеве обыкновенно оставляют лучших кандидатов: Бродович¹³⁰ оставлен

¹³⁰ В романе «Белая гвардия» у одного из докторов фамилия Бродович. В книге Е. А. Земской напечатано с ошибкой: Борадович.

стипендиатом на следующий год (в книге Е. Земской напечатано кандидатом, – ошибка). Сочинение Маркеллина на степень доктора провалилось. Сережа, по-видимому, не хочет переехать на ремонт. Он ко мне даже не показывается, а мне искать его нет времени. Жары стоят страшные и без дела даже носа не хочется показать из комнат. Прислугою я доволен: ведут себя тихо, смирно: исполняют все беспрекословно. Обеды я готовлю самые скромные. Купаюсь по вечерам, а иногда и по утрам в ванне в коридоре; так что все было бы хорошо, если бы не твои письма с описанием болезни; когда получишь письмо, то сообщи мне: прислать ли тебе денег и сколько, - после 20-го я могу послать. О французе ни слуху ни духу. За книгами к Идзиковскому¹³¹ он тоже не приезжает: я справлялся; написать ему нет времени, а Сережа был в Боярке, у Петровых, но ко мне не зашел, так что я не знаю, видел ли он француза там. Пиши чаще и подробно, особенно про детей: скажи им, что если кто будет шалить, то я приказал с нянькою отправить ко мне, да в таком вагоне, в котором мужики ездят и нет хорошей постели. А особенно если кто будет ругать Бабушку или тетю, или дядю. Так и скажи; а я уже в Киеве расправлюсь по-своему. Поставьте в школе постели подальше от стен, потому что там стены сырые. Береги свое здоровье, потому что без тебя мы все пропадем: особенно не пей со льду очень холодного молока или квасу. Что тебе еще написать? Окончил ли курс Феррапонт? Кто это cousine, о которой ты говоришь? На каких условиях живет Венецкая у наших? Напиши подробнее обо всем этом. Я очень бы хотел, чтобы Сергей бросил свои мечты учиться всяким искусствам, а поскорее сел бы на свой хлеб, хотя бы в Орле: для него Киев не особенно приветлив; дело в том, что я решительно не могу за него просить ни у кого, в виду низкого места, на котором он кончил курс: слишком плохую вывеску получил он (ты помнишь, что в Академии он хотел «получить вывеску»). Прощай моя мамочка, крепко тебя целую и желаю поскорей выздороветь тебе и Михаилу, которого я очень жалею. Крепко целую всех. Скажи, как руки Мамочки. Предупреди ее, что она теперь должна быть особенно осторожна и не толкнуть снова руки. Поздравь Митрошу с окончанием курса, поблагодари Шурочку и Андрея Андреевича за радушный прием Вас в доме, да попроси не особенно баловать детвору. Увидишь Ольгу, поцелуй ее от меня, и передай поклон Владимиру Ивановичу и детям. Напиши поскорее о себе: не нужно ли Вам чего, я могу выслать с первою почтою, или с Сережею, когда он вздумает поехать. Поцелуй от меня детей и самое себя много раз. Опиши успехи Варечки в пользовании языком своим. Напиши также: нужно ли переукрасить ваши кровати, т.е. твою и детские? Я тогда найму маляра на один из воскресных дней или сам сделаю это при помощи Матвея. Прощай, Маша, крепко обнимаю тебя; я очень жалею, что твоя болезнь и хлопоты не дали нам в настоящем году распрощаться, как следует, т.е. поговорить хорошенько: все произошло так быстро, как во сне.

Всею душою любящий тебя твой
Фаня».

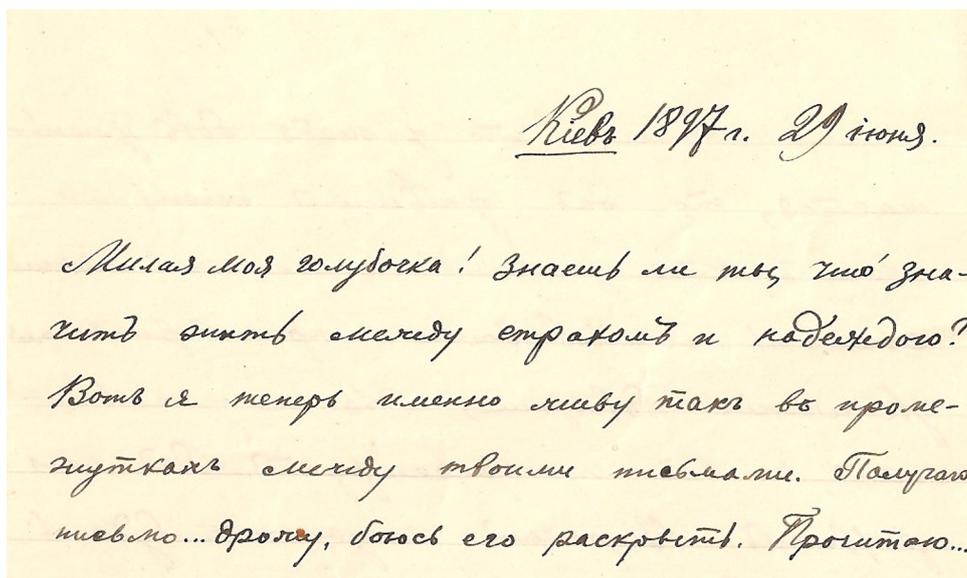
Письмо № 29 (с конвертом) от А. И. Булгакова к жене.
29 июня 1897 г. Киев – Карачев.

На конверте печати с датами 30 июня (Киев) и 1 июля (Карачев).
Адрес: г. Карачев (Орл. губ). Церковный дом Казанской Церкви.

«Милая моя голубочка! Знаешь ли ты, что значит жить между страхом и надеждою? Вот я теперь именно живу так в промежутках между твоими письмами. Получаю письмо... дрожу, боюсь его раскрыть. Прочитаю... спешу ответить, и снова начинается тоска: по три, четыре раза бегаю смотреть, нет ли от тебя письма в ящике. Твое предыдущее письмо почтальон

¹³¹ Владислав Леонович Идзиковский — издатель, сын Леона Идзиковского, продолжатель дела фирмы «Леон Идзиковский» с многочисленными филиалами в Киеве, Москве, Петербурге, Варшаве.

заложил так в ящик, что я два дня его не видал, а как прочитал твои похождения и описания страданий, так и руки опустились: хорошо, что в это время пришел Кутепов Николай Михайлович, он пережил нечто подобное: истратил множество денег и едва не залечил рану, образовавшуюся после выемки воспаленного зуба. Когда я ему прочитал, что у тебя боль уменьшается, то он утешил меня и сказал, что значит опасность можно считать миновавшею: при возможном увеличении болезни, боль не уменьшается, а все прогрессирует. Он меня развлек. Впрочем когда ты будешь в Орле, то может быть встретишь его, потому что он думает навестить наших: ты уже остановись у них, а когда будешь ходить к дантисту, бери с собою хотя бы Сережу. У меня жизнь идет незаметно: ремонт уже приходит к концу; послезавтра или в среду будут красить во второй раз черную половину квартиры; я теперь обедаю и хожу чай пить в кухню, чтобы иметь свободное место, потому что комнаты так загромождены вещами, что стол пришлось вынести в сарай. Квартира получилась довольно миленькая и чистенькая, и если бы моя комната не была загромождена сундуками и шкафами, она была бы прекрасною комнатою, а теперь она ни то ни се, ни кладовая, ни кабинет, ни спальня. Впрочем у меня есть маленькая идея опозитизировать хотя немного твою комнату: удастся ли это, посмотрю после. Француза после приезда из Одессы я видел только один раз: вообще он видается со мною только, когда ему нужны деньги. Я продолжаю возиться с немцем, впрочем главная возня впереди, когда мы начнем совместные чтения: он для меня по-немецки, а я для него по-русски: это будет когда он окончит свое знакомство в Лавре со службами: водил его в библиотеку, набрал ему книг. Сам усиленно читаю по-немецки. Дела идут хорошо, если бы только не болезнь твоя; молись Богу, я тоже за тебя помолюсь. Сегодня попал, - благодаря немцу, - обедать среди монахов в Лаврской столовой.

Киев 1897 г. 29 июля.

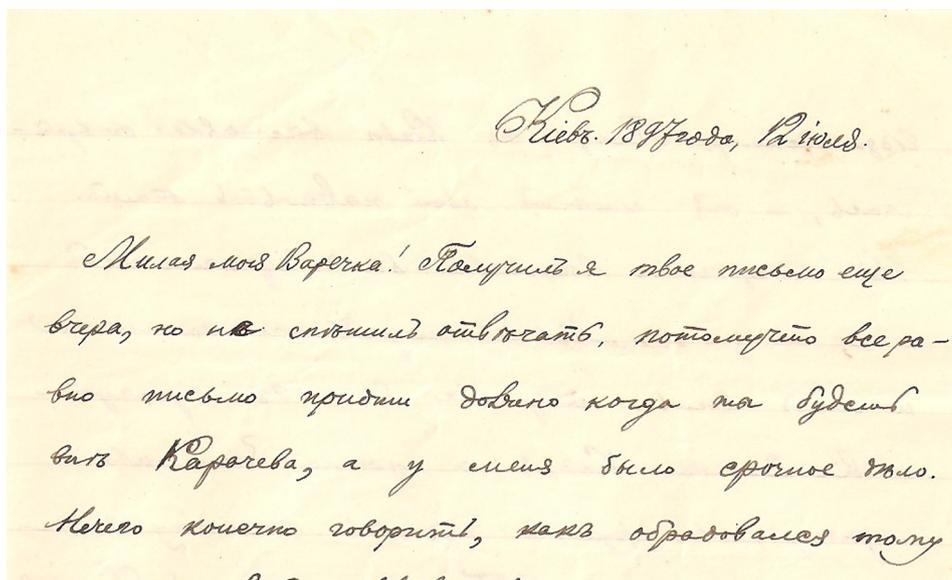
Милая моя голубочка! Знаешь ли ты, что значит жить между страданий и надеждою? Вот я теперь именно живу так в промежуточных между твоими письмами. Получаю письмо... впрочем, боюсь его раскрыть. Прочитаю...

Но подробности расскажу потом, когда Бог даст увидимся. Мариновать вишни Аграфена берется, а я имею время только (на словах?), чтобы присмотреть за этим. Берегись и строго выполняй режим, предписанный доктором. Прощай, мамочка, крепко крепко целую тебя и Маму и Шурку и детей. Хотелось бы мне самому приехать к Вам, да видно это Богу не угодно. Поздравляю тебя с окончанием семилетней брачной жизни. Давай вместе помолимся Богу в этот день. Твой весь любящий Фаня».

Письмо № 30 от А. И. Булгакова к жене
12 июля 1897 г. Киев – Карачев.

«Милая моя Варечка! Получил я твое письмо еще вчера, но не спешил отвечать, потому что все равно письмо прийти должно, когда ты будешь вне Карачева, а у меня было срочное дело. Нечего конечно говорить, как обрадовался тому, что ты выздоравливаешь и снова

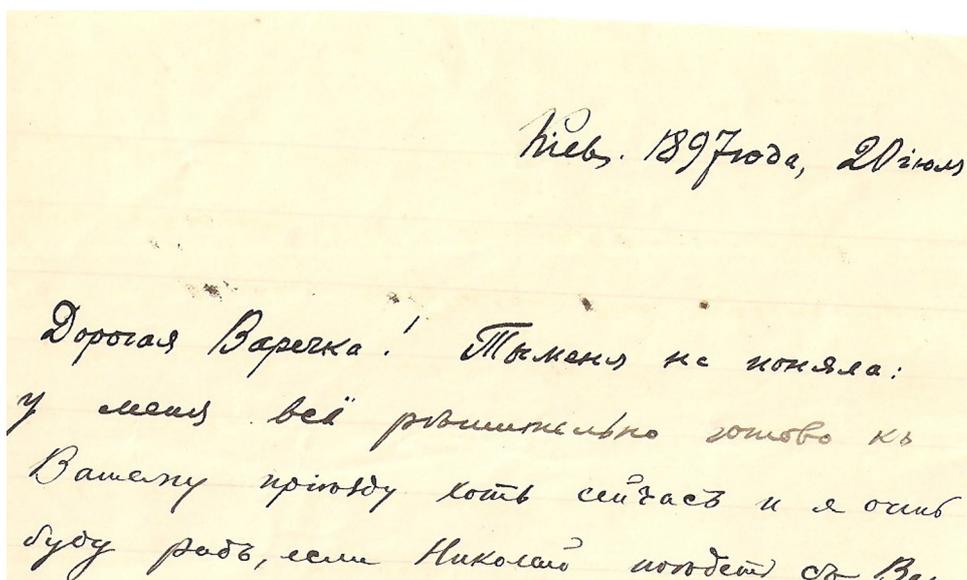
взялся за распекание «званных мерзавцев». Мне очень стало скучно, когда я подумал, что давно никого из родных не видал: так мне захотелось хоть бы на минуточку полететь к Вам и вместе подурачиться. Когда будет такое время, что и у меня будут каникулы, - я даже не знаю. Но признаюсь, что чувствую себя довольно утомленным физически, благодаря тому, что приходится делать много по хозяйству, имея порядочно работы в цензуре: у меня получено теперь из-за границы более ста пудов книг одному Идзиковскому.

Теперь в Киеве выставка открылась, и он имеет свой павильон там. На открытие выставки был приглашен и я, но за неимением парадного костюма не мог быть: открытие было в присутствии Великого Князя, и нужно было или мундир, или фрак надеть. Поэтому я отдал свой билет (Билет не именной) Дроздову. Выставка – сельскохозяйственная, когда будет окончательно устроена, посмотрю, всего вероятнее, что это будет вместе с тобою. Относительно приезда Вашего в Киев было бы хорошо, если бы вы дожили там до половины августа, или до 10 по крайней мере числа (впрочем если это конечно возможно): я-то рад буду если ты и теперь приедешь, хотя еще вещи еще не все готовы к Вашему приезду: но после 20-го все будет уже готово. Квартира уже отремонтирована, остается отремонтировать постели. Впрочем, ты обо всем этом не беспокойся: когда соберетесь, то напишите, - с каким поездом ждать, напиши, по крайней мере за неделю до приезда. Был у меня вчера француз, не знаю, зачем приезжал, приехал рано утром (я еще только встал и купался). Просидел до часу, читая газету и книги, и потом уехал. Я начинаю подозревать, что он действительно укрывается от воинской повинности, благодаря своему двойственному гражданству. Впрочем, это долгая история: расскажу по приезде. Он, впрочем, сделал намек на то, что ему и следующее лето придется жить в Киеве, и он уже составил план, как наилучше устроиться в Боярке. А я полагал, что февраль 1898 года будет последним сроком нашего сожителства. Немец мой сегодня уехал в Одессу, откуда поедет на работу, чтобы в следующее воскресенье “Seine Messe lessen” (pour dire sa messes)¹³². О деньгах не беспокойся: скоро пришло; вознагражу всех за хлопоты и труды, которые ты доставила всем. Поблагодари Андрея Андреевича за то, что дал тебе выпутаться из денежной беды. Поцелуй Мамочку, Шурку, Андрея Андреевича и «званных мерзавцев»; а также детей; я тебя крепко, крепко целую и желаю здоровья и всего хорошего. Любящий тебя и непрестанно думающий о тебе твой Фаня».

¹³² Проповедывать, служить мессу. Написано на немецком, а в скобках на французском.

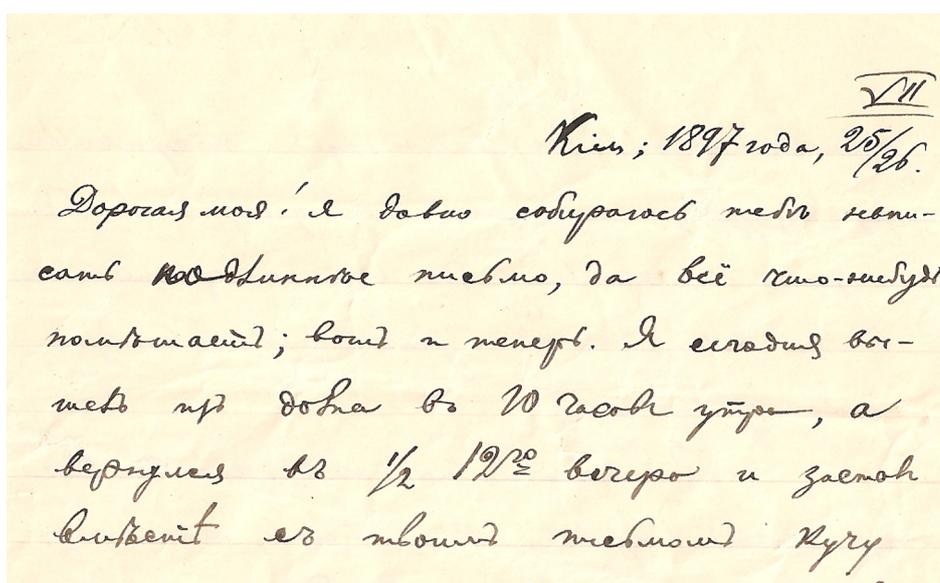
Письмо № 31 А. И. Булгакова к жене
20 июля 1897 г. Киев – Карачев.

Киев. 1897 года, 20 июля

Дорогая Варечка! Ты меня не поняла: у меня все решительно готово к Вашему приезду хоть сейчас и я очень буду рад, если Николай поедет с Вами и пробудет лишний день в Киеве. Относительно утомления и скуки тоже не беспокойся: это все пройдет, когда мы снова увидимся. Я 16-го числа перевел по почте на имя Андрея Андреевича 70 рубл. денег, которые теперь наверно Вы уже получили. Больше писать нет времени, да и нечего. А потому поспешу опустить письмо в почтовый ящик, чтобы ты днем раньше получила это письмо. Крепко целую тебя и всех и желаю здоровья, твой Фаня».

Письмо № 32 от А.И.Булгакова к жене
25/26 июля 1897 г. Киев – Карачев.

Киев; 1897 года, 25/26.

Дорогая моя! я давно собираюсь тебе написать подлиннее письмо, да все что-нибудь помешает; вот и теперь. Я сегодня вышел из дома в 10 часов утра, а вернулся в ½ 12-го вечера и застал вместе с твоим письмом кучу неотложных дел, которые нужно было сейчас же исполнить. Теперь уже час, и спать хочется, и тебе написать хочется. Поэтому отвечаю

«Дорогая моя! я давно собираюсь тебе написать подлиннее письмо, да все что-нибудь помешает; вот и теперь. Я сегодня вышел из дома в 10 часов утра, а вернулся в ½ 12-го вечера и застал вместе с твоим письмом кучу неотложных дел, которые нужно было сейчас же исполнить. Теперь уже час, и спать хочется, и тебе написать хочется. Поэтому отвечаю

коротко на вопросы. С прислугою благополучно; насчет капота распоряжусь. Ремонт совершенно окончен, и я рад, что вас не было при этом, потому что я и один едва имел место, и целый месяц провел без постели. Верно то, что я один меньше мог терзаться, чем, если бы дома была вся детвора: конечно мы разместились бы, благодаря отсутствию француза, но мы не утерпели бы и рано перешли бы в покрашенные комнаты, чем уменьшили бы значение ремонта.

Относительно поездки в Вену нет нужды хлопотать, потому что по зрелом обсуждении поездка при таких условиях, т.е. на несколько дней, это только бесполезная трата времени и денег, тем более что конгресс совпадает с временем начала учебного года, в которое я должен быть в Киеве. Все, что я мог бы узнать на конгрессе, мне обещал прислать немец в виде отчета: конечно, я так мог бы познакомиться с некоторыми профессорами и учеными, но что же делать? для этого только можно тратить время свободное и деньги свободные: я же теперь озабочен, как бы купить дрова к вашему приезду. Теперь уже до свидания! Зови мамочку, зови Колю, хоть я на него посмотрю. Поздравляю тебя с именинницею: сегодня Мамаша моя именинница. Крепко целую тебя; я почти неотрывно мыслями нахожусь с тобою, особенно, когда делаю что-нибудь по хозяйству: тогда ничто не мешает думать о тебе, мысленно целовать тебя и любить.

Поцелуй Мамочку, детей и всех.

Любящий тебя, весь твой Фаня.

Notre cinquieme ¹³³ решил прожить на даче до 1 сентября, а потому его комната будет свободна для приема гостей:

Свой денежный бюджет довел до 67 рублей (на следующий месяц я ему выдам) спорить с ним считаю бесполезным, потому что знаю, что все равно врет. На дачи из Киева никуда я не ездил: не мог выбраться, да и не хочется беречь себе нервы.

Твой Фаня».

Последние письма

В книге Елены Андреевны Земской «Михаил Булгаков и его родные» есть строки, которые подытожили работу с перепиской дедушки и бабушки: «Сохранилось тридцать два письма Афанасия Ивановича Булгакова к Варваре Михайловне и одна открытка к сыну Коле – поздравление с днем Ангела в 1906 г.». В записях Надежды Афанасьевны Булгаковой-Земской все письма отца учтены, кроме этого, - тридцать третьего открытого письма к сыну.

Получив архив семьи Булгаковых, и описывая его по музейным правилам, обнаружилось еще несколько конвертов, относящихся к периоду, который Е. Земская назвала «до женитьбы». Пустые конверты тоже учтены в тетрадях Надежды Булгаковой-Земской.

Но есть ещё один конверт, о котором нигде в записях Н. Булгаковой-Земской не упоминается, со штемпелями 14 и 16 января 1907 года от письма Афанасия Ивановича Булгакова к жене из Москвы в Киев, на Андреевский спуск, 13, в кв. 2. Письмо не сохранилось.

Возможно, это было письмо о возвращении домой, к семье, о надежде исцеления или о предчувствии скорого конца.

¹³³ Наш пятый (франц.). Имеется в виду француз, живший с Булгаковыми, возможно гувернер детей, которых было уже четверо в семье.

Учитывая, что такая же болезнь была потом у Михаила Булгакова, причем, в приблизительно те же месяцы года, приведем выдержку из письма М. Булгакова от 28 декабря 1939 года к другу юности Александру Гдешинскому: «Если откровенно и по секрету тебе сказать, сосет меня мысль, что вернулся я умирать». И далее: «во мне происходит, явно мной ощущаемая, борьба признаков жизни и смерти. В частности, на стороне жизни – улучшение зрения».

Конверт последнего по датам письма Аф. Ив. Булгакова к жене 14 января 1907 г. Письмо не сохранилось

Последнее письмо от отца – это открытка из Москвы в Киев к сыну Николаю. Это открытое письмо добавляет немаловажные сведения о близком окружении семьи Булгаковых: «поздравь Николая Павловича Сынгаевского и Николая Ивановича Лаппу с днем Ангела...».

Письмо публикуется впервые:

«4 декабря, Москва

Милый Колечка! Поздравляю тебя с днем Ангела, целую тебя и желаю, чтобы ты вырос большой, не был злым, ел много и слушался старших. Мы с Бабушкой читали твоё письмо, и Бабушка тебя похвалила. Поцелуй от меня Маму и Тетю, поздравь Николая Павловича Сынгаевского и Николая Ивановича Лаппу¹³⁴ с днем Ангела...

Крепко всех целую и желаю здоровья.

Любящий тебя твой папа А. Булгаков».

Эти приветы должен передать Коля, которому всего 8 лет. Очевидно, что это не просто знакомые, а близкие друзья.

По адресному справочнику «Весь Киев» за 1907 год, семья Лаппа проживала на улице Большой Житомирской в доме № 18.¹³⁵ Потом после смерти Николая Ивановича Лаппа в

¹³⁴ Николай Иванович Лаппа (1834-1907), дедушка Татьяны Николаевны Лаппа, первой жены Михаила Булгакова.

¹³⁵ В справочнике архитектурных памятников Киева Института истории Украины о доме № 18 по улице Большая Житомирская говорится, что дом построен по проекту архитектора Кривошеева. Кому принадлежал

1907 году его жена переехала к дочери Екатерине, которая жила на Маринско-Благовещенской, а дочь Софья осталась с мужем Виктором Давидовичем в этом доме. О Викторе Давидовиче, как о близком человеке, пишет также Надежда Булгакова в своем «Дневнике».

4 декабря, Москва. 1906
Милый Колячка! поздравляю
тебя со днём Ангела, желаю тебе
и желаю, чтобы ты вырось большой,
не бей злых, будь много и слушай
ся старшим. Мы с бабушкой чита-
ли твоё письмо, и бабушка тебя по-
хвалила. Поцелуй отъ меня маму
и папу, поздравь Николая Павловича
Семёновского и Николая Ивановича
Лаппу со днём Ангела... Крепко
всегда желаю и желаю здоровья.
Любящий тебя твой папа А. Булгаков.

Открытое письмо от 4 декабря 1906 г. А. И. Булгакова к сыну Николаю из Москвы в Киев, на Андреевский спуск, 13, кв. 2
Сверху зеленым карандашом сделана отметка Н. А. Булгаковой: 1906 г.

дом, установить не удалось. Справку составили Михаил Борисович Кальницкий, Кадомская Мария Абрамовна.
Том 1, с. 229.

Именно в этом доме, в квартире тети Сони, в 1908 году, познакомился с ее племянницей Тасей гимназист Михаил Булгаков. Интересное получилось многоточие у А. И. Булгакова в этом открытом письме! Кстати, оно у него в письмах встречается довольно часто.

В конце 80-х годов Татьяна Николаевна Лаппа рассказала не только о том, о чем Михаил Булгаков просил ее молчать – о службе М. Булгакова в Белой армии в качестве врача, но и упомянула вскользь о своем прапрапрадедушке-декабристе.¹³⁶

Борис Мягков в книге «Родословия Михаила Булгакова» дал короткую справку: «Матвей Демьянович Лаппа, сын киевского помещика, подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка, член Южного общества, приговоренный 10 июля 1826 года к разжалованию в рядовые без лишения дворянства». Википедия дает дополнительные сведения, ссылаясь на книгу «Декабристы» Нечкиной М. В. - М.: Наука, 1982 г, и в конце статьи говорится, что «годы полевой службы сказались на здоровье — с диагнозом *чахотка* 24 марта 1835 года отправлен в отставку. В 1839 году после нескольких лет лечения на минеральных водах Пятигорска и Кисловодска Лаппа вернулся в семейное имение в Рудобелку, где менее чем через год умер *«по причине многолетней болезни чахотки и кашля»*».

ПРИЛОЖЕНИЯ

КАРАЧЕВ

Татьяна Rogozovskaya

Впервые в местах, с которыми связана эта переписка, мне пришлось побывать в год создания музея. Я решила поехать в Орел за булгаковскими и своими «корнями», моя мама родом оттуда. Не могу найти, где у М. Булгакова: «корни болят...». Тогда же, в декабре 1989 года, познакомилась с коллегами музея И. С. Тургенева, которые впоследствии для нашего музея передали старинное фото Карачевской гимназии, где была преподавателем невеста и будущая мать семейства Булгаковых, девятнадцатилетняя Варвара Михайловна Покровская. В ее письмах 1889-1890 г.г., в переписке до свадьбы, не раз упоминается эта гимназия. Коллеги меня просто потрясли...

В литературно-мемориальных филиалах музея Ивана Сергеевича Тургенева (Леонида Андреева, Ивана Бунина, писателей-орловцев и Марко Вовчок) были представлены

¹³⁶ Михаил Демьянович Лаппа (*Иосиф Матей-Михаил Лаппа*) (1.10. 1798 – 15. 08. 1840), помещик в селе Рудобелка, Бобруйского уезда, Минской губернии. Воспитывался в Могилевском иезуитском пансионе и в Петербурге у пастора Колленца. В службу вступил в 1819 подпрапорщиком л.-гв. Измайловского полка. В 1825 - подпоручик того же полка. Декабрист, поручик лейб-гвардии Измайловского полка. Был принят в Северное общество декабристов. После провала плана срыва присяги добровольно явился под арест. Верховным судом разжалован в рядовые. Направлен на Кавказ. Участвовал в русско-персидской и русско-турецкой войнах.

оригиналы не только фото и документов, но и личные вещи, привезенные и подаренные из других стран.

Карачевская женская гимназия. Открытка конца XIX в.

Тогда же побывала в Брянске и мельком в Карачеве. А вот вторично в эти места поехала уже в командировку. И были карачевские встречи и находки. Мне посчастливилось познакомиться с краеведом, Львом Дмитриевичем Передельским, который работал в архиве Орла и занимался историей Карачева. Он создавал музей истории края и уже давно написал книгу, с которой меня и познакомил. Тогда он собирал сведения об учителях, и на мой вопрос о дочери старшего брата Варвары Михайловны, рассказал, что Любовь Васильевна Покровская в замужестве Болмасова, как и Варвара Покровская, ее теть, стала учительницей и до войны преподавала в младших классах.

Впоследствии по всем собранным сведениям было составлено родословное древо, которое было мною представлено в докладе на Булгаковских чтениях в 1996-м году в Киеве, а затем в книге Е. А. Земской «Михаил Булгаков и его родные». Оно исполнено и оформлено художницами Ольгой и Евгенией Фурс. После получения новых данных в него вносятся изменения, оно служит подспорьем в научной работе нашего музея.

Родословное древо Булгаковых и Покровских

Дом протоиерея М. В. Покровского стоял на холме, откуда была видна река Снежеть, еще недавно она была судоходной – как мне рассказали потом.

Храм Михаила Архангела, построенный после пожара в 1890 году, когда сгорел дом Покровских, возвратили верующим, приводили в порядок: белили, настилали полы.

Заглянула и на кладбище и видела две могилы Покровских, но инициалы были не те...

Спустя много лет приехала в Карачев с крестницей и племянницей М. Булгакова, Еленой Земской, но плит тех уже не было... Я ее знакомила с ее же родственниками. Были также и в Орле.

В Карачевской детской больнице я нашла и познакомилась с симпатичным доктором – Болмасовой Марьей Алексеевной, с ее сыном Владимиром, правнуком той самой Любви Васильевны Покровской - Болмасовой.

Были и другие члены семейства, которые, как оказалось, о своем родстве с Булгаковыми узнали недавно – по статье В. Лакшина в журнале «Смена».

Именно Володя показывал мне фотографии, на которых была и Любовь Васильевна с детьми, и Николай Михайлович Покровский, по семейному преданию, прототип Филиппа Филипповича Преображенского, главного героя повести Михаила Булгакова «Собачье сердце».

Фото Николая Михайловича Покровского. 1890-е г.г.

Там же были фотографии младшей сестры Покровских – Шурочки, Александры Михайловны Булгаковой, в замужестве Бархатовой, оставившей Дневник, в котором упоминается история сватовства и помолвки Афанасия Булгакова и Варвары Покровской.

Тогда же, в 1990 году, эти десять фотографий попали в Киев, и некоторые из них теперь постоянно находятся в главной экспозиции нашего музея.

Город Карачев упоминается в 1146 году (Орел и Карачев в XVIII веке входили в состав Киевской губернии). В нем было 14 церквей, гимназии. В одной из них преподавала В. М. Покровская, а потом некоторое время училась ее дочь Лёля – Елена Афанасьевна Булгакова.

Писатель Михаил Булгаков, автор «Мастера и Маргариты» и «Белой гвардии» ведет свою родословную из Карачева и Орла.

Его дед, Иван Авраамьевич Булгаков, родом из Орловской губернии. Окончил семинарию в 1859 году и получил приход в селе Бойтичи Брянского уезда. Здесь, в Бойтичах, в том же году родился сын Афанасий, отец будущего писателя.

Дедушка по линии матери, Михаил Васильевич Покровский, был сыном дьячка собора Михаила Архангела. После окончания Орловской семинарии рукоположен священником кладбищенской Вознесенской, а затем Казанской церквей, где и дослужился до протоиерея. После смерти был погребен в ограде Казанской церкви, на могиле был установлен памятник, к сожалению, не сохранившийся.

Бабушка Михаила Афанасьевича по матери, Анфиса Ивановна, была из рода карачевских купцов Турбиных. Именно эта фамилия увековечена писателем в его первом романе и пьесе «Дни Турбиных».

5 сентября 1869 года в семье Покровских родилась дочь Варвара, мать писателя. Она окончила гимназию в Орле, год работала в Брянской гимназии и вернулась в Карачев, где работала учительницей в Карачевской женской гимназии.

Афанасий Иванович Булгаков и Варвара Михайловна Покровская познакомились в Орле и 1 июля 1890 года сочетались браком в Карачеве, вскоре уехав в Киев.

15 мая (3 по ст. ст.) 1891 года в Киеве у них родился сын Михаил.

*Один отец значит больше, чем сто учителей.
Д. Герберт*

Афанасий Булгаков родился 17 апреля 1859 года в с. Бойтичи Орловской губ., Брянского уезда. Отец его — Иван Авраамиевич, был православным священником. Мать, Олимпиада Ферапонтовна, в девичестве — Иванова, дочь пономаря одной из церквей города Брянска.

Фамилия «Булгаков» происходит от тюркского «булгак», что означает «махать», «взбалтывать», «мутить», «биться». Это же слово обозначает «смятение», «гордец», «гордый».

В его автобиографии, составленной собственноручно 1 декабря 1891 года, написано: *“До 6 лет я жил на месте родины, а потом в селе Подоляны Орловск. уезда и губернии, куда мой отец был переведен на место священника. Здесь я получил первоначальное образование, частью под руководством отца и матери, частью в сельской приходской школе. В нашей семье постоянно жили светлые воспоминания о дальнем родственнике со стороны отца проф. Якове Кузьмиче Амфитеатрове и трех братьях моей матери, которые окончили курс в Петербургской дух. академии, и из которых один был оставлен бакалавром в ней, другой служил сначала в Китайской миссии, а потом при посольстве в Китае, а третий был преподавателем духовной семинарии. Заветною мечтою моих родителей было то, чтобы я и братья мои шли по той же дороге, на которой составили себе славу в тесном домашнем кругу наши дяди. Поэтому нас постепенно отдавали учиться в духовно-учебные заведения. Я поступил в Орловск. дух. училище в 1869 году, когда оно еще не было преобразовано. Пробыв там два двухгодичных курса (по старому уставу) и два годичных (по новому) я перешел в 1875 году в духовную семинарию. <...> Я был склонен к богословской науке, и окончил полный семинарский курс; а потом на казенный счет был назначен в Киевскую дух. академию, в которой я пробыл 4 года (до 1885 года), занимаясь преимущественно церковною историею и изучением древних и новых языков. По окончании курса кандидатом богословия с правом получить степень магистра богословия без новых устных испытаний (или магистрантом), в том же году, я назначен был преподавателем греч. языка в г. Новочеркасск Донской области. Здесь в течение двух лет я окончил начатое еще в академии магистерское сочинение, 1-я часть которого была напечатана и рецензирована в 1886 и в начале 1887 года; так что в мае 1887 года я был приглашен в академию на магистерский коллоквиум. В октябре того же года, по утверждению меня в степени магистра богословия я был избран Советом Киевской академии читать лекции по кафедре Древней гражданской истории. Но в 1888 году я, по личной склонности к богословской науке, — переменил кафедру: я перешел на кафедру “Истории и разбора западных исповеданий”, на которой остаюсь и теперь. С августа 1890 года начал также давать уроки гражданской истории в Киевск. институте благород. девиц.*

Писать и печатать свои статьи начал еще в семинарии. <...> Все статьи напечатаны в “Трудах Киевской дух. Академии”. Вместе с печатанием перечисленных статей я редактировал первый выпуск каталога книг фундаментальной библиотеки академии, напечатанный в 1890 году; редактирование каталога продолжаю и теперь. Кроме рецензии на мою магистерскую диссертацию, составленную одним из профессоров академии, и кратких извлечений из моих статей в библиографических листках духовных журналов, я не знаю отзывов на свои сочинения. В сочинении “Очерки истории методизма” я пришел к выводу, что эта секта Англиканской церкви образовалась постепенно из

протеста против омертвления духа в этой церкви; что представители этого протеста могли бы послужить на пользу Англиканской церкви, если бы духовенство не оттолкнуло их; что по характеру своему и по устройству своих общин секта методистов есть крайняя степень в развитии протестантизма» (см.: ИРЛИ РАН. Ф. 377. Оп. 7. Ед. хр. 646. Л. 1–4).¹³⁷

На кафедре истории и разбора западных вероисповеданий он прослужил до конца своей жизни. В 1896 году А. И. Булгаков был произведен в статские советники, что давало ему право на потомственное дворянство. В 1902 году он был избран экстраординарным профессором на занимаемой кафедре, спустя три года был удостоен Макарьевской премии, и в 1906 г. получил степень доктора богословия. Незадолго до смерти, в феврале 1907 г., был утвержден ординарным профессором.

Обучаясь в КДА, Афанасий Иванович не сразу определился в своих научных приоритетах и ориентирах. В одном из писем (от 5.12.1881 г.) своему другу он сообщает: *«В том, что читают наши профессора, такой сумбурный хлам, для упорядочения которого недостаточно только моей 14-вершковой головы, но, мне кажется, даже такой громадной, какую встретил Руслан во время своих странствий по неведомым дорогам <...> Я поэтому решил бросить все и заниматься тем, что придется по вкусу <...> Я задаюсь целью очень скромной, именно: если попаду в профессора какого-нибудь духовного училища или семинарии, то употреблю все усилия, чтобы быть не таким, на которого сыплются насмешки учеников, бросаются бумажки, и чуть-чуть не плюют в глаза, а таким, к которым питают хоть каплю уважения <...> Для этого нужно постараться следить за жизнью, проследить развитие молодой души, которая бодрствует в ребятах и особенно чутка ко всем гадостям, которыми отличается какой-нибудь восседающий на учительском стуле болван. <...> пока не станет (учитель) выше своих учеников в своих нравственных понятиях и не будет пользоваться авторитетом <...> до тех пор его слова будут для них пустою стрельбою <...>»¹³⁸.*

В семейном архиве сестры М. А. Булгакова Надежды оказались машинописные копии некоторых писем отца к другу юности – Владимиру Матвеевичу Позднееву. Но что самое важное – сохранились оригиналы писем будущего отца к своей невесте. Все они теперь хранятся в киевском музее Михаила Булгакова.

Будущие родители Мастера в переписке накануне свадьбы рассказывают о своих чувствах, делятся впечатлениями от прочитанных книг, о том, какую музыку слушали, какие оперные и драматические спектакли им по душе и как на них действует музыка и театральные представления. Все эти письма, публикуются в этой книге. Некоторые из них впервые.

¹³⁷ См. сноску в публикации Л. Л. Щавинской «Польская русская Илария Булгакова — летописец православия в Польше». 2013 г. Дата рождения в автобиографии указана 21 апреля 1859 г.

¹³⁸ Е. Яблоков. «Я читаю о человеке все...» Письма А. И. Булгакова к В. М. Позднееву. Октябрь № 11. 2002. Письмо №3.

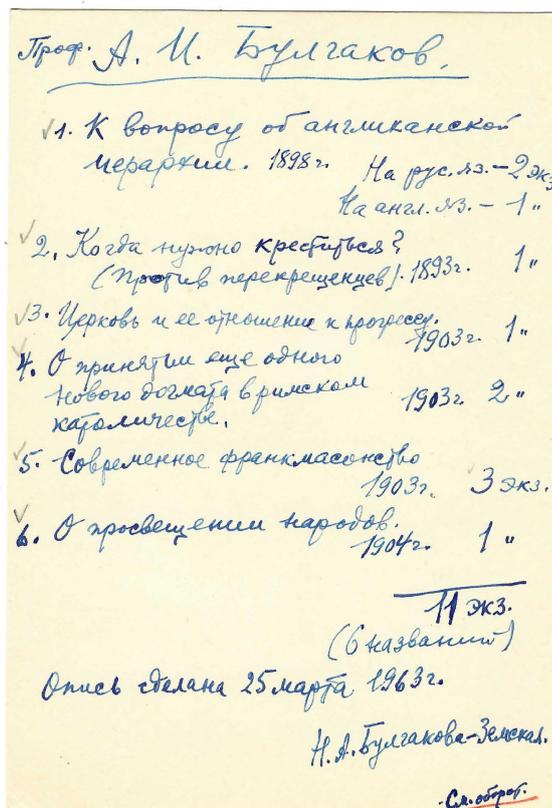
После свадьбы молодая чета приехала в Киев, на Подол, где к тому времени Афанасий Иванович присмотрел подходящую квартиру на Воздвиженской улице.

3 (15) мая 1891 года, у них родился желанный первенец, которого счастливые родители нарекли в честь отца матери и патрона нашего Города — Михаилом.

Афанасий Иванович кроме основной работы в Академии в 1890-1892 преподавал историю в Киевском институте благородных девиц, а также уже с 1892 года — исполнял обязанности киевского отдельного цензора по внутренней цензуре.

Он не мог позволить себе приобрести или выстроить дом, и всякий раз, когда в наемной квартире становилось тесно, семья переезжала в более просторную квартиру. Сейчас в нашем городе сохранилось несколько таких домов, которые «помнят» своих прежних жильцов — Булгаковых. К большому сожалению, дом на Подоле, где родился Михаил Булгаков, разрушен по вине городских властей.

Кроме преподавательской, Афанасия Ивановича увлекала и научная работа. Как духовный писатель он был известен трудами: «Очерки истории методизма» (К., 1887), «Безбрачие духовенства» (К., 1891), «Современное франкмасонство» (1903), «Церковь и ее отношение к прогрессу» (К., 1903), «Стремление англичан к восстановлению древневселенской церковности в Англии» (К., 1901), «О законности и действительности англиканской иерархии» (К., 1906). За последние две работы Афанасий Иванович получил степень доктора богословия.

Список из шести книг Аф. Ив. Булгакова, некоторые в нескольких экземплярах.

Автограф Н. Булгаковой-Земской 25 марта 1963 года.

Все 11 книг хранятся в архиве Литературно-мемориального музея М. Булгакова в Киеве.

Книги всегда окружали детей в семье Булгаковых. Как рассказывала нам Инна Васильевна — дочь хозяина дома №13 на Андреевском спуске В. П. Листовниченко, где снимали квартиру Булгаковы, профессор КДА Афанасий Иванович «собрал небольшую, но

хорошо подобранную библиотеку. В одной из комнат стоял большой книжный шкаф, плотно заполненный книгами. Кроме отечественных классиков Пушкина, Гоголя, Достоевского, Шевченко, Толстого, были книги зарубежных авторов: Шекспира, Гете, Сервантеса, Канта... Были книги, которые входили в программу гимназии: «Саардамский плотник», «Конец Помпеи» и др. На полках стояли увесистые тома двуязычных словарей, справочники, путеводители по Киеву, карты».

Каким-то чудом уцелела книга, когда-то принадлежавшая А. И. Булгакову — «Каталог книг библиотеки Леона Идзиковского»¹³⁹, напечатанная в Киеве в 1897 году с владельческой отметкой: «Собственность А. Булгакова. 1897, 10 января» и с дарственной надписью — «В знак глубокой признательности Глубокоуважаемому Профессору Афанасию Ивановичу Булгакову благодарный составитель. И. Самоне». Такая необычная книга не могла попасть в библиотеку случайно. Афанасий Иванович поставил ее в шкаф рядом с другими «пахнущими таинственным старинным шоколадом». Значит, у отца Михаила Булгакова имелась библиофильская жилка, которую он передал своему старшему сыну.

Естественно, что на книжных полках стояли комплекты журналов «Труды Киевской духовной академии», отдельные оттиски с работами как самого Афанасия Ивановича, так и его коллег, с дарственными надписями. Его интересовала литература не только на русском языке, но и на английском, немецком, французском, на славянских языках. Кроме детской беллетристики, книг отечественной и зарубежной классики, на полках стали все больше появляться школьные учебники и серьезная научная литература.

Афанасий Иванович считал, что домашними делами, как и воспитанием детей, должна заниматься не только мать. Большое внимание этому важному делу непременно должен уделять и глава семейства, что в те времена, скажем прямо, было не совсем обычное суждение. Об этом он пишет в одном из своих писем невесте 27 января 1890 года: «На мужа и жену я смотрю как на равных, а потому не согласен, что мелочи жизни должны лежать преимущественно на женщине: они насколько возможно равномерно должны распределяться между обоими, а потому, — я очень хочу, — чтобы ты не одна терзалась ими, а чтобы сваливала часть их и на меня».¹⁴⁰

Такое утверждение Афанасия Ивановича не было голословно. Он всегда находил время, чтобы заняться детьми, особенно тогда, когда семья жила на даче.

Его дочь Надежда вспоминала: «Отец был внимателен, заботлив, а мать — жизнерадостная и очень веселая женщина. Хохотунья <...> Так вот об отце <...> он очень много писал, он очень много работал. Много времени проводил в своем кабинете. И тем не менее вот теперь, оглядываясь на прошлое, я должна сказать: только сейчас я поняла, что такое был наш отец. Это был очень интересный человек, интересный и высоких нравственных качеств <...> В доме была требовательность, была серьезность, но мне кажется, я могу с полным правом сказать, что основным методом воспитания детей у Афанасия Ивановича и Варвары Михайловны были шутки, ласка, доброжелательность <...> Отец с большой любовью устраивал домашнее гнездо <...>». («Воспоминания о Михаиле Булгакове» М., 1988).

Чтобы вся семья могла насладиться летним отдыхом на природе, Афанасий Иванович решил построить загородную дачу в живописной Буче.

В своих воспоминаниях Надежда Афанасьевна далее пишет: «<...> в девятисотом году родители купили участок в поселке Буча в 30 километрах от Киева — две десятины леса, парк, можно сказать. И на этом участке под наблюдением отца была выстроена

¹³⁹ Письмо, публикуемое в этой книге, объясняет связь Аф. Булгакова и Л. Идзиковского (см. письмо № 30 АИБ к жене от 12 июля 1897 г. из Киева в Карачев).

¹⁴⁰ Письмо АИБ № 10

добротная дача в пять комнат и две большие веранды <...> Действительно, дача давала нам простор, прежде всего простор, зелень, природу. Отец (он был хорошим семьянином) старался дать жене и детям полноценный летний отдых. Роскоши никакой не было. Все было очень просто. Ребята спали на так называемых дачках <...> Но роскошь была: роскошь была в природе. В зелени. Роскошь была в цветнике, который развела мать, очень любившая цветы <...>

Он (отец) уезжал в Киев на экзамены. А с экзамена приезжал, снимал сюртук, надевал простую русскую рубаху — косоворотку и шел расчищать участок под сад или огород. Вместе с дворником они корчевали деревья, и уже один, без дворника, отец прокладывал на участке дорожки, а братья помогали убирать снятый дерн, песок <...>» И так допоздна. А на сон грядущий Афанасий Иванович часто читал младшим детям привезенные из города книги, рассказывал сказки.

Воспользуемся еще раз воспоминаниями Н. А. Булгаковой:

«Родители, между прочим, как-то умело нас воспитывали, нас не смущали: «Ах, что ты читаешь? Ах, что ты взял?» У нас были разные книги. И классики русской литературы, которых мы жадно читали. Были детские книги. Из них я и сейчас помню целыми страницами детские стихи. И была иностранная литература. И вот эта свобода, которую нам давали родители, тоже, способствовала нашему развитию, она не повлияла на нас плохо <...>».

Но, к сожалению, счастливая жизнь профессорской семьи продолжалась недолго. В 1906 году Афанасий Иванович заболел. Киевские и московские врачи, к которым обратился А. И. Булгаков, определили у него тяжелую болезнь почек — нефросклероз. Не справившись с недугом, Афанасий Иванович 14 марта 1907 года скончался, оставив сиротами семерых детей.

В некрологе, опубликованном в «Трудах Киевской духовной академии», за подписью профессора В. П. Рыбинского отмечалось, что «безвременная смерть Афанасия Ивановича Булгакова составляет тяжелую потерю и для Академии, и для русской богословской науки. Почивший профессор, получивший богатые природные дарования, отличался выдающимися трудолюбием и работоспособностью. Аккуратно исполняя свои прямые профессорские обязанности, не уклоняясь никогда от официальной работы, Афанасий Иванович нес еще и внеакадемическую службу. При всем том он находил время и для учебно-литературной работы. Как ученый писатель, Афанасий Иванович был очень продуктивен. Интересуясь религиозной жизнью запада, Афанасий Иванович особое внимание уделял при этом тем движениям, которые, по-видимому, направляются к восстановлению нарушенного некогда церковного мира и к единению с православной церковью. Движения эти — английский ритуализм и старокатолицизм. Этими движениями Афанасий Иванович занимался с интересом, и их выбрал предметом для своей докторской диссертации.

<...> В бытность свою на школьной скамье Афанасий Иванович, по отзыву товарищей, пользовался любовью за свою простоту, общительность, готовность войти в товарищеские интересы и поделиться своими знаниями. Искренними симпатиями Афанасий Иванович пользовался и среди своих сослуживцев. <...> Мировоззрение его было широко: Афанасий Иванович не был узким специалистом, ничего не видевшим, кроме предмета своих непосредственных занятий; он очень много знал по разным областям науки и свои знания непрерывно пополнял, внимательно следя за иностранной и русской литературой. <...> был церковным человеком в настоящем, лучшем смысле этого слова. <...>

В товарищеском кругу Афанасий Иванович был простой человек, чуждый зависти, недоброжелательности и того мелочного самолюбия, которое столь часто является источником печальных недоразумений. В течение 20-летней службы в Академии у Афанасия Ивановича ни с кем не было не только столкновений, но и простой размолвки: всюду он был приятным гостем и собеседником. А как собеседник, кстати сказать, Афанасий Иванович

был незаменим. <...> во всякий разговор легко входил, а главное, — твердо держась своего взгляда, был терпим к чужому мнению».

Некролог с владельческим автографом Н. Булгаковой
Архив Литературно-мемориального музея М. Булгакова в Киеве

В то же время в своих воспоминаниях профессор В. П. Рыбинский отмечал: «Я был на вступительной лекции Афанасия Ивановича, которая всем нам не понравилась <...> На кафедру он, как и многие другие, попал случайно и никакого тяготения к древней истории не имел. Поэтому уже на второй или, кажется, на третий год после занятия кафедры он бросил ее и перешел на кафедру истории западных вероисповеданий, к которой несколько был подготовлен работой над кандидатской, а также магистерской диссертациями <...> Он был человек в обращении простой и любил со студентами говорить по разным вопросам <...> В этом случае он был весьма удобным собеседником, т.к. отличался полной терпимостью к чужим мнениям и сам иногда любил высказывать такие парадоксальные мысли, которые интриговали и вызывали на спор. Человек он был очень трудолюбивый и постоянно что-нибудь писал».

Один из студентов почившего профессора, Н. Колосов так высказался об Афанасии Ивановиче: «Ты, учитель, был ученым в собственном смысле. Но при всей твоей учености тебе не чужда была наша обычная жизнь, наши обычные интересы и вопросы. Твоя ученость редким образом сочеталась в тебе с чуткостью к переживаниям всякой души, с отзывчивостью на волнения всякого сердца».

В очень тяжелом положении оказалась осиротевшая профессорская семья после кончины Афанасия Ивановича. В возрасте 38 лет Варвара Михайловна оказалась вдовой, на руках у которой было семеро детей. Старший ее сын Михаил еще учился и посещал гимназию.

«В 1908 году я впервые увидела в доме своей тетки на Большой Житомирской Варвару Михайловну Булгакову и ее сына Михаила и заметила, что они соблюдают траур. Мать и сын были одеты в темное, громко не говорили, не смеялись. Как выяснилось позже, их семья в прошлом году лишилась отца, и все Булгаковы более года соблюдали строгий траур по любимому отцу и мужу. Я когда-то видела фотографию в доме Булгаковых на Андреевском спуске, 13. Там Варвара Михайловна в окружении детей, и все они в темных

одеждах», — рассказывала автору этих строк Татьяна Николаевна, первая жена М. А. Булгакова, когда в конце 70-х годов прошлого столетия я оказался на черноморском побережье в городе Туапсе и был гостем в ее доме.

В. М. Булгакова с детьми после смерти мужа
Фотографии из архива Литературно-мемориального музея М. Булгакова

В. М. Булгакова в гостиной под портретом мужа

М. А. Булгаков всегда помнил, что отец много и плодотворно работал. Пример отца, его отношение к служебным обязанностям, к людям, всегда вдохновляли писателя, когда он, невзирая на все тяготы тоталитарного режима, целеустремленно трудился. А образ отца, сидящего над очередной рукописью при свете лампы под зеленым абажуром, остался у него в памяти на всю жизнь.

И как ни тяжело было Варваре Михайловне и в моральном и в материальном положении, она нашла в себе силы, опираясь на заложенный многолетним трудом прочный фундамент личного примера отца семейства Афанасия Ивановича, хорошо воспитать и дать достойное образование всем своим детям.

Киев, Голосеево, апрель 2021 г.

P. S.

Эпистолярное наследие родителей будущего писателя пронизано любовью и уважением. Доверительные отношения сохранялись также и после свадьбы, что было нормой их семейной жизни.

Мир семьи, оказавшийся слишком хрупким перед лицом истории, остался несокрушимым не только в воспоминаниях их старшего сына, но и в его литературных произведениях.

Не случайно герои Михаила Булгакова находятся в вечном поиске «настоящей, верной, вечной любви». А домашний очаг, воспетый в дебютном романе писателя, в котором навсегда остались «отец-профессор», и «мама, светлая королева», продолжает жить на Андреевском спуске в экспозиции Дома Турбиных.

Список литературы

1. Гуторова Л. Дань памяти родителям Михаила Булгакова// Киевские ведомости. – 1995. – 5 мая.
2. Ермишин О. Т. Булгаков Афанасий Иванович (17. 04. 1859, Орел – 14. 03. 1907, Киев)// Православная энциклопедия. Т. VI. 2003. – С. 337 – 338.
3. Ковалинський В. Київські мініатюри. Кн. десята. – К.: Купола, 2014. – 581с.: іл. (Б-ка музею історії міста Києва). - С. 404.
4. Кончаковський А. Батько Майстра: До 100-ліття від дня смерті Афанасія Івановича Булгакова// Дзеркало тижня. – 2007. - №10. – 17 бер. – С.21.
5. Лазебник И. Отец мастера (Об А.И.Булгакове)// Альманах библиофила. Вып. 28. – М.: Книголюб, 1993. – С. 108 – 113.
6. Піскорський В.К. Вибрані твори та епістолярна спадщина /Упоряд. О. О. Новикова, І. С. Пічугіна. – К.: Фонд «Відродження», 1997. – С. 289.
7. Путова Г. В. Документи з історії родини Булгакових у Центральному державному історичному архіві України, м. Київ та Державному архіві м. Києва: огляд фондів// Михайл Булгаков. Ідентифікація. Місце. Час: Збірник наукових матеріалів. – К.: ВАРТО, 2017. – 151с.: іл. (Літературно-меморіальний музей М. Булгакова). – С. 71 – 80.
8. Путова Г. Документи про життя та діяльність А.І.Булгакова і членів його родини у ЦДАК України// Болховітіновський щорічник. 2012/ Відповід. ред.. К.Крайній. – К.: НКПІКЗ, ДП «НВЦ» Пріоритети», 2013. – 271с. – С. 245 – 258.
9. Рибинський В. До історії Київської духовної академії. Курс 1887 – 1891рр.: Спогади// Хроніка 2000: Укр. культурологічний альманах. Вип. 17 - 18. 1997. – С. 154 – 180.
10. Rogozovskaya T. Отец. Афанасий Иванович Булгаков// Sine arte, nihil (Без искусства ничто): Сборник научных трудов в дар профессору Миливое Йовановичу. – Белград-Москва: Пятая сторона, 2002. – 420с. (Новейшие исследования русской культуры. Вып. 1). – С.229 – 239.
11. Rogozovskaya T. Отец – профессор. Афанасий Иванович Булгаков. От А.Б. до Z (По старым и «новым» документам: Тезисы): Выступление на конф.// Матеріали науково-практичної конференції за підсумками роботи Музею історії м.Києва 1999 року. 23 грудня 1999 року. – К., 1999. – 48с. – С. 39.
12. Rogozovskaya T. А. Письма А. И. и В. М. Булгаковых// Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1991/ Сост. Т.Б.Князевская. – М.: Наука, 1997. – С. 34 – 38.

13. Рогозовская Т. Письма А.И. и В.М. Булгаковых// Творчество Михаила Булгакова: К столетию со дня рождения писателя. Сборник научных работ. Рекомендовано Советом Учебно – методического кабинета высшего образования Мин-ва образования Украины. – К.: УМК ВО, 1992. - 160с. (МО Украины. УМК ВО). – С. 121 – 129.
14. Ростовцева Н. А. О Булгаковых из Орла// Булгаковская весна: По материалам научно-практической конференции (13 мая 2011г.) в рамках Международного театрального фестиваля в г. Киеве (13 – 16 мая 2011г.). – К.-М., 2011. – С. 45 – 52.
15. Ульяновский В. Многоликость коллективного. Свидетельства о духовной школе: анкеты выпускников КДА к 300-летию Академии// Свидетельство: традиции, формы, имена. Успенские чтения/ Сост. К.Б.Сигов. – К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2013. – С. 532 – 582, С. 549, 565.
16. Щавинская Л. Польская русская Илария Булгакова – летописец православия в Польше// Amicus Poloniae. Памяти Виктора Хорева. – М.: Индрик, 2013. – С. 551 – 562.
17. «Я читаю о человеке все...»: Письма А.И.Булгакова к В. М. Позднееву/ Публ. и коммент. Е. А. Яблокова// Октябрь. – 2002.- №11.
18. Булгаков М. Собр.соч. в 5 т. М. 1989.
19. Булгаков М. Собр.соч в 8 т. С-Пб. 2002.